

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ярославская юридическая школа
начала XXI века

Вестник трудового права и права социального обеспечения

*Основатели ярославской школы
трудового права
и права социального обеспечения:
портреты на фоне времени*

Выпуск 1

Ярославль 2006

УДК 340.2
ББК Х623я43
В 38

*Рекомендовано
редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2006 года*

Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1. Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени / Под ред. А.М. Лушников, М.В. Лушниковой ; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – Вып. 1. – 194 с. (Серия "Ярославская юридическая школа начала XXI века")

В 38

Настоящий тематический сборник продолжает традиции периодических научных публикаций Демидовского юридического лица. Он открывает новую серию современных изданий по проблемам трудового права и права социального обеспечения. Сборник включает две части. В первой из них рассматриваются научное наследие и биографии представителей ярославской юридической школы, стоявших у истоков формирования науки трудового права и науки права социального обеспечения. Во второй части представлены рецензии на научные и учебные издания по трудовому праву, опубликованные в 2004 – 2005 гг.

Предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и юридических факультетов университетов, а также для практических работников-юристов. Он адресован всем, кто интересуется проблемами трудового права и права социального обеспечения.

УДК 340.2
ББК Х623я43

© Ярославский
государственный
университет, 2006

Содержание

<i>Сведения об авторах – членах кафедры трудового и финансового права .....</i>	<i>5</i>
<i>К читателю .....</i>	<i>9</i>
Раздел I. Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени	10
<i>А.М. Лушников, М.В. Лушникова .....</i>	<i>10</i>
<i>Вступление. О прошлом во имя будущего.....</i>	<i>10</i>
<i>1. «Всему начало здесь...»: Демидовский юридический лицей и развитие юридической науки в России.....</i>	<i>14</i>
<i>2. Л.С. Таль – отец-основатель российской науки трудового права и ярославской школы ученых-трудо­виков.....</i>	<i>24</i>
<i>3. Трудовое право, теория права и гуманитарные дисциплины: жизнь и научное наследие И.И. Дитятина, Б.А. Кистяковского .....</i>	<i>49</i>
<i>4. Трудовое право и финансовое право: жизнь и научное наследие А.А. Исаева и Р.М. Орженецкого .....</i>	<i>59</i>
<i>5. Трудовое право и гражданское право: жизнь и научное наследие Н.Л. Дювернуа, В.М. Гордона, Б.В. Чредина и А.В. Венедиктова.....</i>	<i>65</i>
<i>6. Трудовое право и административное право: жизнь и научное наследие И.Я. Гурлянда и Н.Н. Голубева .....</i>	<i>77</i>
<i>7. Трудовое право и уголовное право: жизнь и научное наследие Н.Н. Полянского и В.Н. Ширяева.....</i>	<i>84</i>
<i>8. Школа и ее воспитанники: жизнь и научное наследие А.М. Стопани и В.А. Гагена .....</i>	<i>102</i>
<i>9. Связующее звено: жизнь и научное наследие Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау .....</i>	<i>116</i>
<i>Заключение. В будущее с опорой на прошлое .....</i>	<i>138</i>

Раздел II. Юридическая библиография	143
Т.Ю. Барышникова.....	143
<i>Рец. на кн.: Дмитриева И.К. Принципы российского трудового права .....</i>	<i>143</i>
Т.Ю. Барышникова, Ю.А. Кузнецов.....	146
<i>Рец. на кн.: Нестерова Т.А. Государственные органы и их служащие в системе защиты трудовых прав .....</i>	<i>146</i>
Ю.А. Кузнецов.....	157
<i>Рец. на кн.: Актуальные проблемы ответственности в трудовом праве: история и современность .....</i>	<i>157</i>
А.М. Лушников.....	163
<i>Рец. на кн.: Бондаренко Э.Н. Юридические факты в трудовом правоотношении .....</i>	<i>163</i>
А.М. Лушников.....	168
<i>Рец. на кн.: Киселев И.Я. Сравнительное трудовое право .....</i>	<i>168</i>
М.В. Лушникова, А.М. Лушников.....	175
<i>Рец. на кн.: Кузьменко А.В. Предмет трудового права России: опыт системно-юридического исследования..</i>	<i>175</i>
М.В. Лушникова	181
<i>Рец. на кн.: Соيفер В.Г. Проблемы развития трудовых правоотношений в условиях рынка труда .....</i>	<i>181</i>
М.В. Лушникова	186
<i>Рец. на кн.: Томашевский К.Л. Изменение трудового договора и условий труда: сравнительный анализ законодательства России, Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы .....</i>	<i>186</i>

Сведения об авторах – членах кафедры трудового и финансового права

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (ЯрГУ), автор свыше ста пятидесяти научных и учебно-методических публикаций, в числе которых монографии: «Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.)». Ярославль, 2001; «Наука трудового права России: историко-правовой очерк в лицах и событиях». М., 2003; «Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений: история, теория и практика (сравнительно-правовое исследование)». Ярославль, 2001 (в соавт.), «Курс трудового

права»: В 2 т. Т. 1. М., 2003; Т. 2. М., 2004 (в соавт); «Очерки теории трудового права». СПб, 2006 (в соавт.).

В сфере его научных интересов находятся общие проблемы истории науки и образования, а также военной истории России. Автором по этой проблеме издан цикл книг: «Советский Союз в период Второй мировой войны». Ярославль, 1993. (в соавт.); «Армия, государство и общество». Ярославль, 1996; «Советская военная школа в 1921 – 1941 гг.: социально-политические аспекты развития». Ярославль, 1997; «Государственная политика России в области образования в 1861 – 1917 гг.» Ярославль, 1999; «Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.)». Ярославль, 2000 и др. Является академиком Академии военно-исторических наук.

Лушникова Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и финансового права ЯрГУ, автор свыше ста восьмидесяти научных и учебно-методических публикаций, в числе которых монографии: «Государство, работодатели и работники: история, теория и практика правового механизма социального партнерства (сравнительно-правовое исследование)». Ярославль, 1997; «Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений: история, теория

и практика (сравнительно-правовое исследование)». Ярославль, 2001. (в соавт.); «Курс трудового права»: В 2 т. Т. 1. М, 2003; Т. 2. М., 2004. (в соавт.); «Очерки теории трудового права». СПб., 2006. (в соавт.); а также учебных пособий: «Трудовые споры в СССР». Ярославль, 1991; «Право социального обеспечения. Общая часть». Ярославль, 1997 и др.

В сфере ее научных интересов находятся также проблемы финансового права, по которым издан ряд книг: «Налоговое право. Часть общая». Ярославль, 1998; «Правовой механизм налогового планирования». Ярославль, 1999; «Правовые основы налоговой системы: теория и практика». Ярославль, 2000; «Финансовое право: бюджетное, эмиссионное и валютное законодательство». Ярославль, 2004; «Налоги юридических лиц». Ярославль, 2005 и др.

Барышникова Татьяна Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и финансового права ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Кандидат юридических наук по специальности 120005 – трудовое право, право социального обеспечения. Тема диссертационного исследования: «Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов работников и работодателя» (2006 г.), автор 10 научных и методических работ.

Научная деятельность преимущественно в об-

ласти трудового права и права социального обеспечения, основное направление научной работы в настоящее время – система форм и способов защиты трудовых и социально-обеспечительных прав.

Исаева Елена Александровна – ассистент кафедры трудового и финансового права ЯрГУ им. П.Г. Демидова, аспирант той же кафедры, занимается проблемами дискриминации в сфере трудовых отношений, автор 12 научных публикаций.

К читателю

Вашему вниманию предлагается первый выпуск «Вестника трудового права и права социального обеспечения». Это издание должно возродить традиции Демидовского юридического лица по выпуску юридической периодики. Как известно, в лицее выпускался «Временник Демидовского юридического лица», а также журналы «Юридическая библиография» и «Юридические записки Демидовского юридического лица». Юридический факультет Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова уже возобновил издание «Юридических записок», и в 2005 г. вышел девятый выпуск издания. Мы же предполагаем в новом Вестнике совместить направление «Временника» (публикации ученых по актуальным проблемам права) и «Юридической библиографии» (рецензии и обзоры новых изданий по юриспруденции). Это тем более важно, что жанр библиографической критики и анализа работ по трудовому праву и праву социального обеспечения в настоящее время переживает не лучшие времена. Этот выпуск Вестника, как и последующие, состоит из двух частей. В первой из них рассматриваются биографии и научное наследие тех представителей ярославской юридической школы, кто стоял у истоков формирования науки трудового права и науки права социального обеспечения. Во второй части представлены рецензии на научные и учебные издания по трудовому праву, опубликованные в 2004 – 2005 гг. Проблемы трудового права и права социального обеспечения будут рассматриваться в тесном взаимодействии.

Раздел I.
Основатели ярославской школы
трудового права и права социального
обеспечения:
портреты на фоне времени

А.М. Лушников, М.В. Лушникова

Вступление. О прошлом во имя будущего

Я надеюсь, что размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего, что они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества.

У. Черчилль

Конец XIX – XX в. можно с полным основанием назвать «золотым веком» российской юридической науки. На этот период приходится расцвет творчества блестящей когорты отечественных правоведов, труды которых в значительной степени не утратили своей научной значимости и в настоящее время. Свидетельством этого является массовое переиздание работ российских ученых дореволюционного периода. Сравнение широты охвата и глубины анализа в трудах классиков российской юридической науки с большинством советских и многими современными исследованиями будут явно не в пользу последних. Этому есть как

объективные, так и субъективные причины, о которых мы скажем далее. Здесь же отметим, что в ряду российских ученых-правоведов названного периода особое место занимают представители ярославской юридической школы. Это касается специалистов практически всех отраслей права и сфер юридической науки. Но особое место среди них занимают ученые-специалисты в сфере трудового права. А.Н. Козырин вполне обоснованно отмечал: «Не будет преувеличением сказать, что в стенах Демидовского юридического лица зародилась наука трудового права»¹. В этой связи мы вполне поддерживаем выделение самостоятельной ярославской юридической школы² и одного из ее отраслевых направлений – ярославской школы трудового права. На наш взгляд, высказываемые в литературе сомнения по поводу существования ярославской юридической школы (А.Н. Козырин, Е.А. Скрипилев)³ являются следствием различных подходов к самому понятию «школа». Научную школу образуют три компонента: 1) личностный (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения и др.); 2) материальный (материальная база учебного процесса); 3) социокультурный (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение). Все эти компоненты в Ярославле имели существенные отличия и даже являлись уникальными. При этом нет основания причислять конкретного ученого непременно и только к ярославской школе юристов. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в 2-3, а иногда и более вузах. Ярославль в силу ряда специфических причин, о которых будет сказано далее, а также географической близости постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидов-

---

¹ Козырин А.Н. Наука финансового права в Ярославском Демидовском лицее // Финансы и налоги: очерки теории и политики. М., 2004. С. 13.

² Егоров С.А. «На честное дело жизни...». Ярославское высших наук училище. Демидовский лицей. Ярославская юридическая школа. Историко-правовое исследование. Ярославль, 1997.

³ См.: Козырин А.Н. Указ. соч. С. 6; Скрипилев Е.А. Рец. на кн. С.А. Егорова «На честное дело жизни ...» // Государство и право. 2002. № 9. С. 121-123.

ском юридическом лице и Ярославском государственном университете. Л.С. Таля, которому посвящена отдельная глава данной работы, можно причислить не только к ярославской, но и к московской и петербургской школам ученых-трудовиков. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятия в такой трактовке «научная школа», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

Целью первого выпуска «Вестника трудового права» является отражение жизненного и научного пути наиболее известных ученых – специалистов в сфере трудового права, творивших в стенах Демидовского юридического лица, а также других вузов Ярославля уже советского периода. Некоторые из ученых, чья жизнь и творчество затронуты в этой работе, не являются учеными-трудовиками в тесном смысле этого слова. Но их научная деятельность оказала влияние на возникновение и развитие отечественной науки трудового права. Судьба этих ученых переплелась с судьбой г. Ярославля и ярославских учебных заведений, и это также нашло отражение в нашем исследовании.

Французский моралист Ф. де Ларошфуко в свое время писал: «Куда полезней изучать не книги, а людей». Это представляется не совсем верным: скорее полезно изучать не только книги, но и жизненный путь их авторов. Это позволяет по-иному взглянуть на их научное наследие, понять, что двигало их пером, вызывало приливы энергии или взрывы отчаяния. Как нам представляется, научное наследие ученых очень сложно осмыслить без учета времени и места их деятельности, перипетий их личной и общественной жизни. Но перед Вами, читатель, не собрание биографий, а анализ творчества известных российских ученых на фоне времени с учетом особенностей их человеческих судеб.

Данная публикация подготовлена во многом на архивном материале, прежде всего, Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) и филиала ГАЯО – Центра документации новейшей истории (ЦДНИ). Активно использовалась и периодическая печать. Кроме того, нашу задачу существенно облегчило наличие большого массива научной и учебной литературы как по истории

Ярославля и Ярославского края⁴, так и учебных заведений, прежде всего, Демидовского юридического лицея и Ярославского государственного университета⁵.

Авторы благодарят за предоставленные материалы и помощь в подборе документов историка-краеведа Н.С. Землянскую и заведующую отделом информационного обеспечения ярославского Центра документации новейшей истории Э.Н. Лунину.

---

⁴ См.: Андреев П.Г. и др. Ярославль: Очерки истории города. Ярославль, 1954; История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2000; Очерки по истории Ярославского края / Под ред. В.А. Ляхова. Ярославль, 1974; Хаиров А.Р. История Ярославля с древнейших времен до наших дней. М., 1999 и др.

⁵ См.: Гладков Н.А. Обзорение 50-летнего существования Демидовского лицея. Ярославль, 1853; Головщиков К.Д. П.Г. Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803 – 1886 гг.). Ярославль, 1887; Он же. История Демидовского юридического лицея в Ярославле (1803 – 1899). Ярославль, 1900; Головщиков К.Д. Черты жизни и деятельности Ярославского Демидовского высших наук училища и потом лицея. Ярославль, 1869; Егоров С.А. Ярославское высших наук училище. Ярославль, 1980; Егоров А.Д. Демидовский юридический лицей: В 2 ч. Иваново, 1994; Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем / Под ред. В.Т. Анискова, Ярославль, 1995; Очерки истории высшей школы Ярославского края / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2003; Покровский С.П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802 – 1902). СПб., 1902; Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866; Щеглов В.Г. Высшее учебное заведение г. Ярославля им. Демидова в первый век его образования и деятельности. Ярославль, 1903; Шпилевский С.М. Столетие училища имени Демидова: Демидовское училище высших наук. Демидовский лицей. Демидовский Юридический лицей (1803 – 1903). Ярославль, 1903 и др.

---

1. «Всему начало здесь...»: Демидовский юридический лицей и развитие юридической науки в России

Во всеоружии встречал
Двадцатый век лицей.
На всю Россию прозвучал
Столетний юбилей.

Ученых – славный легион,
Их знает вся страна:
Щеглов, Ширяев, Таль, Гордон –
Какие имена!

И Кистяковский здесь у нас
Великий выдал труд.
Свет той науки не погас,
Дела тех дней живут!..
С.А. Егоров «Демидовский завет»

П.Г. Демидов 29 апреля 1803 г. обратился с прошением к императору Александру I, в котором, среди прочего, указывалось: «...Имею смелость просить Ваше Величество, дабы Высочайшим Указом Вашим было назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетом и все преимущества оногo, заведя в нем класс наук университетских»⁶. 6 июня 1803 г. в ответ на это прошение последовал Указ Правительствующему Сенату, в котором предписывалось: "...3) Привести в исполнение все распоряжения, самим благотворителем учиненные, в точной сообразности с его волею, возложить на министра народного просвещения"⁷. Согласно императорскому Указу в г. Ярославле учреждалось выс-

---

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Д. 15. Л. 12-14.

⁷ Там же. Л. 11.

шее учебное заведение. Таким образом, Ярославское училище высших наук официально было учреждено 6 июня 1803 г. Занятия в училище начались 1 августа 1804 г., его Устав был подписан Александром I 28 января 1805 г., а торжественное открытие состоялось 29 апреля 1805 г. Приравнивание аттестата училища к университетскому диплому в 1811 г. только повысило статус выпускников в рамках системы высшего образования. Училище находилось под научно-методическим и административным управлением Московского университета, которое осуществлялось до 1845 г. Это была обычная практика для того времени. По мнению некоторых исследователей, первые более чем 20 лет своего существования училище по своему правовому положению было чем-то вроде филиала Московского университета, органически, можно сказать, входило в его состав⁸. В материальном содержании училищные профессора были приравнены к университетским, а учащиеся училища изначально именовались студентами⁹.

В 1803 г. училище было преобразовано в лицей камерального профиля, однако это только усугубило неопределенность его правового статуса. Главными для преподавания науками должны были стать науки юридические и камеральные (т.е. связанные с управлением государственным имуществом). Лицей занял промежуточное положение между высшим и средним учебным заведением, а для поступления на государственную службу его выпускникам необходимо было сдавать дополнительные экзамены при одном из университетов. Даже негласное звание «пятого факультета камеральных наук Московского университета» не могло изменить ситуацию. В 1864 г. в лицее училось всего 29 студентов. Отметим, что правовая составляющая и до изменения статуса лицея была на должном уровне, в числе его преподавателей были видные отечественные ученые-юристы В.Н. Никольский, А.П. Чебышев-Дмитриев, а также выдающийся педагог К.Д. Ушинский. Наконец, в 1868 г. камеральный лицей был преобразован в высшее

---

⁸ Егоров С.А. «На честное дело жизни...». С. 19.

⁹ См: Лушников А.М. К проблеме учреждения высшего учебного заведения в Ярославле // Вторые Алмазовские чтения: Сборник. Ярославль, 2002. С. 45-50.

юридическое учебное заведение и стал именоваться Демидовским юридическим лицеем.

После периода реорганизации в августе 1870 г. лицей начал работу уже в качестве вуза, равного в правах с университетом. Первый его директор М.Н. Капустин подобрал яркий состав преподавателей, многие из которых впоследствии составили цвет российской юридической науки. Помимо самого директора, это – историк права М.Ф. Владимирский-Буданов, государствовед Н.К. Нелидов, цивилист Н.Л. Дювернуа, а также криминалист М.В. Духовский и теоретик права П.Л. Карасевич. В последующих главах данной работы мы рассмотрим более подробно вклад ярославских ученых в развитие науки через призму трудового проблематики.

Демидовский юридический лицей был во многом уникальным и выдающимся вузом. Начнем с того, что по числу студентов он уступал только юридическим факультетам Московского и Петербургского университетов, а по числу периодических изданий был вне конкуренции. Наряду со сборником «Временник Демидовского юридического лицея» (1872 – 1917), это «Юридическая библиография» (1907 – 1917) и «Юридические записки Демидовского юридического лицея» (1908 – 1914). В лицее раньше, чем в университетах, был введен курс торгового права. Римское право читалось в большем объеме, впоследствии институции, история и догма римского права преподавались как три самостоятельных предмета. Отличался лицей и фундаментальным уровнем общеобразовательной подготовки, последовательным культивированием интереса к проблемам истории, культуры и искусства. Видимо, не случайно в числе его выпускников оказались поэты К.Д. Бальмонт и М.А. Богданович, писатель-фантаст А.Р. Беляев, писатели И.Я. Гурлянд и А.А. Потехин. К числу видных историков-краеведов можно отнести многих лицейских ученых, в том числе К.Д. Головщикова, И.И. Дитятину, И.Я. Гурлянда, С.П. Покровского, С.М. Шпилевского и др. Последний из них в 1889 г. возглавил Ярославскую ученую архивную комиссию, в работе которой участвовали многие лицейские профессора, в том числе В.Г. Щеглов и другие. Лицей служил своеобразной школой и базой для подготовки профессоров, занимавших в дальнейшем кафедры на юридических факультетах

университетов. Таковых к 1917 г. оказалось около 40. Типичной была ситуация, когда молодой магистр права приглашался в Ярославль, а через 3 – 8 лет, защитив докторскую диссертацию, переходил для занятия кафедры в один из университетов, очень часто Московский или Петербургский. При этом значительная часть преподавателей оставалась в лицее на период всей педагогической карьеры или на 10 – 20 лет. Примечательно, что с 1870 по 1917 г. в Демидовском юридическом лицее директорами были подавляющую часть времени всего три человека: М.Н. Капустин (1870 – 1883), С.М. Шпилевский (1885 – 1903), В.Г. Щеглов (1910 – 1916). В.Н. Ширяев стал не только последним директором лицея, но и первым и единственным ректором созданного на его базе Ярославского государственного университета вплоть до прекращения его деятельности (1917 – 1923). Директорствовали в лицее также известный криминалист М.П. Чубинский и административист Э.Н. Берендтс. Конечно, работа в университете была до некоторой степени более престижной, давала больше возможностей для дополнительного заработка, позволяла завести деловые и научные связи, облегчала переход на государственную службу в центральный аппарат. Но и лицей имел целый ряд преимуществ, притягивавших к нему лучшие научные силы. Таким образом, происходил своеобразный обмен преподавательским составом, когда на место ушедших в университеты профессоров приходили молодые преподаватели, вскоре входившие в элиту ученых-юристов. Например, в 1906 г. сразу три ведущих профессора лицея перевелись на юридический факультет Харьковского университета. Это цивилист В.М. Гордон, теоретик права Н.И. Палиенко и специалист по церковному законоведению Е.Н. Темников. Но на их место пришли соответственно из Томского университета приват-доцент С.Е. Сабинин и два профессора Варшавского университета – Ф.В. Тарановский и П.В. Гидулянов.

В лицее устанавливались более тесные человеческие контакты, что было свойственно для провинциальной социальной среды того периода. Этому способствовал, условно говоря, «дух кампуса», университетского городка, где преподаватели проживали относительно компактно, тесно общались между собой и со студен-

тами, активно взаимодействовали с представителями власти. На этот процесс повлияло создание в 1896 г. Ярославского юридического общества, которое было известно в стране и о деятельности которого неоднократно сообщала центральная печать¹⁰. В его работе принимали активное участие не только лицейские преподаватели и практикующие юристы, но и руководители губернии, начиная с губернатора Б.В. Штюрмера, юриста по образованию, ставшего впоследствии главой правительства России.

В Демидовском юридическом лицее были более либеральные нравы, а вмешательство центральной администрации в учебный процесс было менее активным. Более демократичным был и состав студентов. Уже к четвертой четверти XIX в. среди них преобладали разночинцы. На учебу принимались лица, отчисленные из средних учебных заведений и университетов по политическим мотивам. Это касалось и вполне умеренных либералов, но в большей степени – учащихся, придерживавшихся марксистских взглядов. Так, в число студентов был принят исключенный из духовной семинарии Н.И. Подвойский (1880 – 1948), который лицей так и не закончил. То же самое произошло и с исключенным из Казанского университета А.М. Стопани, который создал в 1895 г. первый марксистский кружок в Ярославле. Исключенный из Московского университета М.С. Кедров (1878 – 1941) не только окончил лицей, но и был представлен к награждению серебряной медалью за сочинение о налоговой системе Пруссии. Ярославские студенты живо откликались на все общественные события, а в начале XX в. создается Ярославский студенческий комитет, председателем которого был Н.И. Подвойский, а активными участниками лицеисты А.П. Доливо-Добровольский, М.С. Кедров и др.

Подбор преподавателей также позволял говорить о последовательном либерализме руководства вуза. Например, уволенный по политическим мотивам из Новороссийского университета (г. Одесса) Р.М. Орженцкий в 1906 г. был принят приват-доцентом лицея, где преподавал многие годы. «Неблагонадежные», с точки зрения властей, преподаватели традиционно находили пристанище на лицейских кафедрах. Наиболее известными

---

¹⁰ См.: Ярославское юридическое общество // Право. 1899. № 15. С. 794-802; 1900. № 7. С. 409-411 и др.

из них были марксист Н.Н. Полянский, социалисты Б.А. Кистяковский и Б.В. Чредин, о которых речь пойдет в дальнейшем. Не случайно первая кадетская организация в Ярославской губернии была создана во многом на базе лицея, а возглавил ее приват-доцент В.Н. Ширяев. Среди депутатов Первой Государственной Думы от Ярославской губернии был приват-доцент лицея М.П. Бобин, возглавлявший одну из думских комиссий. В числе преподавателей оказывались и «не вписавшиеся» в традиционную университетскую иерархию ученые. Так, теоретик права А.А. Рождественский при защите магистерской диссертации «Теория субъективных публичных прав. I. Основные теории субъективных публичных прав» в Московском университете в мае 1913 г. был подвергнут уничтожающей критике, а его оппоненты профессор А.И. Елистратов и приват-доцент И.А. Ильин не сказали о работе практически ни одного «доброего» слова¹¹. Основания для этого были, особенно по части формы работы. Вместе с тем постановка проблемы была достаточно интересной и плодотворной. Можно понять, почему вскоре Рождественский оказался не в числе преподавателей Московского университета, а в Ярославле.

Возникновению феномена Демидовского юридического лицея способствовало и то, что он находился относительно недалеко от Москвы и часть преподавателей могла вести занятия в Ярославле, проживая и ведя преподавательскую деятельность и в Москве. Нередкими были и случаи, когда основным местом работы оставался лицей, а преподавание в столичных вузах осуществлялось по совместительству. Например, в 1906 – 1907 гг. лекции в Петербургском университете вели лицейские профессора статистик и экономист Р.М. Орженцкий и криминалист М.П. Чубинский. В Московском университете вели занятия лицейские преподаватели цивилист С.Е. Сабинин, криминалист Г. С. Фельдштейн, специалист по церковному праву П.В. Гидулянов¹². Такая ситуация сохранилась отчасти и в 1918 – 1923 гг. в Ярославском государственном университете. В лицее была богатая библиотека, составлявшая в 1914 г. 53 тыс. книг, что позволяло успешно

---

¹¹ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 19. С. 1230-1235.

¹² См.: Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 56-60.

организовывать учебный процесс и вести научную работу. Близость к обеим столицам также этому способствовала, как и налаживанию межличностных контактов ученых. Все это позволило иметь замечательный контингент преподавателей, активно занимавшихся научной работой. В мае 1913 г. в лицее преподавали профессора Д.С. Глаголев (богословие), Т.М. Яблочков (институции римского права, гражданское право, гражданский процесс), Р.М. Орженцкий (политическая экономия, статистика), В.Г. Щеглов (государственное право), В.Н. Ширяев (уголовное право), Н.Н. Голубев (административное право), В.Н. Мышцын (церковное право), приват-доценты Б.Н. Фрезе (история римского права, догма римского права), Б.А. Кистяковский (энциклопедия права, история философии права), С.П. Покровский (всеобщая история права), Е.Д. Синицкий (уголовный процесс), А.В. Шмидт (международное право), Л.С. Таль (торговое право), О.И. Зубов (судебная медицина), а также преподаватели иностранных языков П.А. Шансель и О.Ф. Лилиенталь¹³. П.А. Шансель был не только специалистом по французскому языку, но и выпускником юридического факультета Сорбонны.

Демидовский юридический лицей согласно декрету Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 7 декабря 1918 г.¹⁴ был преобразован в Ярославский государственный университет (ЯрГУ). Он начал свою работу в ноябре 1918 г., имея в своем составе только один факультет общественных и исторических наук, вскоре переименованный в факультет общественных наук (ФОН). В составе последнего было экономическое и кооперативное (в начале 1919 г. объединенные в экономическое), а также юридическое (правовое) отделения. Все профессора Демидовского юридического лица остались на занимаемых кафедрах, а новый университет использовал лицейскую материальную базу. Первым ректором университета стал последний директор лицея ученый-правовед В.Н. Ширяев. Первым проректором был также юрист – В.Н. Мышцын. ФОН возглавил специалист по уголовному праву и процессу Н.Н. Полянский, а затем цивилист Б.В. Чредин. Из ор-

---

¹³ ГАЯО. Ф. 571. Оп. 2. Д. 30. Л. 1-2.

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее – СУ). 1919. № 2. С. 21.

ганизованных в первые два года 29 кафедр 27 относились к ФОНу, причем подавляющее большинство из них – к его правовому отделению. Несколько более обособленным был открытый в ноябре 1920 г. агрономический факультет. Первым секретарем Совета и Президиума ЯрГУ являлся юрист А.Р. Свирцевский. Из принятых осенью 1918 г. около 1 200 студентов 338 составляли бывшие лицеисты, обучавшиеся по прежним программам юридического профиля. Отметим, что открытый в ноябре 1919 г. медицинский факультет возглавил лицейский профессор, специалист по судебной медицине О.И. Зубов.

Преподавательский состав лицея даже в трагический период его истории в сентябре 1918 г. украшали известные российские ученые-юристы, помимо вышеназванных, такие, как профессора В.Г. Щеглов, Н.Н. Голубев, Д.С. Глаголев, А.А. Рождественский, Р.М. Орженцкий, доцент Б.А. Лапицкий. В ноябре 1919 г. из числа вышеназванных преподавателей в Ярославском государственном университете остались все, кроме Д.С. Глаголева и Р.М. Орженцкого, а пришли профессора Б.Д. Плетнев, Н.Н. Пчелин и др. В этот период в университете была создана кафедра рабочего права и социальной политики, где читались курсы рабочего права и учение об основных экономических правах. На кафедре истории рабочего движения преподавался предмет «Формы рабочего движения в связи с историей труда и рабочего класса»¹⁵. Еще в 1918 г. на кафедре промышленного права уже читались отдельные вопросы, касающиеся рабочего права. Первыми трудовые дисциплины начали преподавать профессора Н.Н. Голубев и Б.В. Чредин, о чем будет сказано далее.

В этой связи представляется безусловным правопреемство ЯрГУ по отношению к Демидовскому юридическому лицей. По сути, новый университет первоначально представлял собой вуз, осуществлявший обучение экономистов (с углубленной правовой подготовкой) и юристов. Основу ЯрГУ, что вполне естественно,

---

¹⁵ См.: Сборник Ярославского госуниверситета. Вып. 1. 1918 – 1919 гг. Ярославль, 1920. С. 351-357.

составило именно правовое отделение ФОН с уже подготовленным штатом преподавателей и контингентом студентов¹⁶.

Значительно больше вопросов связано с прекращением деятельности университета в 1924 г.¹⁷ Это традиционно связывается с так называемым “общим урегулированием сети высших учебных заведений”. Первоначально на республиканском уровне поднимался вопрос о свертывании системы юридического образования. Решение об упразднении юридических факультетов Народный комиссариат просвещения (НКП) РСФСР принял еще в декабре 1918 г., а закрытие всех отпущенных кредитов на их содержание должно было осуществиться с 15 января 1919 г. Это напрямую затронуло правовой факультет (ранее юридическое (правовое) отделение, а затем юридино-политическое отделение ФОН). Однако отделение закрыто не было.

Идея о ликвидации юрфаков была реанимирована в начале 1922 г., но в более широком контексте и в связи с общим сокращением сети вузов. Это соответствовало и общей стратегии по свертыванию системы широкого университетского образования и перехода к узкотехнической подготовке специалистов. Отсюда уменьшение числа университетов и рост численности профильных институтов: педагогических, сельскохозяйственных, индустриальных и др. Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) НКП РСФСР предложило закрыть ФОН ЯрГУ “в лице его правового отделения” к началу 1922/23 учебного года. Но в Главпрофобр поступило ходатайство ФОНа ЯрГУ за подписью его руководителя Б.В. Чредина о разрешении студентам 5 – 9 семестров пройти ускоренный курс с таким расчетом, чтобы к первому июля 1923 г. был сделан выпуск¹⁸.

---

¹⁶ См. подробнее: Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем / Под. ред. В.Т. Анискова. Ярославль, 1995. С. 171-190.

¹⁷ См. подробнее: Вошатко А.В., Лушников А.М., Тарусина Н.Н. Ярославский государственный университет в 1918 – 1924 гг. и правовые последствия фактического прекращения его деятельности // Юридические записки Ярославского государственного университета. Ярославль, 2002. Вып. 6. С. 54-62.

¹⁸ См.: Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 1565. Оп. 1. Д. 49. Ч. II. Л. 387.

Решение о фактическом прекращении деятельности ЯрГУ было принято на заседании Малого Президиума Ярославского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (п. 3 Протокола № 26 от 3 мая 1924 г.). Постановление по п. 3 гласило:

“1) Ввиду дефицита местного бюджета, следствием которого явилось сокращение расходов по всем отраслям работы учреждений Ярославской губернии... признать содержание Ярославского Государственного Университета на средства Ярославского губисполкома в дальнейшем невозможным и отпуск средств прекратить с 15-го июля с/г.

2) Поскольку университет содержится на местные средства и неотпуск средств в дальнейшем является равносильным фактическому закрытию Университета, предложить Губфинотделу договориться с Правлением Университета о сумме, потребной для ликвидации последнего...”. Как видим, в данном акте содержалось не решение о ликвидации, а только констатация “фактического закрытия” за отсутствием денежных средств. Это можно квалифицировать как приостановку функционирования ЯрГУ, прекращение деятельности де-факто.

Летом 1969 г. вышло Постановление Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР об открытии (по сути, о воссоздании) в Ярославле государственного университета, который начал свою работу в 1970 г. Ныне он носит имя П.Г. Демидова.

---

2. Л.С. Таль – отец-основатель российской науки трудового права и ярославской школы ученых-трудо­виков

Грядущее обновление наших гражданских законов напоминает нам о лежащем на цивилистической науке вековом обязательстве перед трудящимся населением. Исполнения этого обязательства не только требует достоинство науки. Оно – наш гражданский долг.

Л.С. Таль

В настоящее время уже общепризнано, что Л.С. Таль является отцом-основателем науки трудового права, первым российским ученым-трудо­виком. Более того, его можно считать основателем трех ведущих российских школ трудового права – московской, санкт-петербургской и ярославской, о чем будет сказано далее. Его перу принадлежат первые диссертационные и монографические исследования, посвященные проблемам правового регулирования трудовых отношений, а также один из первых учебников по промышленному (трудо­вому) праву. Он первым разработал основные проблемы общей части трудового права, заложил основы его догматики. Практически все отечественные исследователи первой четверти XX в. опирались на его научное наследие либо через его признание и интерпретацию, либо через отрицание и оппонирование. В советский период труды Л.С. Таля были труднодоступны, подвергались огульной критике, а само его имя, как «буржуазного теоретика», замалчивалось. Но даже в это время лучшие отечественные ученые-трудо­вики развивали научные наработки и концепции Л.С. Таля. Например, Н.Г. Александров в 50-е гг. XX в. в частном порядке всегда предупреждал своих студентов-дипломников, что без знания работ Л.С. Таля

они не могут рассчитывать на высокую оценку. Это же касалось и аспирантов. Советские концепции трудового договора и работодательской власти основывались на учении Л.С. Таля. Утвердившиеся в советской науке признаки трудового правоотношения также восходили к его трудам. Л.Я. Гинцбург еще в 1977 г. писал о том, что работа Л.С. Таля «Трудовой договор»¹⁹ по широте охвата темы и тонкости юридического анализа стояла на уровне самых выдающихся произведений буржуазной науки XX в. Он отмечал большую роль научного наследия Л.С. Таля в развитии советской науки трудового права 20-х гг. Л.Я. Гинцбург называл Л.С. Таля, наряду с немцами Ф. Лотмаром, В. Эндеманном, французами М. Капитаном, П. Пиком, буржуазными юристами, констатировавшими появление трудовых правоотношений и зарождение новой отрасли – трудового права²⁰.

Только в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. работы Л.С. Таля перестали быть преимущественно объектом критики, а также «тихого» заимствования без указания авторства. Он начал восприниматься как видный ученый-трудолик, а высокие отзывы о его публикациях стали скорее правилом²¹. В конце 90-х гг. прошлого века начался настоящий «талевский» ренессанс, а сам Л.С. Таль стал едва ли не самым цитируемым трудоликами автором. Его научное наследие не стало антикварной ценностью и до сих пор остается востребованным. При этом многие обоснованные им концептуальные положения остаются в инструментарии современной российской науки трудового права.

В настоящее время имеется уже относительно обширная литература, где анализируются труды Л.С. Таля, а также затрагивается его биография²². Российские ученые-трудолики дают науч-

---

¹⁹ См.: Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч. 1. Общее учение. Ярославль, 1913; Ч. 2. Внутренний распорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918.

²⁰ См.: Гинцбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 11, 172-173.

²¹ См., например: Фатуев А.А. Трудовое право в жизни человека. М., 1991. С. 40, 53, 60, 68 и др.

²² См.: Аكوпова Е.М. Трудовой договор: становление и развитие. Ростов н/Д., 2001. С. 56-62; Гундарин О.Т. Основоположник отечественной науки трудового права Лев Семенович Таль: Жизненный путь и научная

ному наследию своего научного предшественника самую высокую оценку. Показательно в этом плане мнение И.Я. Киселева: «Труды Л.С. Таля отличаются научной глубиной и основательностью, широким привлечением зарубежного нормативного и теоретического материала. Автор виртуозно владеет сравнительно-правовым и историко-правовым методами исследования. Поражает его научная эрудиция, знание истории, теории, философии права, правовой догмы, емкость и четкость мыслей, дар научного предвидения. На наш взгляд, работы Л.С. Таля во многом не устарели и могут сослужить хорошую службу как в развитии нашего трудового законодательства, так и в разработке теоретических проблем российского трудового права на пути к рынку»²³. Все это дает основание некоторым ученым говорить о существовании «талеведения»²⁴.

Очевидно, что перипетии его жизненного пути тесно связаны с его научной биографией и должны рассматриваться во взаимосвязи²⁵. Лев Семенович Таль родился 22 марта 1867 г. в г. Митава Курляндской губернии, в купеческой семье. Первоначально он был наречен Луи (по другим данным Луи-Людвиком)²⁶. Впослед-

---

биография // Российское трудовое право на рубеже тысячелетий. Ч. 1. СПб., 2001. С. 17-33; Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 80-96; Лушников А.М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 27-31, 146-147; Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 424-430; Лушникова М.В., Лушников А.М., Тарусина Н.Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. С. 87-90, 108-109 и др.

²³ Киселев И.Я. Указ. соч. С. 80 (прим.).

²⁴ См.: Гундарин О.Т. Лев Семенович Таль: жизнь и судьба российского правоведа // Правоведение. 2005. № 5. С. 218.

²⁵ Впервые биографические данные Л.С. Таля были приведены: Гундарин О.Т. Теория трудового договора в научном наследии Л.С. Таля // Учен. зап. Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2/4. С. 34-52.

²⁶ РГИА. Ф.733. Оп.155. Д.483. Л.12. В документах дважды, в том числе в формулярном списке, указывается, что он родился в 1867 г. и один – что в 1866 г.

ствии он перешел в евангелическо-лютеранское исповедание и принял имя Лев. После окончания гимназии в 1886 г. Таль поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил с дипломом первой степени, дававшим право на получение десятого классного чина (1890 г.). Вероятно, уже тогда определился его научный интерес в сфере гражданского права. Среди его университетских преподавателей были видные цивилисты Н.И. Боголепов, Ю.С. Гамбаров, Н.О. Нерсесов, экономисты А.И. Чупров и И.И. Янжул, историк П.Г. Виноградов. Посещал он и лекции мэтра отечественной исторической науки В.О. Ключевского. Отсюда берет истоки фундаментальная подготовка по гуманитарным дисциплинам и фактически профессиональное знание истории. Примечательно, что из числа студентов, обучавшихся с Талем на одном факультете примерно в этот же период, вышло, вероятно, больше известных политиков, нежели ученых. Достаточно вспомнить членов Временного правительства П.Н. Малянтовича, Ф.Ф. Кокошкина, В.А. Маклакова, московского городского голову Н.И. Астрова и др.

В 1890 – 1893 гг. Таль служил в судебных органах, сначала кандидатом на судебную должность при Московском окружном суде, с января 1892 г. – исполняющим дела, а затем помощником секретаря третьего стола первого Уголовного отделения Московского окружного суда. В январе 1893 г. Таль по прошению переводится столоначальником Московского Сиротского суда. В 1893 г. он утверждается в чине коллежского секретаря. В августе 1893 г. Таль увольняется с государственной службы «по домашним обстоятельствам». Вполне возможно, что государственная служба тяготила его, а недостаток времени не позволял активно заниматься научными исследованиями. В 1893 г. он выезжает за границу с целью посещения лекций в Бонне и Мюнхене. В Боннском университете в то время читал лекции профессор В. Эндеманн, один из первых ученых-трудовиков, который, наравне с профессором Базельского университета Ф. Лотмаром, оказал на него наибольшее влияние. Впоследствии Л.С. Таль неоднократно выезжал в зарубежные научные командировки. Он в совершенстве знал немецкий, хорошо владел французским, несколько хуже – английским языками. Большая трудоспособность,

знание языков, частые и длительные поездки за рубеж, активное общение с иностранными коллегами сделали его знатоком западной научной литературы и законодательства, особенно Германии и Австро-Венгрии. В 1895 – 1905 гг. он служит присяжным поверенным в Риге. Но интерес к науке и преподаванию брал свое. В 1901 г. вышла его первая научная публикация²⁷. В 1905 г. (по другим данным – в 1906 г.) он сдает магистерский экзамен по гражданскому праву в Юрьевском университете, защищает диссертацию на тему «Ипотечная отметка». Позднее по неизвестным нам причинам документы, подтверждающие защиту, так и не были получены. Впрочем, в 1906 г. диссертация в формате книги была опубликована, а также вышла научная статья. Столь позднему переходу на преподавательскую работу способствовали как обстоятельства личного характера, так и вопрос с вероисповеданием. По утверждению Таля, в 1906 г. он был допущен к чтению лекций в Юрьевском университете, но документально это не было подтверждено. Начало педагогической карьеры Льва Семеновича трудно назвать удачным, тем более что столь поздняя защита магистерской диссертации в возрасте почти 40 лет была для российского ученого мира относительной редкостью. Примечательно, что в том же году и в том же университете началась педагогическая деятельность еще одного бывшего присяжного поверенного, впоследствии известного цивилиста В.И. Синайского. Магистерскую диссертацию он защитил год спустя, но был моложе Таля на 9 лет. Е.В. Васьковский, будучи старше Таля всего на один год, в 1906 г. уже являлся первым проректором Новороссийского университета и профессором гражданского права со всероссийской известностью.

С осени 1906 г. начинается преподавательская деятельность Льва Семеновича в качестве приват-доцента кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета, где его коллегами были Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, И.А. Покровский, А.И. Каминка. Таль первым в стране стал читать спецкурс «Договоры о труде» (с 1907 г.), а руководимый им студенческий кружок гражданского права (с 1908 г.) также занимался преимущественно

---

²⁷ См.: Таль Л.С. Судоходство и сплав по прибалтийским рекам // Право. 1901. № 9. С. 478-484.

изучением проблем правового регулирования трудовых отношений. Через этот кружок прошли известные впоследствии ученые-трудовики И.С. Войтинский, В.М. Догадов и К.М. Варшавский, которых можно назвать первыми учениками Л.С. Таля. Одновременно он читал лекции на Высших женских курсах Раева, в Институте высших коммерческих знаний, вел занятия на Бестужевских высших женских курсах по торговому и гражданскому праву. В 1909 г. Л.С. Таль избирается действительным членом Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. Большой объем работы по совместительству был связан не только с исключительной работоспособностью ученого. К этому его толкало также отсутствие полной нагрузки в университете и потребность в средствах на содержание семьи. Еще будучи присяжным поверенным, Л.С. Таль вступил в брак с вдовой Е.Л. Изерман. Двух ее детей от первого брака он усыновил в 1899 г.

Революция 1905 – 1907 гг. вовлекла в орбиту общественно-политической жизни многих российских юристов. Л.С. Таль не стал исключением. Его симпатии были на стороне партии кадетов, в периодических изданиях которой он публиковал свои статьи. Такой выбор был естественным, так как эту партию в шутку, но не без основания называли «партией профессоров» и даже «партией юристов». В числе ее лидеров были такие авторитетные правоведы, как М.М. Винавер, И.В. Гессен, С.А. Котляревский, С.А. Муромцев, В.Д. Набоков, Г. Ф. Шершеневич и др. В «рабочем вопросе» требования партийной программы также были близки Л.С. Талю: введение 8-часового рабочего дня, обязательное страхование рабочих «с отнесением издержек за счет предпринимателей», предоставление свободы союзов, стачек, собраний. Эта была программа «законодательного решения рабочего вопроса». Разработанный Л.С. Талем проект закона о рабочем договоре был частью пакета законопроектов, внесенных кадетами в Первую Государственную Думу (1906 г.). Симпатии к кадетам Л.С. Таль сохранил и в дальнейшем, хотя о его членстве в этой партии достоверно неизвестно. Политика не обошла стороной и семью ученого. Его приемная дочь, слушательница Бестужевских высших женских курсов Елизавета Львовна Таль (1893 – 1987), в декабре 1910 г. участвовала в стычке с полицией во время разго-

на несанкционированной сходки. Впрочем, на карьере ее отца это никак не отразилось.

С 1907 г. основным предметом его научных исследований стало правовое регулирование трудовых отношений, а именно: трудовой договор, работодательская власть и ее пределы, коллективные (тарифные) соглашения²⁸. К этому времени он имел обширный опыт судебного чиновника и присяжного поверенного, являлся авторитетным и уважаемым специалистом по гражданскому и торговому праву. К тому же, как уже указывалось, Л.С. Таль хорошо знал западное законодательство и юридическую литературу. Будучи достаточно честолюбивым человеком, он упорно искал свою нишу в науке и нашел ее. Его интерес к спорным теоретическим положениям, правовым пробелам и коллизиям вывел его на правовое регулирование трудовых отношений. Эта проблема в то время была «поделена» между специалистами по гражданскому и административному праву. Надо было обладать большим талантом и упорством, чтобы из разнородного и разноотраслевого массива литературы и законодательства создать целостную теоретическую конструкцию. Это было под силу только неординарно мыслящему ученому, видевшему феномен трудовых отношений в историческом и компаративном ключе. Именно таким ученым и был Л.С. Таль.

Летом 1912 г. он переходит на работу в ярославский Демидовский юридический лицей на должность приват-доцента кафедры гражданского права. В то время лицей являлся одним из ведущих высших учебных заведений правового профиля. Ярославский вуз имел выдающийся преподавательский состав, чему способствовали обстоятельства, названные в предшествующей главе. Этот переход был связан и с потребностью ученого в карьерном росте, который в столице был затруднен. К тому же по инициативе ми-

---

²⁸ См.: Таль Л.С. Законопроект о найме торговых служащих // Право. 1907. № 1. С. 6-15; Он же. Французский проект закона о рабочем договоре. // Русская мысль. 1907. Кн. 4. С. 72-98; Он же. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 28. С. 1485-1500; Он же. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора // Там же. № 33. С. 1770-1778; № 34 С. 1829-1835; Он же. Тарифный (коллективный) договор как институт гражданского права. СПб., 1909; Он же. Новый австрийский закон о найме торговых и других служащих // Право. 1910. № 16. С. 996-1006 и др.

нистра народного просвещения Л.А. Кассо 19 февраля 1912 г. был принят циркуляр, запретивший приват-доцентам чтение параллельных с профессорами курсов. На юридическом факультете Санкт-Петербургского университета было закрыто 4 таких курса. Это существенно понизило статус приват-доцентов и затруднило формирование их педагогической нагрузки. В Демидовском лицее Таль вел занятия по гражданскому и торговому праву, по курсу институций римского права, а также по гражданскому процессу (последние – совместно с Т.М. Яблочковым), причем ему было разрешено вести лекционный курс торгового права и читать лекции по гражданскому праву. Еще до перехода в лицей он имел тесные связи с ярославскими учеными, был членом редколлегий «Юридических записок Демидовского юридического лицея» и издаваемого лицеем журнала «Юридическая библиография». Впоследствии Таль стал соредактором «Юридических записок Демидовского юридического лицея» совместно с Б.А. Кистяковским, А.Р. Свирщевским и В.Н. Ширяевым. Кроме того, Лев Семенович был членом постоянной ревизионной библиотечной комиссии и профессорского дисциплинарного суда. Научная и педагогическая деятельность Л.С. Таля активизировала в лицее интерес к трудово-правовой проблематике. Различными ее аспектами занимались такие известные ярославские цивилисты, как С.Е. Сабинин, Б.В. Чредин, специалисты по уголовному праву Н.Н. Полянский, В.Н. Ширяев, о чем будет сказано в следующей главе. Отметим, что С.Е. Сабинин к этому времени уже проявлял активный исследовательский интерес к правовой природе тарифного (коллективного) договора²⁹.

Деловая атмосфера и общность научных интересов с коллегами стимулировали дальнейший научный поиск Л.С. Таля. 21 ноября 1913 г. в Харьковском университете он, по сути, повторно (после 1905 г.) защищает магистерскую диссертацию на тему «Трудовой договор. Общее учение», текст которой издается в виде монографии в Ярославле в том же году. Эта работа получила широкий научный резонанс. Первым оппонентом на защите диссер-

---

²⁹ Сабинин С.Е. К вопросу о юридическом значении так называемых тарифных договоров // Юридические записки Демидовского юридического лицея. 1910. Вып. 1. С. 482-496.

тации выступил доктор гражданского права, профессор В.М. Гордон, а вторым оппонентом – магистр гражданского права, профессор Б.В. Попов. В качестве неофициального оппонента выступил приват-доцент В.И. Сливицкий. Все выступления были достаточно критичными, но ученый совет присвоил Талю магистерскую степень единогласно, что было встречено дружными и продолжительными аплодисментами всех присутствующих на защите³⁰.

Наиболее детальный разбор данной монографии провел профессор Харьковского университета В.М. Гордон³¹. Первоначально это была рецензия на магистерскую диссертацию Л.С. Таля, защищенную именно в Харькове. Эту рецензию также можно считать исследованием по трудовому праву, о чем будет сказано в следующих разделах данной работы.

В марте 1914 г. Л.С. Таль назначается исполняющим должность профессора Демидовского юридического лицея по кафедре гражданского права. Летом того же года он покидает лицей и становится сверхштатным ординарным профессором Московского коммерческого института (директором его долгие годы был юрист и философ П.И. Новгородцев), где читает курс торгового права. Но на этом его связь с Ярославлем не прервалась. Помимо личных контактов он продолжал участвовать в подготовке лицейских периодических изданий, а вторая часть его монографии «Трудовой договор», так же как и первая³², была издана в Ярославле. В тот период его авторитет как ведущего специалиста в сфере рабочего (трудового) права был общепризнан, а невозможность отделения рабочей силы от личности работника признавалась большинством цивилистов³³. В октябре 1915 г. Л.С. Таль снова переводится экст-

---

³⁰ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 49. С. 2370-2376. Речь Таля перед диспутом опубликована там же (С. 2315-2321).

³¹ См.: Гордон В.М. К учению о трудовых договорах (литературное обозрение). СПб., 1914.

³² См.: Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч. 1, 2. Ярославль, 1913 – 1918.

³³ См.: Мезенкамп Н.М. Иски о вознаграждении за личный вред, понесенный вследствие неблагоприятных условий труда // Вестник гражданского права. 1914. № 6. С. 38-39.

раординарным профессором в Демидовский юридический лицей³⁴. Таким образом, Льву Семеновичу было разрешено совмещать работу в московском и ярославском вузах. Именно на ярославский период приходится расцвет творчества ученого³⁵. По некоторым данным, в 1916/17 учебном году Таль предпринял попытку прочитать курс «Промышленное право» в Московском университете³⁶. В его рамках должны были освещаться и проблемы рабочего (трудового) договора. Эта попытка не увенчалась успехом. Вместе с тем аналогичный курс читался в Московском коммерческом институте и ряде технических вузов.

После Февральской революции 1917 г. в судьбе Л.С. Таля происходят существенные изменения. В мае 1917 г. он назначается сенатором IV департамента (гражданский кассационный департамент) Правительствующего Сената (оставаясь экстраординарным профессором Демидовского юридического лица) и пере-

---

³⁴ Биографические данные Л.С. Таля на период до 1915 г. приведены по: РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 483. Л. 12; Ф. 470. Оп. 17. Д. 33. Л. 1-2. В этих делах имеются его краткие биографические справки. Они частично не совпадают с данными формулярных списков: РГИА. Ф. 740. Оп. 17. Д. 33. Л. 14-17; 49-56. Даже в этих списках есть взаимные расхождения. Выше нами приведены факты биографии, подтвержденные несколькими источниками.

³⁵ Таль Л.С. Положительное право и нерегулированные договоры // Юридические записки Демидовского юридического лица. Вып. 3. Ярославль, 1912. С. 386-435; Он же. Наем труда свободных лиц в римском праве // Журнал министерства народного просвещения. 1912. № 2. С. 209-256; Он же. Пути и цели реформы законодательства о найме труда. М., 1912; Он же. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Право. 1913. № 49. С. 2315-2321; Он же. Очередные вопросы в области гражданского права (литературное обозрение). Б.м., 1913; Он же. Проблема власти над человеком в гражданском праве // Юридический вестник. 1913. III. С. 103-140. Он же. Торговый агент и агентурный договор как правовые типы. М., 1914; Он же. Юридическая природа организации внутреннего порядка предприятия. М., 1915. Он же. Автономное правотворчество в частном праве. М., 1916; Он же. Очерки промышленного права. М., 1916 и др.

³⁶ См.: Киселев Я.Л. Краткий очерк развития советского трудового права на юридическом факультете Московского университета // Учен. зап. МГУ. Вып. 180. Труды юридического факультета. Кн. 8. М., 1956. С. 145.

езжает в Петроград. В этот период сенаторами стала целая группа университетских профессоров (Л.И. Петражицкий, Ю.С. Гамбаров, М.П. Чубинский и др.), что, впрочем, существенно не отразилось на работе Сената. При этом Таль продолжает преподавательскую деятельность и в сентябре того же года занимает должность приват-доцента юридического факультета Петроградского университета. Он также вел занятия в Лицее в память цесаревича Николая и на Высших женских юридических и историко-филологических курсах. Как известный ученый, он включается в Особую комиссию по выработке закона о договоре найма труда, образованную при Отделе законодательных предложений Временного Правительства. С разной степенью активности он участвовал в разработке и других законопроектов о труде, в частности о забастовках, о коллективных договорах. Кроме того, он принимал участие в организации Всероссийского союза юристов, учредительное собрание которого прошло 30 апреля 1917 г.

В советский период служебная карьера Л.С. Таля сделала еще один крутой поворот. Ликвидация Сената положила конец его государственной службе, но преподавание он продолжил. 26 мая 1918 г. в Петрограде он защитил докторскую диссертацию на тему «Трудовой договор», которая, как уже указывалось, была издана в виде монографии в том же году в Ярославле. Наряду с учебным пособием по промышленному рабочему праву³⁷, это была его последняя публикация в России, посвященная трудово-правовой проблематике. Официальными оппонентами на защите диссертации выступили известные петроградские профессора М.Я. Пергамент и А.Э. Нольде.

Новую власть Л.С. Таль не принял, хотя и никакого участия в антибольшевистском движении, вероятно, не принимал. Его взгляды на трудовое право никак нельзя назвать просоветскими, что закрывало ему путь к преподаванию этой дисциплины. В начале 1919 г. он получает назначение на работу заведующим Музеем труда Народного комиссариата труда. Вероятно, почти одновременно он был принят на должность профессора в 1-й МГУ. Достоверно установлено, что в 1919 г. он был членом университетской комиссии, созданной для содействия организации уни-

---

³⁷ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.

верситета в Минске³⁸. По учебному плану факультета общественных наук (ФОН) 1-го МГУ за октябрь 1920 г. профессор Л.С. Таль должен был вести курсы «Рабочее право» и «Частное право коллективов». Под последним имелось в виду, вероятно, коллективно-договорное регулирование трудовых отношений. По достоверным данным, в 1921/22 учебном году ему разрешили читать курс трудового права на факультете общественных наук МГУ, но по идеологическим и организационным причинам (частые командировки) курс так и не был дочитан. Возобновил его чтение уже ученик Л.С. Таля – И.С. Войтинский. Таким образом, Таля можно назвать пионером в чтении трудовозраховых дисциплин в советских вузах. Это первенство с ним вправе разделить Б.В. Чредин и Н.Н. Голубев (Ярославский университет), В.М. Догаров (Иваново-Вознесенский политехнический институт), И.С. Войтинский (Кубанский политехнический институт), И.И. Евтихийев (Саратовский университет), А.А. Раевский (Крымский университет), А.Н. Татарчуков (Воронежский университет), К.М. Варшавский (Петроградский университет), З.Р. Теттенборн (МГУ), Д.Е. Шлоссберг (Киевский институт народного хозяйства) и другие³⁹. Отметим, что академическую карьеру выбрала и приемная дочь ученого Е.Л. Таль, о которой уже упоминалось выше. В 20-е гг. она стала ординатором-хирургом клиники госпитальной хирургии 2-го МГУ, затем защитила кандидатскую диссертацию. В дальнейшем она работала в больнице С.П. Боткина.

В начале 20-х гг. Л.С. Таль занимался преимущественно гражданско-правовой проблематикой. В частности, он являлся сторонником структурного обособления хозяйственного права в условиях войны или централизованного управления экономикой. При этом он предупреждал, что «...коллективное хозяйство не может быть построено на отрицании свободы общественного самоопределения»⁴⁰. В этот период Льва Семеновича избирают

---

³⁸ См.: Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. 1755 – 1952. М., 2004. С. 285.

³⁹ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 117, 134, 135 и др.

⁴⁰ Таль Л.С. Понятие и сущность хозяйственного права // Право и жизнь. 1924. Кн. 9. С. 26.

действительным членом научной секции хозяйственно-трудового права Института советского права. Затем в составе секции его опять сменил И.С. Войтинский. Тогда же Таль продолжал читать курс гражданского права в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а в 1924 г. он становится профессором факультета общественных наук 1-го МГУ. Последняя его прижизненная публикация в России была помещена в сборнике статей правового факультета Киевского института народного хозяйства, посвященном памяти его оппонента по магистерской диссертации профессора В.М. Гордона (Киев, 1927). В 1925 – 1926 гг. Л.С. Таль сотрудничал с германскими юридическими изданиями, помещая в них статьи о развитии советского законодательства. В первой половине 20-х гг. ему еще разрешали выезжать за рубеж.

Отсутствие интеллектуальной свободы и усилившиеся гонения на инакомыслящих привели к тому, что в 1926 г. он эмигрирует в Германию⁴¹, а затем перебирается во Францию, где становится профессором Франко-русского института, среди преподавателей которого были и другие ученые, занимавшиеся проблемами правового регулирования труда. Это – В.Б. Ельяшевич, который ввел в российский научный оборот термин «трудовой договор», а также бывший глава юридической службы Министерства труда Временного правительства С.О. Загорский. Л.С. Таль читал в институте курсы трудового права, судебного права, занимался проблемами теории права. При этом он опирался на труды Л.И. Петражицкого и Б.А. Кистяковского, а с их авторами он многие годы преподавал в одних вузах и имел ровные, дружеские отношения. К сожалению, сведения о зарубежном периоде жизни и творчества ученого достаточно фрагментарны и противоречивы. Таль умер во Франции в июне 1933 г. Его коллега и сподвижник В.Б. Ельяшевич откликнулся на его смерть проникновенным некрологом, где отметил, что Л.С. Таль воодушевляли социаль-

---

⁴¹ Первоначально этот поступок не приравнивался к «измене Родине», но в официозной печати Таль уже иронично именовали «берлино-риго-советским профессором» (см.: Революция права. 1928. № 1. С. 149.).

ные проблемы и он верил в их решение в духе социальной справедливости⁴².

Далее мы рассмотрим научный вклад Л.С. Таля в создание теоретического фундамента российского трудового права.

Что касается учения *о предмете и методе трудового права*, то можно сказать следующее. Изначально к предмету фабричного (трудового) законодательства российскими учеными относилось регулирование условий найма и работы, т.е. отношения между рабочими и хозяевами, основанные на договоре личного найма (фабричном, рабочем или трудовом договоре)⁴³. Изучение предмета трудового договора в тот период означало и изучение предмета формирующегося трудового права. Если исходить из ст. 1 – 2 Устава о промышленном труде (УПТ) (изд. 1913 г.), то в качестве предмета выделялся «должный порядок и благоустройство», а также безопасность на фабриках, заводах и горных промыслах. При этом на фабричную инспекцию возлагалось «наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения» (п. 5 ст. 34 УПТ). Л.С. Таль в 1916 г. писал: «Промышленное право – совокупность специальных норм, определяющих внутренний строй промышленного предприятия и взаимоотношения между входящими в его состав лицами. В состав промышленного права входят только нормы, определяющие внутренний порядок промышленного предприятия, коему подчиняются лица, отдающие ему свой труд по договору... Частное промышленное право на наших глазах разрастается в самостоятельный отдел новой научной дисциплины, имеющей большую будущность, дисциплины социального или трудового права»⁴⁴. Основными его институтами являлись хозяйская власть, нормативные (тарифные) соглашения и трудовой (рабочий) договор, т.е. в предмет входили общественные отношения, возникающие по поводу использования наемного (несамостоятельного) труда на основе трудового договора.

---

⁴² См.: Ельяшевич В.Б. Профессор Л.С. Таль // Последние новости. 1933. 14 июня.

⁴³ См.: Яроцкий В.Г. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (Общая). СПб., 1887. С. 330.

⁴⁴ Таль Л.С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 2.

В науке трудового права первооткрывателем критериев трудового отношения (трудового договора) является Л.С. Таль. К характерным признакам трудового договора, а следовательно, и трудового отношения, он относил следующие:

- нанимающийся по трудовому договору обещает предоставление своей рабочей силы в пользу чужого хозяйства;

- от нанявшегося по трудовому договору требуется личное исполнение работы;

- из трудового договора вытекает обязанность нанимающегося согласовывать свое поведение с порядком, установленным работодателем (хозяином); в свою очередь, наниматель должен ограждать личность работника от опасностей, сопряженных с фактическим нахождением его в чужой хозяйской сфере;

- нанявшийся имеет право на вознаграждение за свой труд, оно не зависит от того, воспользовался ли работодатель его трудами или нет⁴⁵.

Позднее в теории советского трудового права названные критерии были обобщены и получили наименование "личностного, организационного и имущественного" признаков трудового отношения, которые рассматривались в неразрывном единстве. Эта конструкция доказала свою состоятельность и в теоретическом, и в практическом значении.

Специфика общественных отношений, составляющих предмет трудового права, во многом определяет и особенности метода их правового регулирования. Для трудовых отношений такой специфической чертой является сочетание частных и публичных начал. Л.С. Таль в этой связи выделял:

- частное промышленное (трудовое) право, предмет которого включает в себя отношения, связанные с хозяйской властью, нормативными соглашениями и трудовым (рабочим) договором;

- публичное промышленное (трудовое) право, предмет которого составляют отношения, связанные с применением законов, касающихся условий охраны труда, организацией надзора за промышленностью и др.⁴⁶

---

⁴⁵ См.: Таль Л.С. Трудовой договор: Ч. 1. Ярославль, 1913. С. 80-90.

⁴⁶ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 1-2; Он же. Очерки промышленного рабочего права. С. 2-3.

Отсюда очевидно, что частно-трудовые отношения регулируются правовыми средствами, свойственными частному праву, а публично-правовые – публичному праву. Но поскольку такое деление условно делает предмет относительно неоднородным, то и средства воздействия трудового права на общественные отношения также относительно неоднородны. Вышеназванное сочетание публичных и частных начал оказывало определяющее влияние на формирование метода трудового права.

Если говорить об *источниках трудового права*, то Л.С. Таль делил их на источники частного и публичного трудового права по кругу регулируемых общественных отношений⁴⁷. Первые регулировали общественные отношения, основанные на трудовом договоре, коллективных договорах и соглашениях, а также связанные с работодательской властью, вторые – отношения по государственному надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства, также связанные с организациями работников и работодателей. Лев Семенович анализировал только источники частного трудового права, к которым он относил: законы, «обыкновенения», судебную практику, коллективные (тарифные) договоры, формулируемые правообразующей силой социальной автономии. Отдельно в качестве источника права он выделял административную практику, развитую в то время значительно более широко по сравнению с судебной и проводимую через решения нормативного характера фабричной инспекции и Присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Нормотворческие функции последних определялись в Уставе о промышленном труде (изд. 1913 г.) в п. 1 ст. 24. В современной классификации эти акты можно назвать ведомственными. Л.С. Таль особо подчеркивал, что некоторые акты частного характера (в современной терминологии локальные нормативные акты), принимаемые работодателем, нуждались для придания им юридической силы в утверждении фабричной инспекцией. Это были так называемые «односторонние нормативные акты», издаваемые под надзором государственной власти. Л.С. Таль отмечал тенденцию по вытеснению односторонних актов на Западе коллективно-договорным началом и ослаблением авторитарного характера этих актов.

---

⁴⁷ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 27-40.

Придание им юридической силы напрямую связывалось с моментом их государственной регистрации.

Одной из важных проблем, поднятых Л.С. Талем и связанных с работодательской правосубъектностью, стала власть над человеком в гражданском праве и *природа хозяйской (работодательской) власти* как института частного права⁴⁸. Хозяйская власть, по мнению Л.С. Талья, возникала на основании трудового договора и прекращалась вместе с его расторжением. Она формировала частный правопорядок предприятия прежде всего через правила внутреннего распорядка, которым работники должны были подчиняться. При этом хозяйская власть не могла посягать на неотчуждаемые права и свободы работников. Л.С. Таль выделил три направления хозяйской власти:

- дает занятым на предприятии лицам указания и поручения, конкретизирующие их трудовые обязанности. Это право дирекции или диспозитивная власть (аналогичный термин употреблял Ф. Лотмар);

- принимает принудительные или карательные меры для поддержания должного порядка. Это дисциплинарная власть;

- единолично или путем соглашения устанавливает порядок предприятия, насколько оно, как дисциплинарное децентрализованное социальное образование, обладает способностью к самоопределению. Это нормативная власть⁴⁹.

Л.С. Таль, анализируя правовую природу хозяйской власти, писал о том, что хозяин предприятия вправе применять принудительные или карательные нормы для поддержания должного порядка на предприятии. При этом он собственными силами и средствами, не обращаясь к помощи государства, поддерживает порядок, необходимый для беспрепятственного функционирования предприятия. Л.С. Таль особо подчеркивал принцип, согласно которому «хозяин может в отведенных ему границах пользоваться для указанной цели средствами, которыми он фактически располагает, не прибегая к помощи государства...»⁵⁰. Охрана

---

⁴⁸ См.: Таль Л.С. Проблема власти над человеком в гражданском праве // Юридический вестник. 1913. III. С. 103-140.

⁴⁹ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 22-23.

⁵⁰ Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. С. 34.

внутреннего распорядка собственными силами работодателя названа Л.С. Талем «видом правомерной самопомощи»⁵¹, иными словами – самозащиты. Однако власть хозяина осуществляется в отведенных ему законодателем границах. По мнению ученого, «законодатель исходит из предположения о существовании обязательного правопорядка, установленного без его участия, и заботится лишь о том, чтобы он не шел вразрез с интересами государства или общества»⁵².

Известный цивилист А.Г. Гойхбарг высоко оценил вклад Л.С. Таля в развитие учения о власти над человеком в гражданском праве. Он назвал его подход смелым и новаторским, а опубликованные работы – выдающимися. Вместе с тем он отметил некоторые противоречия в концепции Л.С. Таля, который включал в состав хозяйской власти права работодателя как договорной стороны. Одновременно хозяйская власть определялась не как субъективные права, а как правовое положение. А.Г. Гойхбарг вполне резонно предложил определить хозяйскую власть либо как субъективное право, либо как правовое положение⁵³.

Л.С. Таль о *трудовом правоотношении и трудовом договоре*. При изучении трудового договора Лев Семенович акцентировал внимание на правовом статусе его сторон, их взаимных правах и обязанностях. При этом он достаточно редко употреблял термин «трудовое правоотношение», но де-факто уже исследовал все его основные элементы. В.Г. Яроцкий, изучавший правоотношения между рабочими и хозяевами, применил термин «экономическое правоотношение»⁵⁴. Но в контексте интересующей нас проблемы некоторые немецкие ученые выступали за преобразование отношений власти и подчинения в правоотношение. В аналогичном ключе высказался русский цивилист А.Э. Вормс, ратовавший за

---

⁵¹ Таль Л.С. Трудовой договор. Ч. 2. Ярославль, 1918. С. 174.

⁵² Таль Л.С. Юридическая природа организации или внутреннего порядка предприятия. М., 1915. С. 36.

⁵³ См.: Гойхбарг А.Г. Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 142-157.

⁵⁴ Яроцкий В.Г. Экономическая ответственность предпринимателей. Ч. 1 (Общая). С. 82.

превращение трудового договора из «отношения домашнего с крепостническим характером в чисто обязательственный договор». Л.С. Таль справедливо отмечал, что даже если общественное отношение урегулировано нормой права, то власть и подчинение не исчезают, а ставятся в правовые рамки⁵⁵.

Отметим, что Л.С. Талю принадлежит исключительная роль не только в создании теории трудового договора, но и опосредованно – теории трудового правоотношения. Не случайно все наиболее известные работы советского периода о трудовом договоре и трудовых правоотношениях в той или иной мере опирались на его труды как через согласие с ним, так и через отрицание, критику его положений. В своем классическом труде Н.Г. Александров десятки раз ссылался на работы Л.С. Таля⁵⁶. В.Н. Скобелкин подчеркивает, что и в настоящее время в литературе определение трудового правоотношения часто «строится... по модели определения трудового договора: условия (обязательства) сторон этого соглашения становятся правами и обязанностями субъектов трудового правоотношения»⁵⁷.

При рассмотрении элементов (признаков) трудового правоотношения практически все последующие отечественные исследователи брали за основу выделенные Л.С. Талем три элемента трудового договора, о которых речь шла ранее. Даже само понятие «элемент» использовалось авторами в том смысле, как это делал Л.С. Таль, т.е. как признака, основной характеристики. Таким образом, нерасторжимая связь теорий трудового договора и трудового правоотношения очевидна.

Центральной проблемой науки трудового права на рубеже XIX – XX веков стала правовая природа трудового договора (рабочего договора, промышленного рабочего договора). Собственно с этой проблемы и началась история науки трудового права. Понятие «трудовой договор» в современном его понимании в научный оборот впервые ввел, дословно переведя с немецкого, цивилист

---

⁵⁵ См.: Таль Л.С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 92.

⁵⁶ См.: Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 17, 37, 86, 110, 168, 170, 174 и др.

⁵⁷ Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения. М., 1999. С. 77.

В.Б. Ельяшевич (1907 г.)⁵⁸. Но основная заслуга в исследовании природы трудового договора принадлежит Л.С. Талю. Отметим, что первоначально, анализируя французский проект закона о рабочем договоре 1906 г., он считал наиболее адекватным переводу с французского термины не «трудовой договор» и не «договор о труде», а именно рабочий договор⁵⁹. Проблемы трудового договора, как уже указывалось, стали центральными в научном творчестве Л.С. Талья⁶⁰. Он в своем учении пошел вслед за Ф. Лотмаром, но взял в качестве предмета исследования «трудовой договор в узком смысле». Он также выделял договоры о самостоятельном (предпринимательском) труде и договоры о несамостоятельном (служебном) труде. Последний означал трудовой договор как регулятор трудовых отношений, «вытекающих из подчинения рабочей силы одного человека целям и власти другого человека». Отсюда логически необходимым элементом такого договора становилось «обещание работы (обещание труда)»⁶¹.

Некоторые современные исследователи при анализе признаков трудового договора, выделенных Л.С. Талем, берут его известное исследование о трудовом договоре 1913 г. Нам представляется, что в окончательном варианте эта концепция оформилась позднее, когда были выделены четыре основных элемента трудового договора:

- длительное предоставление рабочей силы, что нельзя отождествлять с предоставлением имущественных благ;
- рабочий обещает приложить рабочую силу к промышленному предприятию работодателя;

---

⁵⁸ См.: Ельяшевич В.Б. Новое движение в области договора о труде // Право. 1907. № 3. С. 172 – 179.

⁵⁹ См.: Таль Л.С. Французский проект закона о рабочем договоре // Русская мысль. 1907. Кн. 4. С. 72 – 98.

⁶⁰ См.: Таль Л.С. Договор о труде как родовое понятие // Право. 1908. № 28. С. 1485 – 1500; Он же. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Там же. 1913. № 49. С. 2315-2321; Он же. Новый опыт законодательной нормировки рабочего договора // Там же. 1908. № 33-34; Он же. Положительное право и нерегулированные договоры // Юридические записки Демидовского юридического лицея. Вып. 3. Ярославль, 1912. С. 386-435; Он же. Трудовой договор. Ч. 1, 2. Ярославль, 1913 – 1918 и др.

⁶¹ См.: Таль Л.С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 25-31.

- подчинение рабочего внутреннему порядку и хозяйской власти;

- обещание работодателем вознаграждения, которому присущ алиментарный характер⁶².

Л.С. Таль справедливо подверг критике концепцию организованного сотрудничества. Истоки этой концепции восходят к трудам французского экономиста первой половины XIX в. Ф. Бастиа, сторонника гармонизации интересов труда и капитала. Он считал, что договорные отношения между работником и работодателем могут создать «усовершенствованную ассоциацию». Эти идеи впоследствии развивал Г. Эренберг, отчасти австрийские юристы-трудовики Э. Штейнбах и А. Мешлени, считавшие, что трудовой договор создает «хозяйственную организацию». Последний можно рассматривать с правовой точки зрения как договор товарищества. Таль по этому поводу отметил, что не всякая организация с точки зрения права составляет товарищество. К тому же товарищеский договор направлен на достижение общей цели, что нельзя сказать о трудовом договоре. Вывод ученого был категоричен: «Классификация трудового договора как товарищества совершенно лишена почвы...»⁶³.

В науке трудового права становление понятия работника связано с теорией трудового договора. А.Н. Быков в 1909 г. одним из первых дал определение фабричного рабочего на противопоставлении с физическими лицами, осуществляющими самостоятельный труд. Он писал: «...Фабричным рабочим признается всякий рабочий на фабрике и для фабрики в пределах фабричного двора, кроме извозчиков, отвозящих и привозящих сырье и продукты, рабочих, занятых исключительно сооружением новых зданий и мастерских, и временных чернорабочих, занятых случайными краткосрочными работами менее семи дней»⁶⁴. В положительном законодательстве отсутствовало данное понятие, и А.Н. Быков вывел его, опираясь «на целый ряд административных разъясне-

---

⁶² См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 72-75; Он же. Очерки промышленного рабочего права. С. 97.

⁶³ Таль Л.С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 69.

⁶⁴ Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909. С. 184.

ний». Л.С. Таль обоснованно утверждал, что понятие «фабричный рабочий» нуждается в более четком определении⁶⁵. Отталкиваясь от выведенных им признаков трудового договора, Л.С. Таль определил работника как физическое лицо, которое обещает за известное вознаграждение приложить свою рабочую силу на определенный или неопределенный срок к промышленному предприятию другого лица, подчиняться внутреннему порядку этого предприятия и хозяйской власти⁶⁶. Стороны трудового договора названы Л.С. Талем как «работодатель» и «рабочий (физическое лицо)».

Из российских ученых наибольшее внимание проблеме *несамостоятельного (наемного) труда как объекта трудового договора* также уделял Л.С. Таль. Немец Ф. Лотмар определял предмет трудового договора как всякую деятельность человека, способную удовлетворять чужой потребности, деятельность, за которую по опыту когда-либо и где-либо платилось вознаграждение. Л.С. Таль определял труд как юридически релевантную деятельность в чужом интересе, отправляемую обещавшим ее лично или им организуемую⁶⁷. Впоследствии он называл предметом трудового договора как обещанные сторонами действия, так и объекты этих действий, т.е. не только рабочую силу, но и работу как ее экономический результат. При этом работа выступала как факультативное условие. Он неоднократно приводил пример, когда за время дежурства фельдшер – наемный работник – может не принять ни одного пациента, но за предоставление рабочей силы он получит заработную плату. Наоборот, принимая больных в течение всего дежурства, т.е. выполняя свою работу, он при почасовой оплате получит то же вознаграждение. Л.С. Таль вывел следующие признаки рабочей силы как предмета рабочего договора: во-первых, она имеет строго индивидуальный характер, во-вторых, не может быть предметом физического или юридического господства, в-третьих, имеет отчасти целью обеспечить ее обладателю нормальные условия существования⁶⁸.

---

⁶⁵ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 74.

⁶⁶ Там же. С. 72.

⁶⁷ См.: Таль Л.С. Трудовой договор. Ч. 1. С. 32.

⁶⁸ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 89-92.

Л.С. Таль относил рабочую силу к личным благам (в современных терминах – к личным нематериальным благам), которые «не могут быть отчуждаемы, но иногда могут подвергаться добровольным ограничениям посредством возмездного или безвозмездного обещания пользоваться ими определенным образом»⁶⁹. Уже во второй половине XIX в. считалось безнравственным смотреть на труд как на прочие товары. В защиту нетоварного характера труда можно привести известное положение Л.С. Таля о том, что вознаграждению за труд присущ алиментарный характер⁷⁰. Это означает относительно эквивалентное вознаграждение за труд, так как бывают случаи получения вознаграждения (компенсации) без фактической отработки положенного времени (болезнь, простой не по вине работника и др.).

Л.С. Таль при анализе *коллективного договора* во многом опирался на достижения западной, преимущественно немецкой, науки. В России разработка теории коллективных (тарифных) договоров в рассматриваемый период представляла для ученых, по его замечанию, преимущественно теоретический интерес, так как роль коллективных договоров в прошлой жизни России была мала, а «для быстрого их развития необходимы два условия: сильные профсоюзы и навык к разрешению коллективных конфликтов»⁷¹.

Между тем коллективный договор, как новое правовое явление, требовал и от отечественных исследователей теоретического осмысления. В этой связи Лев Семенович предпринял попытку дать ему юридическую оценку. Так, по его мнению, коллективный договор как разновидность гражданско-правовой сделки характеризуется тремя признаками:

- одна или обе стороны договора представляют собой коллектив;
- ими определяются условия будущих индивидуальных рабочих договоров;

---

⁶⁹ Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 125.

⁷⁰ Там же. С. 97.

⁷¹ Таль Л.С. Тарифный (коллективный) договор как институт гражданского права. С. 4.

- эти условия устанавливаются эвентуально, т.е. на случай заключения рабочих договоров⁷².

Таким образом, Л.С. Таль настаивал на договорной природе тарифного (коллективного) договора, полемизируя с известным немецким правоведом Г. Еллинеком. Последний выдвинул теорию «смешанной природы» коллективного договора, в соответствии с которой договор, имея своим источником волю сторон, содержит созданные новые правовые нормы⁷³. Именно эта концепция «смешанной природы» коллективного договора нашла поддержку в советской науке трудового права. Возвращаясь к позиции Л.С. Таля, отметим, что названные им признаки коллективного договора, характеристика сторон договора в дальнейшем получили свое развитие в теории трудового права по вопросу о критериях юридической силы коллективных договоров. Юридическая сила коллективных договоров определялась по его соотношению с индивидуальными трудовыми договорами, по его распространению на работников, не являющихся членами профсоюза. Из «договорной природы» тарифного соглашения Л.С. Талем был сделан весьма важный вывод, не утративший своей актуальности и в настоящее время, о возможности предъявления судебного иска об исполнении к нарушителям договора.

Взгляды Л.С. Таля впоследствии претерпели некоторую эволюцию. Первоначально он рассматривал коллективный договор как институт гражданского права, хотя его юридическая сила не могла быть объяснена исходя из гражданско-правового представительства или договора в пользу третьих лиц. В этой связи он обращается к концепции «социального права», у истоков которой стоял О. Гирке, и «социальной автономии»⁷⁴. Последняя, в отличие от частной автономии, являлась правообразующей силой, творящей в пределах общего правопорядка нормы частного права. Л.С. Таль не вполне разделял положение о том, что «соглашение воле» в публичном праве отличается от классического договора и имеет правосозидательный эффект, на чем настаивали

---

⁷² Таль Л.С. Тарифный (коллективный) договор как институт гражданского права. С. 16.

⁷³ Там же. С. 13.

⁷⁴ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. С. 37.

Г. Еллинек, А. Бендлинг, М.Д. Загряцков. Аргумент для этого был более чем убедительный: любой договор по своей природе остается договором. Но коллективный договор Л.С. Таль признавал нормативным соглашением, имеющим договорный характер, одной из форм внезаконодательного правотворчества. При этом профсоюзы заключали коллективный договор в интересах других лиц, а не от их имени или за их счет. Более того, распространить их действие на неорганизованных рабочих мог только законодатель, но не суд и не сторона трудового соглашения. Таким образом, Л.С. Таль был противником приравнивания норм коллективного договора к нормам публичного права, против которых бессильна частная воля. Это позволяет констатировать публично-частно-правовой характер коллективного договора. Публично-правовую составляющую Л.С. Таль связывал с деятельностью государства, с принятием соответствующего нормативно-правового акта и государственной регистрацией таких договоров, придающих им юридическую силу источников права. Л.С. Таль прямо указывал, что источником права коллективный договор может считаться только в Швейцарии, где ст. 323 Швейцарского Уложения 1913 г. устанавливалась норма, согласно которой трудовые договоры в части, противоречащей коллективным соглашениям, недействительны. Договорный характер коллективного договора не освобождал работодателя от ответственности за нарушения его условий⁷⁵. Л.С. Таль был готов сравнивать нормы, созданные в рамках социальных автономных образований, только с диспозитивными нормами объективного права⁷⁶. На наш взгляд, Л.С. Таль признавал нормативность коллективного договора, но не предполагал придание ему статуса источника права без соответствующего санкционирования государством.

---

⁷⁵ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. С. 43-55.

⁷⁶ См.: Там же. С. 60.

---

3. Трудовое право, теория права и гуманитарные дисциплины: жизнь и научное наследие И.И. Дитятина, Б.А. Кистяковского

Трояки задачи науки права. Как теоретическая юриспруденция, она стремится познать сущее, в системе понятий отобразить определенный отрезок действительности.

Как догма права, она указывает суду пути к правильному применению положительного права. Как политика права, она обращается к законодателю и указывает пути к построению правильного права.

*Н.С. Тимашев, социолог
и юрист русского зарубежья*

Теория права (энциклопедия права), как и отраслевые дисциплины, традиционно связана со всей совокупностью гуманитарных наук, особенно историей, политэкономией и социологией. Примечательно, что первый директор Демидовского юридического лицея М.Н. Капустин (1828 – 1899) был специалистом как по теории права, так и по истории права. А.А. Исаев, о котором речь пойдет ниже, являлся не только политэкономом, но и видным специалистом по финансовому праву. Историк права В.В. Сокольский (1848 – 1921) одновременно был крупным знатоком государственного права. Первыми в лицее энциклопедию права начали читать М.Н. Капустин и П.Л. Карасевич, затем В.Г. Щеглов, Н.И. Палиенко, Ф.В. Тарановский (1875 – 1936), Б.А. Кистяковский. Именно последний из них вплотную подошел к рассмотрению вопросов, связанных с правовым регулированием труда. Это не случайно, так как тесная связь теоретических

исследований с проблемами отраслевых юридических дисциплин была в традициях ярославской юридической школы.

Особенно хорошо в Демидовском юридическом лицее было поставлено преподавание истории права. Первым этот курс начал читать один из лучших специалистов по этой дисциплине в дореволюционной России М.Ф. Владимирский-Буданов (1838 – 1916). Для нас особенно интересен его преемник на кафедре истории русского права И.И. Дитятин. Долгие годы эту дисциплину в лицее преподавал профессор С.М. Шпилевский. Проблемами истории права России активно занимались государствовед В.Г. Щеглов, цивилист Н.Л. Дювернуа, криминалисты Н.Д. Сергеевский, В.Н. Ширяев и др.

Историю политических учений (историю философии права) в Демидовском юридическом лицее первым читал с 1886 г. Е.Н. Трубецкой (1863 – 1920), а позднее – А.В. Шмидт, Б.А. Кистяковский и А.А. Рождественский. Социология отдельно не преподавалась, но среди видных представителей этой науки могут быть названы лицейские профессора А.А. Исаев и Б.А. Кистяковский.

Теория права и гуманитарные дисциплины стали своеобразной «питательной средой», в которой выросло понимание социальной ценности труда и важности его правового опосредования.

Иван Иванович Дитятин (1847 – 1892) родился в Петербурге. Он происходил из семьи крестьянина, занимавшегося извозом, первоначально обучался в церковно-приходском училище, но впоследствии окончил гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1870 г. Его учителем был известный специалист по истории права А.Д. Градовский. Последний был сторонником соединения идей исторической и государственной школ права, основоположником государственного права как науки в России. Оставаясь монархистом, он был умеренным либералом и сторонником продолжения реформ. В целом И.И. Дитятин придерживался идейных позиций учителя, но был более радикален. По окончании университета его оставили при кафедре истории русского права для подготовки к профессорскому званию. В 1875 г. он занимает кафедру истории русского права Демидовского юридического лицея, где остается до 1878 г. Ярославский период был одним из самых плодотвор-

ных в жизни ученого. В 1875 г. он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию, а в 1877 г. – докторскую диссертацию «Устройство и управление городов России. Ч. 2. Городское самоуправление до 1870 г.» и стал доктором государственного права. В этот период он активно участвовал в общественной жизни губернии, способствовал обработке и сохранению материалов Ярославского губернского архива. Он прочитал 6 публичных лекций для ярославской городской общественности, не считая большого числа других публичных лекций. С полным основанием Ивана Ивановича можно отнести к числу видных ярославских краеведов. В 1878 г. он переходит профессором в Харьковский университет, где активно поддерживает студенческое движение, открыто выражает либерально-реформистские взгляды. В 1887 г. он был уволен из университета за «неблагонадежность», но в 1889 г. принимается профессором в Дерптский университет, где тогда проводилась политика «русификации». В 1891 г. И.И. Дитятин по болезни вышел в отставку, а в октябре 1892 г. скончался в Дерпте.

Основным его вкладом в развитие юридической науки явилось доказательство существования в Древней Руси городов-государств с развитым самоуправлением, а также исследование управления городов России. При этом он уделял определенное внимание правовому опосредованию социально-экономических отношений при цеховом производстве. Это прямо вывело его на проблемы генезиса трудового права.

Он утверждал, что огромное влияние на формирующиеся трудовые отношения оказала цеховая организация производства. Если со времен Константина Великого в Риме цеха были «местом заключения, в которых ремесленники приковывались к определенному ремеслу, как куриалы к их куриям», то в средние века было все наоборот. Здесь они вышли «не из подчинения и зависимости промышленного класса, а из его свободы»⁷⁷. Появление цехов как промышленно-экономических и политических корпоративных организаций произошло в конце XI – начале XII в. Но до XIV в. почти нет упоминаний о ремесленниках-работниках (бу-

---

⁷⁷ См.: Дитятин И.И. Очерк истории цехов в Западной Европе. Ярославль, Б.г. С. 9.

душих подмастерьях), а преобладают мастера и их ученики. Это объясняется тем, что промышленные предприятия имели свои корни в семейном, а точнее в расширенном семейно-патриархальном союзе. В дальнейшем идет расслоение на класс ремесленников (хозяев-работодателей) и подмастерьев (наемных работников). В противовес цехам постепенно образуются рабочие союзы (общины подмастерьев), оформившиеся в конце XIV в. и получившие затем широкое распространение. В этот же период встречаются единичные случаи заключения тарифных (коллективных) договоров между мастерами и подмастерьями, которые регулировали условия труда. Борьба между мастерами и подмастерьями, характерная для всего периода средневековья, была связана в значительной части с условиями труда. Мастера отстаивали патриархальный строй отношений, а подмастерья стремились к усилению договорного элемента при определении условий труда.

Постепенно все более активным участником отношений работодателей и работников становится государство. Уже в применении к XIV в. можно констатировать существенное усиление в этой части публично-правовых начал. В 1562 г. принимается закон, обязывающий желающих заниматься каким-либо промыслом, пройти семилетнее ученичество. Этим же законом устанавливалось число занятых для каждого промысла учеников и подмастерьев, а также продолжительность рабочего дня, ограничение срока рабочего договора, а местным мировым судьям прямо поручалось определять ежегодно размер заработной платы и разрешать все возникшие в этой области споры. Только в XVIII в. ситуация радикально изменилась. В XVI – XVIII вв. полицейское государство наложило свою тяжелую руку одновременно и на цеховую автономию, и на союзы подмастерьев. Стремление последних к коллективной защите своих интересов рассматривалось как явление, недопустимое с точки зрения государственных порядков. Мастера, таким образом, приобрели мощного союзника в лице государства. Именно в это время в Англии, Франции, Нидерландах и ряде других стран развернулась настоящая борьба карательных органов с «бродягами» (неработающими свободными гражданами низших сословий), целью которой являлось принуждение к труду. Вмешательство государства во внутреннюю жизнь предприятий признавалось необходимым и широко прак-

тиковалось, но имело чисто внешний, принудительный характер. Им не регулировалось, а сковывалось проявление социальных сил и правотворческая инициатива заинтересованных общественных групп. Рабочие механически подчинялись хозяевам, власть которых как бы заимствовала свой авторитет от государства. В свою очередь, работодатели сковывались в своей деятельности всесторонним и бдительным административным надзором.

Начиная с XVII в. государство резко ослабило, а потом совершенно уничтожило корпоративную замкнутость ремесленников и тем самым лишило цеховую организацию значительной доли ее практического значения. С XVIII в. цехи могут создаваться уже только с разрешения верховной власти. Корпоративная монополизация в сфере ремесла явно тормозила развитие производства и ухудшала качество товара. Трудовое право в этот период имело строго централизованный или публичный характер и составляло лишь отрасль административного (полицейского права)⁷⁸.

Исследования И.И. Дитятина позволяют сделать вывод о том, что правовая регламентация трудовых отношений формировалась на стыке публичного и частного права⁷⁹.

Богдан Александрович Кистяковский (1868 – 1920). Имя этого выдающегося теоретика права и социолога ныне широко известно. Это позволяет нам только кратко остановиться на основных этапах его жизни и творчества, которые были так богаты парадоксами. Кистяковский был в быту человеком скромным до застенчивости, но несгибаемым в идейных спорах. Последовательный украинофил, он получил образование и признание прежде всего в космополитичной Европе, а среди его друзей-единомышленников преобладали русские (Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, В.Н. Ширяев и др.). Кистяковский имел негласный титул «первого киевского марксиста», но резко критиковал политическую составляющую этого учения, а затем отошел к идеализму, оставаясь последовательным социалистом демократического тол-

---

⁷⁸ См. Дитятин И.И. Указ. соч. С. 10-49.

⁷⁹ См. подробнее: Лушникова М.В., Лушников А.М., Тарусина Н.Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. С. 10-25.

ка. Он был замечательным педагогом, но преподавал крайне мало, причем наиболее длительный срок в Демидовском юридическом лицее. Человек блестяще образованный в зрелые годы, он начал углубленно заниматься проблемами философии и права в тюрьме в том возрасте, когда его ровесники готовились к сдаче магистерского экзамена.

Б.А. Кистяковский родился в ноябре 1868 г. в Киеве в семье профессора Киевского университета, известного ученого-криминалиста и руководителя украинского национального движения А.Ф. Кистяковского (1833 – 1885), который был широко образованным юристом и гуманистом, специалистом по проблемам смертной казни и последовательным ее противником. Б.А. Кистяковский уже в юности проявил свой характер. Его дважды исключали из гимназии за изучение запрещенной украинской литературы, а экзамены на аттестат он сдал экстерном. С 1888 по 1892 г. он обучался в Киевском, Харьковском и Дерптском университетах, из которых последовательно исключался за участие в подпольных кружках и студенческих волнениях. После краткосрочного заключения и высылки под надзор полиции в 1895 г. он получает возможность выехать для обучения за границу. В Берлинском университете Б.А. Кистяковский изучал философию под руководством Г. Зиммеля, затем провел семестр в Сорбонне, а завершил образование в Страсбургском университете, где изучал философию и экономику в семинарах В. Виндельбанда и Г. Кнаппа. В 1898 г. он защитил докторскую диссертацию по философии «Общество и индивидуальность», которая была опубликована в следующем году в Берлине на немецком языке и получила высокую оценку немецких ученых. Знания в области юриспруденции он получил в Гейдельбергском университете, где в 1901 – 1902 гг. занимался в семинаре Г. Еллинека. В дальнейшем практически каждое лето он выезжал за границу для продолжения занятий. В России он жил в Петербурге, Киеве, Москве, активно публиковался в журналах, участвовал в создании «Союза освобождения». В начале XX в. Кистяковский отказался от политической доктрины марксизма, а в 1909 г. участвовал в издании нашумевшего сборника «Вехи», на страницах которого обличал

правовой нигилизм и доказывал социальную ценность права⁸⁰. Весной 1906 г. П.И. Новгородцев приглашает его для чтения курса государственного и административного права в Московский коммерческий институт. Одновременно он преподавал на Высших женских курсах, а в 1909 г. в качестве магистра государственного права был принят приват-доцентом в Московский университет. Но его пребывание в университете оказалось крайне скоротечным. 1910 – 1911 гг. он провел в Мюнхене, а по возвращении отказался преподавать в знак протеста против нарушения университетской автономии.

После этого он начинает преподавание в Демидовском юридическом лицее, где в 1911 – 1916 гг. читает курс сначала философии права, а затем и истории философии права в качестве приват-доцента, позднее профессора по кафедре энциклопедии права. Одновременно в 1912 – 1914 гг. он становится соредактором «Юридических записок» лицея. Только здесь в полном объеме раскрылся его преподавательский талант, а интенсивность научной работы не уменьшилась⁸¹. В 1913 – 1917 гг. он редактировал журнал «Юридический вестник», ставший одним из ведущих научных правовых периодических изданий. В 1917 г. в Харьковском университете Кистяковский защитил магистерскую диссертацию (уже будучи формально магистром) и ему была присвоена докторская степень. После ухода из лицея он не потерял связи с Ярославлем, поддерживал контакты с преподавателями лицея. Впрочем, с нашим городом связано и трагическое событие в его жизни. В ходе ярославского мятежа в июле 1918 г. сгорела типография, где находилась рукопись книги Кистяковского «Право и науки о праве». Сам ученый считал ее главным трудом жизни, но она была безвозвратно утрачена. В Харьковском университете Кистяковский преподавал до 1918 г. С образованием Украинского государственного университета он избирается там профессором по кафедре государственного права, будучи одновременно и профессором Киевского университета

---

⁸⁰ См.: Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сб. статей о русской революции. М., 1991. С. 122-149.

⁸¹ См.: Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913.

им. Святого Владимира. В 1919 г. его приглашают в Украинскую академию наук, он совершает совместно с ее первым президентом В.И. Вернадским поездку в Ростов к А.И. Деникину с целью защиты интересов академии. Вихри Гражданской войны занесли его сначала в Ростов, а затем в Екатеринодар, где его избрали профессором местного Политехнического института. Его коллегой по институту был тогда еще меньшевик И.С. Войтинский, ставший впоследствии видным советским ученым-трудовиком⁸². Но руководить кафедрой Кистяковскому не пришлось, так как у него обострилась застарелая болезнь, и после неудачной операции он умер в апреле 1920 г.

Что касается интересующего нас трудов правового аспекта творчества ученого, то можно сказать следующее. Он приветствовал то, что русский философ В.С. Соловьев перенес проблему социальной поддержки неимущих слоев населения из сферы морали в сферу права. По мнению Б.А. Кистяковского, он сделал это последовательнее и убедительнее, чем даже его сторонники – профессиональные юристы. Само государство виделось русскому философу В.С. Соловьеву как «собираательно-организованная жалость», в связи с чем должна была решаться проблема обеспечения каждому материальных средств к достойному существованию и развитию не в силу жалости, а «в силу самой природы правовой организации»⁸³. Б.А. Кистяковский констатировал, что в начале XX в. сложилось три определения права по содержанию правовых норм: нормы, устанавливающие и ограничивающие свободу (школа естественного права и немецкие философы-идеалисты), нормы, разграничивающие интересы (Р. Иеринг), и, наконец, нормы, создающие компромисс между различными требованиями (А. Меркель). Последнее определение встречало его существенную поддержку и интерес⁸⁴. Это создавало теоретические предпосылки для формирования социального партнерства.

---

⁸² См. подробнее: Лушников А.М. Наука трудового права России. М., 2003. С. 107-127.

⁸³ См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 586-588.

⁸⁴ См.: Кистяковский Б.А. В защиту права. С. 131.

Б.А. Кистяковский по философским воззрениям с некоторыми оговорками может быть отнесен к числу неокантианцев. Главная заслуга И. Канта ему виделась в переносе христианских заповедей в сферу науки: «Не делай другим того, чего не желаешь самому себе», «Действуй так, чтобы правило твоей деятельности посредством твоей воли стало всеобщим законом», «Люби ближнего, как самого себя», «Действуй так, чтобы человечество как в твоём лице, так и в лице всякого другого всегда употреблялось тобой как цель и никогда как средство»⁸⁵. Наиболее популярными в среде русских обществоведов были немецкие философы-неокантианцы. В. Виндельбанд (1848 – 1915) (учитель Кистяковского), Г. Риккерт (1863 – 1936), Г. Коген (1842 – 1918), а также философ и теоретик права Р. Штаммлер (1856 – 1938). Российского ученого можно назвать популяризатором их творчества. Он отмечал неоспоримую заслугу немецкого ученого Г. Еллинека (1851 – 1911) (также его учителя), который разграничивал «социальный» и «правовой» подходы к государству. Г. Еллинек определял государство как целое единство индивидов, наделенное качествами юридического субъекта, обладающее волей и являющееся носителем права. Он поддерживал идею о самоограничении государства изданными им же правовыми нормами. Наиболее интересно предложенное им деление субъективных прав на частные субъективные и публичные субъективные права. Последние включали в себя право на положительные услуги со стороны государства. Этим подводилась правовая основа под социально-обеспечительные функции государства⁸⁶.

Б.А. Кистяковский писал, что постановка проблемы о праве человека на достойное существование в российской юридической науке связана с именами П.И. Новгородцева и известного цивилиста И.А. Покровского⁸⁷. П.И. Новгородцев подчеркивал юридическое значение этого права, но его природу он так и не вы-

---

⁸⁵ См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. С. 234-236.

⁸⁶ См.: Там же. С. 580.

⁸⁷ См.: Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. Социально-философские этюды. СПб.; М., 1911. Впервые свои статьи авторы опубликовали соответственно в 1905 и 1906 гг. и затем неоднократно возвращались к этой теме.

явил, ограничившись констатацией его отнесения к правам человека. И.А. Покровский обосновал категорию «право на существование», так как «достойное человеческое существование» является слишком растяжимой и оценочной категорией. Его можно связать с понятием прожиточного минимума. Общественная благотворительность признавалась явно недостаточной, ибо «не принцип права царит в ней, а принцип милости и милостыни». Но И.А. Покровский также не определяет характер этого права, предлагая относить его к сфере частного права. В этой связи вполне обоснованна критика позиции этого цивилиста, который даже не вспомнил о публичных субъективных правах (концепция Г. Еллинека), слишком противопоставлял частное (децентрализованное) и публичное (централизованное) право. В итоге два вышеназванных известных русских ученых поставленную ими проблему в целом не разрешили⁸⁸.

Б.А. Кистяковский видел продвижение к реализации принципа солидарности и возрастание социальных функций государства в следующем: страхование различного рода (по болезни, от несчастных случаев на производстве, по инвалидности, по старости) при усиливающейся роли государства. При этом страхование должно носить публично-правовой характер. На очереди оказывалось страхование от безработицы и законодательное признание субъективного публичного права на труд. Достойное человеческое существование он предлагал считать критерием для разграничения индивидуального и общего интереса, субъективного и объективного права⁸⁹.

---

⁸⁸ См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. С. 583-586.

⁸⁹ См.: Там же. С. 591-592.

---

4. Трудовое право и финансовое право: жизнь и научное наследие А.А. Исаева и Р.М. Орженцкого

Самое основное из знаний и преобладающее над служебным есть то, в котором содержится понимание цели, ради которой все в отдельности должно делаться.

Аристотель

Одной из наиболее авторитетных в стране научных школ была также ярославская школа ученых-специалистов по финансовому праву. Этому способствовало то, что еще со времен камерального направления лица в нем на высоком уровне было поставлено преподавание политической экономии и финансового права. Ряды преподавателей этих дисциплин украшают имена таких выдающихся личностей, как М.Н. Капустин (1828 – 1899), И.Т. Тарасов (1849 – 1929), А.А. Исаев (1851 – 1924), а также Э.Н. Берендтс, А.С. Постников, а впоследствии Р.М. Орженцкий, ставший одним из основоположников математической статистики. Этот предмет в лицее преподавал крупный специалист по финансовому праву А.Р. Свирщевский, а еще ранее – Н.Н. Ворошилов. Уникальность и научная мощь этой блестящей плеяды ученых общепризнана, но это уже тема для другого исследования. Одной из наиболее ярких фигур в этом ряду можно считать А.А. Исаева.

Отметим, что в числе первых ученых-трудовиков видное место занимали специалисты по финансам и политической экономии, такие как академики В.П. Безобразов и И.И. Янжул, профессора И.Х. Озеров, И.А. Трахтенберг, М.И. Туган-Барановский,

В.Г. Яроцкий и др.⁹⁰ Впервые читать лекционные курсы, связанные с правовым регулированием труда, в университетах начали также специалисты по финансовому праву и политэкономии. В 1906 г. Петербургском университете профессор В.Г. Яроцкий читал необязательный курс «Социальная политика в области рабочего вопроса», а в Московском университете приват-доцент А.А. Боровой читал курс «Рабочий вопрос».

Андрей Алексеевич Исаев (1851 – 1924) родился в Черниговской губернии. После окончания с золотой медалью Московской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. Спустя год он перевелся на юридический факультет Петербургского университета, который окончил со степенью кандидата права в 1873 г. После этого его оставляют для подготовки к профессорскому званию по кафедре политэкономии и отправляют в зарубежную командировку. В 1873 и 1874 гг. он стажировался в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах, занимаясь политической экономией под руководством профессоров В. Рошера и А. Книса. Первый из них был сторонником общественной благотворительности и разрабатывал проблемы борьбы с бедностью⁹¹. После сдачи магистерского экзамена в Московском университете в 1875 г. А.А. Исаев провел исследование промыслов Московской губернии по приглашению местного земства. После этого в 1877 – 1878 гг. он опять находился в зарубежной командировке, занимаясь политэкономией и финансовой наукой в университетах Лейпцига, Йены, Страсбурга, Берлина и Парижа. В этот период выработался творческий стиль ученого, которого можно назвать видным специалистом в области политэкономии, финансового права, социологии и статистики. Столь широкий охват проблемы способствовал комплексному характеру его исследований, которые зачастую велись на стыке научных дисциплин. Молодой ученый позитивно относился к

---

⁹⁰ См. подробнее: Лушникова М.В., Лушников А.М., Тарусина Н.Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений. Ярославль, 2001. С. 71-77; С. 100-107 и др.

⁹¹ См.: Рошер В. Система призрения бедных и мероприятия против бедности. Черкассы, 1894.

марксистскому экономическому учению, но делал из него вывод в пользу экономических и политических реформ. В советский период его относили к числу приверженцев «кооперативного социализма».

В начале 1879 г. А.А. Исаев защищает магистерскую диссертацию по политэкономии и в этом же году избирается приват-доцентом Демидовского юридического лицея, а затем и экстраординарного профессора по кафедре политической экономии. Он хорошо знал французский и немецкий языки, свободно ориентировался в зарубежном законодательстве и научном материале. Это позволяло ему при разработке каждой проблемы учитывать ее компаративный аспект. По общепризнанному мнению, именно на ярославский период приходится расцвет научного творчества Исаева. При этом современные специалисты по финансовому праву считают его одним из самых выдающихся ученых дореволюционного периода⁹².

В лицее Исаев читал курс политической экономии, активно публиковал свои научные сочинения. Помимо трудов по налоговому праву и политэкономии он издал работы, посвященные отмене крепостного права, российским артелям, влиянию больших городов на общественную жизнь и др. Это не мешало его активной общественной и благотворительной деятельности. В частности, он читал благотворительные публичные лекции в пользу бедствующих студентов. После защиты докторской диссертации по политэкономии он получил орден Святой Анны 2-й степени (1887 г.) и был утвержден в гражданском чине статского советника.

В январе 1889 г. Исаев переходит на должность приват-доцента Петербургского университета, а осенью того же года занимает кафедру полицейского права Александровского лицея. В столице Исаев продолжил активно заниматься общественной работой, явился одним из учредителей Общества для помощи нуждающимся переселенцам, председательствовал в кустарном отделении Общества для содействия русской промышленности и торговли. Он активно занимался проблемами социологии и поли-

---

⁹² См.: Ялбулганов А.А. А.А. Исаев (1851 – 1924) // Финансы и налоги: очерки теории и политики. Т. 4. М., 2004. С. 377-382.

тики⁹³, не был равнодушен к политической жизни страны. Такая широта мышления способствовала тому, что Исаев обратился к проблемам забастовок, рассматривая в единстве их экономическую и правовую составляющие.

Он признавал законным неограниченное право рабочих на участие в забастовке. Последнюю он считал крайностью, но необходимым инструментом для разрешения кризисных ситуаций. При этом А.А. Исаев отмечал важность третейских судов и палат посредников. Он констатировал, что необходимость стачек проистекает в том числе из-за невозможности примирения сторон. Даже в Англии с 1894 по 1901 г. палата посредников смогла примирить только 327 стачек, т.е. 5,3% из имевших место, а подчинились ее решению 10,5% рабочих-забастовщиков⁹⁴. В этой связи особую важность приобретало недопущение стачек посредством разрешения конфликтов на предварительных этапах. Но в случае начала стачки она должна быть обдуманной, с реальными требованиями. Участие в ее организации профсоюзов было желательным, так как они придавали ей осмысленность и могли создать забастовочный фонд. А.А. Исаев не удержался от смешения экономических споров с политическими проблемами, признав право на политическую забастовку⁹⁵.

Будучи близким по взглядам к легальным марксистам, он вполне благожелательно встретил как Февральскую, так и Октябрьскую революции 1917 г. В советский период он продолжил свою научную и педагогическую деятельность. Этому способствовало и то, что статистическими данными и выводами из работ А.А. Исаева неоднократно пользовался В.И. Ленин при подготовке работы «Развитие капитализма в России». Социальные вопросы по-прежнему интересовали ученого. Примечательно, что его последняя работа была посвящена вопросам, тесно связанным с трудовым правом проблематикой⁹⁶.

---

⁹³ См.: Исаев А.А. Вопросы социологии. СПб., 1906; Он же. О социализме наших дней. Штутгарт, 1902.

⁹⁴ См.: Исаев А.А. Забастовка. СПб., 1906. С. 4, 14-20.

⁹⁵ См.: Там же. С. 34.

⁹⁶ См.: Исаев А.А. Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917 – 1924 гг.). М., 1924.

Роман Михайлович Орженцкий (1863 – 1923) родился 16 февраля 1863 г. в Житомире в семье выходцев из Польши. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет Новороссийского университета, который окончил в 1887 г. Уже в студенческие годы он специализировался на изучении политической экономии и финансового права. По завершении обучения он многие годы работал в государственных учреждениях Одессы, одновременно активно занимался преподавательской деятельностью в Коммерческой школе, Школе торгового мореплавания, а затем был избран приват-доцентом Новороссийского университета. При этом Орженцкий отличался независимостью своих суждений, был сторонником углубления реформ, сотрудничал с общественными организациями и принимал участие в профсоюзном движении.

В 1906 г. он был уволен из Новороссийского университета «за вольнодумство», но после этого принят приват-доцентом в Демидовский юридический лицей. В 1907 г. он возглавил новую лицейскую кафедру статистики и был избран профессором. Его обоснованно считают основоположником математической статистики. Основные научные работы Орженцкого были опубликованы в Ярославле⁹⁷. При этом он совмещал научную и преподавательскую работу с практической деятельностью, и с 1910 г. возглавлял оценочно-статистическое бюро Ярославского губернского земства. Его идеологическая позиция не изменилась, но его политические взгляды были не радикальными, а скорее реформистскими. В Демидовском юридическом лицее Р.М. Орженцкий преподавал до 1918 г. и вошел в число первых профессоров Ярославского государственного университета.

В начале 1919 г. он перебирается на Украину, где избирается академиком Академии наук Украины. В академии он организовал изучение бюджетов разных уровней, конъюнктуры народного хозяйства, движения рыночных цен. С 1920 г. он стал заведующим кафедрой теоретической экономии в Академии наук Украины в Киеве, возглавил Социально-экономический отдел академии

---

⁹⁷ См.: Орженцкий Р.М. Сводные признаки к методологии статистики. Ярославль, 1910; Он же. Некоторые приемы статистического метода. Ярославль, 1914 и др.

(1921-1922 гг.), руководил изданием Статистического бюллетеня. Впоследствии он эмигрировал в Польшу и умер в Варшаве 24 мая 1923 г.

Исследования Р.М. Орженцкого позволяют всесторонне рассматривать вопросы, связанные с правовым регулированием труда. Он занимался, в частности, изучением связи экономических циклов и изменения конъюнктуры рынка с ростом безработицы и динамикой забастовок. Он выступал за направленность бюджета, которую в современных терминах можно назвать «социальной», что связывалось с увеличением ассигнований на поддержку неимущих слоев населения, социальными пособиями и др. В некоторых публикациях он непосредственно касался рабочего вопроса. Так, в рецензии на исследование Н.Н. Полянского «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб., 1907) он опровергал мнение автора рецензируемого труда, будто свобода коалиций делает излишней законодательную охрану интересов рабочих. Для ярославского ученого было очевидно, что коллективные способы борьбы рабочих за свои права должны сочетаться с наличием развитого трудового законодательства, защищающего рабочих от неконтролируемой эксплуатации. Между тем Н.Н. Полянский утверждал обратное, а именно что предоставление рабочим широкой коалиционной свободы гораздо ценнее и желательнее для них, чем вся отеческая забота о них законодателя. Р.М. Орженцкий обоснованно отметил, что Н.Н. Полянский не придает особого значения отрицательным сторонам забастовки, хотя они довольно существенны, в том числе для самих рабочих. По мнению Орженцкого, забастовку нельзя признать единственным средством борьбы за интересы рабочих, причем это средство является нелегким и для самих забастовщиков. В рецензии обращалось внимание и на то, что Н.Н. Полянский провел свое правовое исследование в некотором отрыве от экономической составляющей затронутых проблем, в частности, рассмотрел не все теории заработной платы, не учитывал экономических последствий забастовок⁹⁸.

---

⁹⁸ См.: Орженцкий Р. Рец. на кн.: Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон // Юридическая библиография. 1907. № 3. С. 16-18.

**5. Трудовое право и гражданское право:
жизнь и научное наследие Н.Л. Дювернуа,
В.М. Гордона, Б.В. Чредина
и А.В. Венедиктова**

Воспоминания о замечательных людях... время от времени порождают в нас дух размышления. Они возникают перед нами, как заветы своих поколений.

И. Гете

Ярославская школа цивилистики в дореволюционный период и первые годы советской власти была одной из самых известных в стране. Она была представлена такими замечательными учеными, как Д.И. Азаревич (1848 – 1920), Н.С. Суворов (1848 – 1909), Т.М. Яблочков (1880 – 1926), а также Ф.Г. Григорович, Н.А. Кремлев, В.М. Нечаев, С.П. Никонов, И.Г. Табашников, Б.Н. Фрезе, А.Л. Фрейтаг-Лоренговен. В Демидовском юридическом лицее гражданское право и гражданский процесс преподавали Н.Л. Дювернуа, В.М. Гордон, Б.В. Чредин, а А.В. Венедиктов начал преподавательскую деятельность уже в Ярославском университете. Очевидно, что трудовое право тесно связано с гражданским, хотя напрямую и не выделилось из него. В этой связи специалисты по гражданскому праву стали в значительной части и первыми учеными-трудовиками. Л.С. Таль, как уже указывалось, преподавал в лицее гражданское и торговое право. Лучшие представители ярославской школы цивилистики уделяли повышенное внимание пробелам в праве, «человеческому измерению» отрасли. Все это позволило им выйти на проблемы, связанные с обособлением трудового права как отрасли.

Николай Львович Дювернуа (1836 – 1906). Этот выдающийся ученый-цивилист до сих пор недооценен в отечественной юридической науке. Между тем в дореволюционный период его

научный авторитет был непререкаем⁹⁹. В нашу задачу не входит анализ его цивилистических работ. Николай Львович интересен нам как основатель ярославской школы гражданского права, заложивший основы ее фирменного стиля. Именно интерес к истории права, к социальной составляющей цивилистики позволил его ученикам и последователям выйти на проблемы правового регулирования наемного труда.

Н.Л. Дювернуа был по отцу французом, но представлял собой тип истинно русского интеллигента. В 1853 – 1857 гг. он обучался на юридическом факультете Московского университета, где первоначально его больше интересовали проблемы истории. Это неудивительно в свете того, что лекции ему читали лучшие российские историки того периода Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, С.П. Шевырев. Среди преподавателей правовых дисциплин он выделял историка русского права И.Д. Беяева и специалиста по истории римского права Н.И. Крылова. По окончании университета Дювернуа находился на государственной службе в Москве, пока не получил возможность в 1865 г. изучать немецкое гражданское право в Гейдельбергском университете. В 1870 г. его приглашают в Демидовский юридический лицей для чтения курса римского права. Предварительно почти два года он провел в зарубежной научной командировке, преимущественно в Венском университете. Здесь он знакомится с Р. Иерингом, который до этого был для него высоким научным авторитетом. Так завязались дружеские отношения между российским и немецким учеными. В конце 1871 г. Дювернуа начинает чтение курса римского права в лицее, где преподает до 1875 г. В Ярославле он опубликовал свои первые исследования¹⁰⁰, а затем защитил магистерскую диссертацию «Источники права и суд в древней Руси. Опыт по истории гражданского права» (1874 г.). После этого он был приглашен занять кафедру в Новороссийском университете, где

---

⁹⁹ См.: Гамбаров Ю.С. Николай Львович Дювернуа // Вестник гражданского права. 1914. № 5. С. 5-14; Нольде А.Э. Н.Л. Дювернуа // Там же. 1917. № 1. С. 5-12 и др.

¹⁰⁰ См.: Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872; Он же. Основные формы корреального обязательства. Историко-юридическое исследование по римскому праву. Ярославль, 1874.

преподавал в 1875 – 1882 гг. Наконец, с 1882 г. до своей смерти в 1906 г. он преподавал на кафедре гражданского права Петербургского университета.

Обращаясь к научному наследию Н.Л. Дювернуа, отметим, что развитие договорных отношений, связанных с наемным трудом, он не отождествлял с римским правом, которое допускало низведение человека до категории вещей. Он подчеркивал большое значение в период феодализма союзов (корпораций), которые определяли специфику трудовых отношений конкретных лиц. Отсюда повышенный интерес законодательства и юриспруденции к правам союза и ослабление интереса к правам отдельных лиц, в том числе связанных с использованием своего труда¹⁰¹. Следовательно, само формирование относительно массовых трудовых отношений и зачатков трудового законодательства переносилось им на период капиталистического развития, когда на первый план вышли права отдельной личности, а не корпорации. Н.Л. Дювернуа подготовил целую плеяду юристов, живо интересовавшихся правовым опосредованием трудовых отношений. Среди них выделяются Ф.А. Вальтер, А.Ф. Волков, А.И. Каминка, А.Э. Нольде. Одним из его любимых учеников был В.М. Гордон, о котором речь пойдет далее.

Преемником Н.Л. Дювернуа на кафедре гражданского права Демидовского юридического лицея был *Александр Александрович Борзенко (1848 – 1915)*. Он был выходцем из дворян Екатеринославской губернии, с золотой медалью окончил Ришельевскую гимназию в Одессе, продолжил обучение на юридическом факультете Новороссийского университета, завершил образование на юридическом факультете Московского университета. После защиты магистерского экзамена в 1874 г. он был принят приват-доцентом Демидовского юридического лицея, где преподавал около двадцати лет. Он вел занятия по гражданскому и торговому праву, а также римскому праву и гражданскому судопроизводству. Для нас его личность примечательна в двух аспектах. Во-первых, он рассматривал проблемы трудового права в широком контексте общественных отношений. Он писал: «Назначение

---

¹⁰¹ См.: Дювернуа Н.Л. Чтение по гражданскому праву. СПб., 1902. С. 268-272 и далее.

права – служить нравственной свободе человека, а не раболепствовать перед хозяйственной расчетливостью»¹⁰². Проблемы ограничения права собственности он связывал с правами личности и общественными интересами. Особенно, по его мнению, это касалось промышленных предприятий, функционирование которых основывалось на использовании наемного труда¹⁰³. Во-вторых, А.А. Борзенко был крупным меценатом, собирателем редкостей, имеющих научное и общественное значение. Он неоднократно жертвовал крупные суммы в пользу нуждающихся студентов лицея и был организатором благотворительных кампаний. По духовному завещанию он оставил все свое имущество, заключенное в процентных бумагах, на сумму свыше 120 тыс. рублей Новороссийскому университету. Кроме того, уже в лицейскую пору он состоял в переписке со многими известными европейскими политическими деятелями и по просьбе английского правительства переводил на английский язык российские законы. Можно сказать, что А.А. Борзенко поддержал и развил гуманистические традиции ярославской школы цивилистики, заложенные Н.Л. Дювернуа.

Эти традиции продолжал и развивал следующий представитель ярославской школы цивилистики *Виктор Адамович Юшкевич (1868 – 1908)*. Он окончил училище правоведения в 1888 г., а затем продолжил образование в Берлинском университете, где слушал лекции Г. Дернбурга и К. Экка. С 1894 г. он избирается приват-доцентом по кафедре гражданского права Демидовского юридического лицея, а в 1899 г. после защиты магистерской диссертации возглавляет эту кафедру. В начале XX в. он переводится в Томский университет, где занимает кафедру торгового права. В 1905 г. по личному указанию принца А.П. Ольденбургского он вызывается в столицу, где избирается профессором Императорского училища правоведения и одновременно Московского лицея

---

¹⁰² Цит. по: Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем. С. 151.

¹⁰³ См.: Борзенко А.А. Личность, общественность, собственность. Очерки права. Ярославль, 1881; Он же. Промышленная собственность. Одесса, 1894.

Цесаревича Николая. Это был широко образованный цивилист¹⁰⁴, талант которого не раскрылся в силу его ранней кончины.

Владимир Михайлович Гордон (1871 – 1926) родился в семье дворянина, действительного статского советника. В 1894 г. он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и был прикомандирован к III Департаменту Правительствующего Сената, а в 1897 г. стал там же регистратором. Одновременно в 1894 г. его оставляют при университете для подготовки к профессорскому званию, где его научной работой руководил профессор Н.Л. Дювернуа. С 1900 г. он становится приват-доцентом в Петербургском университете, а в 1901 г. переводится в Демидовский юридический лицей в той же должности по кафедре гражданского судопроизводства. В 1903 г., после защиты магистерской диссертации, его избирают экстраординарным профессором там же. В 1906 г. он переводится в Харьковский университет, где после защиты докторской диссертации в 1907 г. становится ординарным профессором по кафедре торгового права. Его докторская диссертация, подготовленная и опубликованная в Ярославле, оказала косвенное влияние на формирование учения о едином, сложном, делящемся трудовом правоотношении. Доказывая возможность существования комплексного правоотношения, он писал: «Гражданский процесс есть трехстороннее отношение между судом как органом государства, истцом и ответчиком: правоотношение это сложное по составу, но единое по тому предмету, ради которого оно возникает и развивается»¹⁰⁵. Данная конструкция и в настоящее время находится в инструментарии науки гражданского процесса¹⁰⁶.

Владимир Михайлович был одним из крупных российских цивилистов, специалистом по гражданскому праву и гражданскому процессу, знатоком европейского законодательства. Уже в

---

¹⁰⁴ См.: Юшкевич В.А. Учение пандект: В 2 вып. Ярославль, 1895. Вып. 1; 1897. Вып. 2; Он же. Руководящие начала к преподаванию русского гражданского права. Ярославль, 1900; Он же. Наполеон I на поприще гражданского правоповедения и законодательства. М., 1905 и др.

¹⁰⁵ Гордон В.М. Иск о признании. Ярославль, 1906. С. 18.

¹⁰⁶ См.: Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 25-27 и др.

Харькове он стал статским советником, кавалером ордена Святой Анны второй степени. В 1912 г. он подавал документы на перевод в столичный университет¹⁰⁷, но в 1917 г. революционная смута нарушила планы ученого, и он до конца своих дней был связан с украинскими вузами. В числе его учеников данного периода были известные впоследствии советские ученые-трудовики П.Д. Каминская и А.Е. Пашерстник. В советский период он продолжал научную и педагогическую деятельность¹⁰⁸.

Как уже указывалось, Гордон был первым оппонентом на защите магистерской диссертации Л.С. Таля, а его выступление на магистерском диспуте было в развернутом и дополненном виде опубликовано как отдельный очерк, посвященный учению о трудовом договоре. В.М. Гордон писал: «С выражением "трудовой договор" уже долгое время связывалось представление об общем понятии трудовой сделки, охватывающей массу определенных видов»¹⁰⁹. Он анализировал работы немецких ученых В. Эндеманна, Ф. Лотмара, но основное внимание уделил, естественно, разбору монографии (опубликованной диссертации) Л.С. Таля «Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч. 1». В.М. Гордон, признав актуальность проблемы правового регулирования трудовых отношений, отмечал, что «это одна из тех проблем, которые, по своей справедливости, могут быть названы очевидными, требующими внимания и со стороны законодателей, и со стороны деятелей науки»¹¹⁰. Он соглашался с тем, что устаревшие взгляды на трудовой договор как на куплю-продажу или товарищество были убедительно опровергнуты Л.С. Талем. В целом позитивно была оценена историко-правовая часть работы, особенно анализ воззрений на наемный труд в римском праве. Гордон выделил главное в новом учении о трудовом договоре: установление власти и подчинения в договорно-трудовых отношениях, а заслугу Л.С. Таля – в постановке про-

---

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 352. Л. 111-116.

¹⁰⁸ См.: Р.Д. 20-летию со дня смерти В.М. Гордона // Советское государство и право. 1946. № 3-4. С. 70-72.

¹⁰⁹ Гордон В.М. К учению о трудовых договорах (Литературное обозрение). СПб., 1914. С. 4.

¹¹⁰ Там же. С. 7.

блемы власти над человеком в области гражданского права. В то же время его критика носила довольно конструктивный характер. Он указывал, что в работе Л.С. Таля «не дано точно установленное понятие "трудовой договор" в смысле родовом; определение его в ряду других договоров, фиксирование подходящей терминологии, которая бы устраняла смешение вида с родом, возможность одинакового именованя договоров различного содержания»¹¹¹. Гордон обратил внимание на отсутствие четкого разграничения понятий «договор о труде» и «трудовой договор». Правомерно указывалось, что определение труда как предмета трудового договора дано через указание на него как юридически релевантную (характерную) деятельность. Между тем это неточно определенное понятие релевантности не характеризует какого-либо вида деятельности. Значительная часть критических замечаний была посвящена учению Таля о нерегулированных договорах, которое, по мнению Гордона, имеет только касательное отношение к учению о трудовом договоре. В целом Гордон оказался достаточно жестким и принципиальным оппонентом Л.С. Таля. Впрочем, как классический цивилист, Гордон не смог оценить и понять некоторых сформулированных Талем новаторских положений.

Борис Васильевич Чредин (1885 – не ранее 1925) родился в Москве 10 июля 1885 г. в семье присяжного поверенного Округа Московской судебной палаты¹¹². Он окончил в 1903 г. московскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1908 г. с дипломом первой степени. Его учителями были известные ученые А.Э. Вормс и В.М. Хвостов. Затем Чредин был помощником присяжного поверенного, а в 1910 г. оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права. В 1910 – 1913 гг. преподавал законоведение в ряде мужских гимназий Москвы. В 1913 г. в Варшавском университете он сдал экзамен на звание магистра римского права и с того же года стал исполняющим обязанности доцента Варшавского университета по кафедре

---

¹¹¹ Гордон В.М. К учению о трудовых договорах. С. 29.

¹¹² ЦДНИ – филиал ГАЯО. Ф. 7867, Оп. 2, Д. 4652 (личное дело Б.В. Чредина).

римского права. Это был эрудированный ученый, знаток истории права. Его лекции и печатные труды не только информационно насыщены и логически выверены, но и отличаются высоким эстетическим уровнем¹¹³.

В ноябре 1914 г. его избирают приват-доцентом кафедры гражданского процесса Демидовского юридического лицея с сохранением прежнего звания в Варшавском университете. Это было связано с Первой мировой войной, превратившей Варшаву сначала в прифронтный город, а затем оккупированный немцами в августе 1915 г. Чредин отличался независимостью суждений, открыто выступал за проведение глубоких социально-экономических реформ. В декабре 1914 г. по инициативе лицейского попечителя А. Тихомирова его должны были отстранить от преподавания, но в условиях войны и нарастания кадровых проблем он сохранил должность¹¹⁴. В лицее он преподавал гражданский процесс и гражданское право, а также институции римского права. Впрочем, весной 1915 г. он временно вернулся в Варшаву, где продолжил преподавание в местном университете и Высшей женской гимназии. Это было связано с тем, что фронт неуклонно приближался к столице тогда еще Царства Польского в составе России и многие преподаватели перевелись в другие вузы. Это был поступок порядочного человека, но вести ему пришлось сразу четыре дисциплины. Вместе с университетом летом 1915 г. он эвакуируется в Ростов-на-Дону, где продолжает проведение занятий по гражданскому праву и ведет студенческий цивилистический кружок. В начале 1917 г. Борис Васильевич избирается на должность профессора.

Февральскую революцию Чредин приветствовал, выступил сторонником государственного вмешательства в отношения труда и капитала, за дальнейшее развитие фабричного законодательства и законодательное закрепление права на труд¹¹⁵. К установ-

---

¹¹³ См.: Чредин Б.В. Суд и жизнь. Ярославль, 1914; Он же. Всемирное и вечное владычество Рима. Ростов-н/Д., 1916; Он же. К вопросу об индивидуализации права. Харьков, 1916 и др.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 977. Л. 74-81.

¹¹⁵ См.: Чредин Б.В. Народное трудовое государство и основы экономического права. М., 1918.

лению советской власти он отнесся с пониманием, но разгоревшаяся на Дону Гражданская война повлияла на его дальнейшие жизненные планы. Сначала он переезжает в Москву, где начинает преподавать в 1-м МГУ, а в ноябре 1918 г. Совет Демидовского юридического лицея, вскоре преобразованного в университет, избирает его профессором по кафедре истории римского права. Так он стал одним из первых профессоров Ярославского государственного университета и в начале 1919 г. вместе с женой Лидией Николаевной переехал на жительство в Ярославль. Затем он служил на кафедре истории права и государства, но читал лекции и по дисциплинам других кафедр, в том числе по истории институтов частного права, учению о суде, технике правовых норм, учению об основных экономических правах, вел спецкурсы по судебному праву и гражданскому процессу.

Почти сразу же после избрания он занял руководящие должности: сначала секретаря юридического отделения факультета общественных наук (ФОН), с июля 1919 г. по ноябрь 1920 г. – декана экономического отделения ФОН, а затем до октября 1923 г. – председателя деканата (декана) ФОН. Чредин можно назвать настоящим патриотом Ярославского государственного университета, который до конца боролся за его сохранение, принимал активное участие в руководстве вузом вместе с В.Н. Ширяевым, Н.Н. Полянским и В.Н. Мышцыным. Такая загруженность административной работой оставляла мало времени на научные исследования, но его научные публикации по-прежнему отличались глубокой эрудицией и широтой охвата проблемы¹¹⁶. На момент закрытия университета Чредин уже вернулся в Москву и вел занятия в Московском промышленно-экономическом институте. Его приглашали еще в целый ряд вузов. Дальнейшая судьба Б.В. Чредина нам неизвестна.

Вместе с известным административистом и международником профессором Н.Н. Голубевым он в начале 20-х гг. читал цикл курсов, касающихся правового регулирования трудовых отношений. Особый интерес представляли читаемые Чрединым курсы:

---

¹¹⁶ См.: Чредин Б.В. Политические воззрения Горация // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918 – 1919. Ярославль, 1920. С. 61-87.

«Организация труда в капиталистическом обществе» и «Правовая организация производства и труда в РСФСР». Программа первого из названных курсов по большей части совпадает с программой курса трудового права. Она охватывала такие вопросы, как трудовой договор, внутренний распорядок предприятия, институт хозяйской власти, правовое значение рабочих объединений, коллективные договоры, их юридическая сила и соотношение с индивидуальным договором, трудовые споры, правовое значение и последствия стачек, способы разрешения коллективных трудовых споров (примирительные камеры, примирительно-третейские учреждения, примирительные суды)¹¹⁷. При рассмотрении правовой организации производства и труда в РСФСР Чредин особое внимание обращал на правовое положение рабочих и служащих, фабричное самоуправление, охрану труда. Лекции Чредина пользовались успехом, но их публикацию нам обнаружить не удалось.

Анатолий Васильевич Венедиктов (1887 – 1959). Имя А.В. Венедиктова принадлежит отечественной цивилистике. Долгое время он оставался единственным специалистом по гражданскому праву, избранным в действительные члены Академии наук СССР, а затем и Российской Академии наук. Но во время годовичного пребывания в качестве заведующего кафедрой промышленного права Ярославского госуниверситета он разработал одну из первых программ по рабочему праву для студентов-юристов, а в число рекомендованной литературы включил труды одного из своих учителей – Л.С. Таля. Между тем в некоторых биографических очерках о нем даже не упоминается о периоде его преподавания в Ярославле¹¹⁸.

А.В. Венедиктов родился в 1887 г. в Уфе. В 1910 г. он окончил экономическое отделение Петербургского политехнического института, а в 1912 г. – юридический факультет Петербургского университета¹¹⁹. В числе его учителей были видные цивилисты

---

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 34-35, 47, 88-91.

¹¹⁸ См., например: Иванов А.А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А.В. Венедиктова // Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 7-55.

¹¹⁹ Филиал ГАЯО – ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 574. Личное дело А.В. Венедиктова.

И.А. Покровский, В.Б. Ельяшевич, А.И. Каминка, М.Я. Пергамент. Занятия по торговому праву и спецкурс по договорам о труде вел Л.С. Таль. В мае 1912 г. молодого ученого оставляют на кафедре торгового права Петербургского политехнического института для подготовки к профессорскому званию, где он работал под руководством А.Г. Гусакова и В.Б. Ельяшевича. В 1912 – 1914 гг. он находился в учебной командировке в Германии, преимущественно в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. В последнем он два семестра занимался под руководством профессоров Венгера и Хеллмана. Затем он вернулся в Россию и до 1916 г. вел научную работу в политехническом институте. В 1916 – 1917 гг. он преподавал курс гражданского права на Высших коммерческих курсах, одновременно служил в Министерстве торговли и промышленности, а осенью 1917 г. стал юрисконсультom Главного экономического комитета и чиновником для особых поручений V класса. Октябрьская революция прервала его государственную службу.

В ноябре 1918 г. Совет Ярославского госуниверситета единогласно избирает Венедиктова профессором кафедры промышленного права. Как уже указывалось, он разработал первую программу по рабочему праву. Вероятно, творчество Л.С. Таля оказало на него определенное влияние. Впоследствии он многие годы дружил с известным ученым-трудовиком В.М. Догадовым и постоянно интересовался проблемами правового и экономического регулирования труда¹²⁰. Его учение о юридическом лице связывало это понятие с коллективом, что было достаточно прогрессивным и адекватным для идеологии и практики советского периода. А.В. Венедиктов исходил из того, что носителем правосубъектности государственного юридического лица является коллектив рабочих и служащих предприятия, а также всенародный коллектив, организованный в социалистическое государство¹²¹. Е.Б. Хохлов по этому поводу отмечал, что эта теория не свободна от внутренних противоречий, но весьма удобна в прак-

---

¹²⁰ См.: Венедиктов А.В., Догадов В.М. Ленинско-сталинское учение о социалистической организации труда // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 31-50.

¹²¹ См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948.

тическом применении относительно советского периода¹²². Данная теория в свое время поддерживалась такими известными учеными-цивилистами, как С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, В.П. Грибанов. Можно предположить, что А.В. Венедиктов выводил свою теорию исходя в том числе из своих знаний в области трудового права.

В сентябре 1919 г. Венедиктов покидает Ярославль и продолжает вести занятия в Петроградском политехническом институте. С 1929 г. он становится также профессором ЛГУ, в 1939 – 1942 гг. заведует кафедрой в Плановом институте. Наконец, при воссоздании юридического факультета ЛГУ в 1944 г. он становится первым его деканом (до 1949 г.) и заведующим кафедрой гражданского права (до 1954 г.). В 1958 г. его избирают действительным академиком АН СССР. Еще раз подчеркнем, что этот замечательный ученый внес свой вклад в развитие ярославской школы трудового права.

---

¹²² См.: Курс российского трудового права: В 3 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Е.Б. Хохлова. СПб., 1996. С. 384-385.

**6. Трудовое право
и административное право:
жизнь и научное наследие
И.Я. Гурлянда и Н.Н. Голубева**

Есть возвышенные души,
Есть непонятые люди!
Я знавал таких немало...

*Г. Лонгфелло
«Песнь о Гайавате»*

Трудовое право формировалось на стыке между гражданским и административным (полицейским) правом. Кроме того, в числе первых ученых-трудовиков были в большом количестве представлены специалисты по полицейскому и государственному праву. В этой части Демидовский юридический лицей также обладает славными традициями. На кафедре государственного и административного права в разное время преподавали такие известные ученые, как государствоведы Н.К. Нелидов (1832 – 1888), В.В. Сокольский (1848 – 1921), В.Г. Щеглов, полицейисты А.Е. Назимов (1851 – 1902), И.Т. Тарасов (1849 – 1929), а также А.В. Шмидт, О.О. Эйхельман и др. И.Т. Тарасов, бывший также крупным специалистом по финансовому праву, одним из первых поставил вопрос о выделении кафедры административного права в отдельное структурное подразделение. В рамках науки полицейского права традиционно рассматривался надзор и контроль за соблюдением промышленного (фабричного, трудового) законодательства, правовая регламентация деятельности объединений работников и работодателей и др. В этой связи интерес лицейских профессоров И.Я. Гурлянда и Н.Н. Голубева к трудовому праву не выглядит случайным.

Илья Яковлевич Гурлянд (1868 – после 1921) окончил в 1890 г. Демидовский юридический лицей со степенью кандидата права и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Разносторонняя подготовка и большая работоспособность позволили ему одновременно преподавать торговое и административное право, активно участвовать в деятельности Ярославского юридического общества. Кроме того, он подготовил около 10 достаточно крупных публикаций по истории права. Наконец, Гурлянд проявил себя как талантливый литератор, поэт, автор большого числа рассказов, очерков, репортажей и рецензий¹²³. Часть своих работ он подписывал псевдонимом «Арсений Г.». Многообразие его интересов и сегодня вызывает уважение. Его признают одним из наиболее видных ярославских историков-краеведов конца XIX в.

Это не мешало его основной научной деятельности, и в 1900 г. он защищает магистерскую, а в 1902 г. – докторскую диссертации по полицейскому праву, после чего избирается ординарным профессором. При этом в традиционном профессорском «фрондерстве» он замечен не был, и в 1902 г. назначается членом профессорского дисциплинарного суда по наложению взысканий на студентов за нарушение ими своих обязанностей. Талантливый и честолюбивый ученый был замечен и в 1904 г. переведен в центральный аппарат МВД с назначением членом Совета Министра внутренних дел и чином действительного статского советника. С 1907 г. он становится руководителем правительственного официозного издания «Россия» и одним из ближайших советников П.А. Столыпина. Говоря современным языком, он стал спичрайтером (составителем речей) сначала главы МВД, а затем и председателя правительства П.А. Столыпина. Многие из ярких речей этого последнего действительно крупного реформатора царского периода были подготовлены именно Гурляндом. В 1915 г. он становится директором Бюро печати, а с 1916 г. – главой всей информационной службы России, т.е. фактически министром информации. Революционные события 1917 г. он не принял и оказался в числе эмигрантов первой волны. Его дальнейшая

---

¹²³ См.: Гурлянд И.Я. Карьера. Повесть. М., 1896; Он же. На кресте. Повесть в стихах. Париж, 1921 и др.

судьба нам достоверно неизвестна, но на начало 20-х гг. XX в. он находился в Париже.

В интересующем нас контексте отметим, что Гурлянд может быть отнесен к числу первых ученых, обратившихся в проблеме права социального обеспечения в рамках формирующейся отрасли трудового права. Он разрабатывал популярную некогда концепцию патронажа в сфере трудового права, которая в итоге совпала с традиционным российским попечительством¹²⁴. И.Я. Гурлянд был ее горячим сторонником и проводником. Провозглашенная им цель была вполне благая: «определить идею законного покровительства, т.е. такого, которое может быть юридически сконструировано». Казалось бы, здесь прямой выход на право социального обеспечения, ибо главная идея патроната – «защита слабого со стороны сильных»¹²⁵. Он выделял самопожертвования (взаимопомощь), пожертвования (благотворительность) и покровительство, т.е. присоединение слабого к себе через попечительство и патронат. В итоге между последними так и не удалось провести правового различия, кроме как по источникам (для попечения – договор, для патроната – закон) и качеству слабости, вызывающей о защите. Если при попечении покрывается слабость физическая и экономическая, то при патронате – только юридическая, параметры которой установлены в самом законе. В итоге патронату было дано следующее определение: «... это идея такой защиты, которая в виде той или иной общности интересов оказывается юридически слабым со стороны юридически сильных с целью дать первым возможность приспособиться к процессу приспособления к жизни, устанавливается самим законом и, наконец, определяется совокупностью прав и обязанностей с каждой стороны... реализует основную цель полицейского права – установление условий для всестороннего развития индивида»¹²⁶. Такое определение позволяет, с одной стороны, выйти на проблемы го-

---

¹²⁴ См. подробнее: Лушников А.М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ярославль, 2001. С. 91-98 и др.

¹²⁵ См.: Гурлянд И.Я. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898. С. IX.

¹²⁶ Там же. С. 13.

сударственного страхования рабочих с участием государства, систему государственных пособий, мероприятия государства по борьбе с безработицей. Но, с другой стороны, это позволяет обосновать мелочную опеку рабочих и подробную регламентацию их отношений с работодателями, т.е. на то же пресловутое государственное попечительство.

Николай Николаевич Голубев (1875 – после 1925) родился 31 августа 1875 г. в г. Вязники Владимирской губернии. После окончания в 1894 г. Владимирской гимназии он поступает на юридический факультет Московского университета, который оканчивает в 1896 г. с дипломом первой степени¹²⁷. В числе его учителей были такие неординарные личности, как юристы и философы П.И. Новгородцев и С.Н. Трубецкой, историк П.Г. Виноградов, экономист А.И. Чупров. В декабре 1896 г. подающего надежды выпускника оставляют для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. В 1901 – 1903 гг. он находился в научной командировке за границей, где слушал лекции по международному, государственному и административному праву в Школе права в Париже, а также в университетах Берлина, Гейдельберга, Женевы, Берна, Цюриха. После сдачи магистерского экзамена в 1903 г. Голубев защитил диссертацию на степень магистра международного права «Международные третейские суды», а в 1904 г. стал приват-доцентом Московского университета. В ноябре того же года он избирается приват-доцентом Демидовского юридического лицея, в котором преподавал до 1918 г., а затем продолжил преподавание в Ярославском государственном университете до его закрытия в 1924 г. Сначала он был доцентом кафедры административного права, с 1907 г. – экстраординарным профессором, а с 1910 г. – ординарным профессором по кафедре государственного и административного права. В 1909 г. в Новороссийском университете им была защищена диссертация на степень доктора международного права «Международные административные комиссии XIX века. Очерки теории и практики» (издана в Ярославле в 1908 г.).

---

¹²⁷ Филиал ГАЯО – ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 917 (личное дело Н.Н. Голубева).

Голубев длительное время был членом правления лицея, заведовал его хозяйственной частью. С 1912 по 1917 гг. он руководил технической частью журнала «Юридическая библиография», был членом редколлегии «Юридических записок», с 1918 по 1924 г. – членом редакционной комиссии «Сборника Ярославского государственного университета».

Его перу принадлежат три фундаментальные монографии, более 20 статей в журналах и энциклопедиях, а также более 100 рецензий и обзоров отечественной и зарубежной литературы. Прекрасное знание французского, а также английского и немецкого языков позволяло ему регулярно знакомить читателей журнала «Юридическая библиография» с новыми зарубежными изданиями, прежде всего по административному и государственному праву.

По интересующей нас проблеме отметим следующее. Н.Н. Голубев подготовил более 10 рецензий и обзоров на первые публикации по трудовому праву¹²⁸. Так, в рецензии на книгу Д. Митчеля «Рабочие союзы в Америке» он подчеркивал, что книга проникнута верой в возможность мирного разрешения конфликтов между интересами рабочего класса и интересами предпринимателей. Водворение социального мира, по мнению Митчеля, достижимо путем компромиссов и взаимных уступок. Профсоюзы рабочих могут достичь необходимых улучшений в положении пролетариата посредством борьбы на экономической почве с союзами капиталистов. Н.Н. Голубев отмечал, что оптимизм Митчеля вполне понятен, так как его базисом являются факты американского экономического быта¹²⁹.

В рецензии на книгу А.А. Раевского «Трудовая помощь как задача государственного управления» (Харьков, 1910) Н.Н. Голубев выделил пять путей организации государственной властью

---

¹²⁸ См.: Голубев Н.Н. Рец. на кн.: Иванов С. Рабочие союзы и другие формы рабочего движения. М., 1906 // Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 37; Он же. Рец. на кн.: Чистяков И.И. К вопросу о нормальном положении врачебной помощи фабрично-заводским рабочим. М., 1909 // Там же. 1909. № 2. С. 71-72; Он же. Рец. на кн.: Репенак А.В. К введению страхования рабочих в России. М., 1911 // Там же. 1911. № 4. С. 170-171 и др.

¹²⁹ См.: Юридическая библиография. 1907. № 2. С. 37.

трудоу помощи: 1) указание труда; 2) организация общественных работ; 3) организация рабочих и земледельческих колоний; 4) создание продовольственных станций для странствующих рабочих; 5) функционирование домов трудолюбия, мастерских и других мелких учреждений трудовой помощи¹³⁰. Откликнулся он и на публикацию И.С. Войтинского «Стачка и рабочий договор по русскому праву» (СПб., 1911). Голубев в рецензии подчеркнул, что эта работа включает в себе разработку двух важнейших как в практическом, так и теоретическом отношении вопросов фабрично-заводского права: о прекращении рабочего договора из-за стачки и о заработной плате за время забастовки для не участвовавших в ней рабочих. Голубев отметил, что Войтинский строит свои выводы как на анализе отечественного права, так и западноевропейского права, в которое он совершал обширные экскурсии. Очевидна солидарность ярославского ученого со сделанными в работе выводами о том, что стачка влечет только временное приостановление исполнения договора, а стачечник не может быть уволен работодателем до истечения двух недель неявки на работу. Рабочие, не участвовавшие в стачке, не могут быть уволены по причине стачки, а равно не могут быть лишены и оплаты за забастовочное время, в которое они не имели возможности работать¹³¹.

Преданность науке и работоспособность Николая Николаевича были удивительными. Он так и не создал семьи, а весь распорядок жизни подчинил своему научному творчеству. В Ярославском государственном университете он бессменно возглавлял кафедру публичного (затем административного) права, но карьерного роста не добивался, предпочитая педагогическую и исследовательскую работу. Он мало занимался общественной деятельностью, никогда не состоял в политических партиях, сторонился светских мероприятий. Впрочем, при советской власти он публиковался крайне редко¹³². Помимо курса международного права, в советский период он читал большое количество спецкур-

---

¹³⁰ Юридическая библиография. 1911. № 4. С. 170.

¹³¹ Там же. № 5. С. 202.

¹³² См., например: Голубев Н.Н. Новые задачи современной науки международного права // Право и жизнь. 1922. № 3. С. 36-44.

сов: «Социальное право», «Распределение рабочей силы», «Трудовая повинность в социалистическом обществе», «Социальное законодательство о труде и социальное обеспечение»¹³³. Но он рассматривал преимущественно административную сторону проблемы и деятельность государственных органов. Публикацию его лекций нам обнаружить не удалось. Можно считать, что Н.Н. Голубев был одним из пионеров в преподавании курса публичного трудового права в советской высшей школе. Примечательно, что уже в первых своих публикациях по международному праву он обращал внимание на международные конгрессы и конференции, связанные с охраной труда¹³⁴.

Перед приостановлением деятельности Ярославского государственного университета в 1924 г. его руководство ходатайствовало о назначении Голубеву пожизненной пенсии в размере полного оклада содержания штатного профессора с 25-летней преподавательской деятельностью. Дальнейшую судьбу ученого по документам нам проследить не удалось. По некоторым данным, он умер в 30-х гг. в крайней нужде в Ярославле.

---

¹³³ ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 34-35, 47, 88-91.

¹³⁴ См.: Голубев Н.Н. Международные конгрессы и конференции. Очерки теории и практики. Ярославль, 1905; Он же. Заметки о некоторых вопросах международного права. Б.м., Б.г. и др.

---

7. Трудовое право и уголовное право: жизнь и научное наследие Н.Н. Полянского и В.Н. Ширяева

Мы не обладаем твердым и четким представлением об истинном праве и подлинном правосудии, мы довольствуемся тенью и призраками.

Цицерон

Традиции преподавания уголовного права в Демидовском юридическом лицее были заложены и развиты Н.Д. Сергеевским (1849 – 1848), М.В. Духовским, Д.Г. Тальбергом, Л.С. Белогриц-Котляревским (1855 – 1908), А.А. Пионтковским (1862 – 1915), Г.С. Фельдштейном (1868 – ?), А.К. Вульффертом, М.П. Чубинским и др. Последними преподавателями уголовного права в лицее и одновременно первыми преподавателями этой дисциплины в Ярославском государственном университете стали Н.Н. Полянский и В.Н. Ширяев. Все преподаватели, кроме М.В. Духовского, А.А. Пионтковского и М.П. Чубинского, принадлежали к классической школе уголовного права, а трое вышеназванных – к социологическому направлению юридической науки. Независимо от этого для большинства из них был характерен интерес к социальной стороне криминалистики, к общественным феноменам, порождающим преступность и влияющим на нее. В этой связи глубоко символично, что именно в научном творчестве последних представителей ярославской школы уголовного права рубежа XIX – XX в. с наибольшей силой проявился интерес к проблематике, связанной с трудово-правовой.

Труды Н.Н. Полянского и В.Н. Ширяева обоснованно вошли в "золотой фонд" отечественной криминалистики. Для них характерны лучшие черты дореволюционных исследований: широкое

привлечение исторического материала, а также материалов других гуманитарных наук, глубокая теоретическая проработка, активное использование иностранного законодательства и литературы. Их авторы, Полянский и Ширяев, также имеют некоторое сходство в вехах своего жизненного пути. У них была небольшая разница в возрасте, они принадлежали к одной классической школе уголовного права, активно участвовали в общественной жизни, преподавали на кафедре уголовного права Демидовского юридического лицея и вошли в число первых профессоров Ярославского государственного университета, возглавляли в разное время деканат юридического отделения факультета общественных наук (ФОН). Конечно, достаточно было и различий. Так, Ширяев был активным деятелем партии кадетов, а Полянский – марксистом в его умеренной социал-демократической версии. Одно время эти ученые были конкурентами на занятие кафедры уголовного права лицея. В конечном итоге Ширяев стал последним директором лицея и первым ректором университета, а Полянский в карьерном росте остановился на уровне декана. Вместе с тем их объединяет интерес к проблемам правового регулирования труда. У Полянского он был выражен достаточно ярко и был связан с системой его идеологических ценностей, а Ширяев обращался к данной проблеме в основном опосредованно, так как был одним из редких в дореволюционной России специалистов по должностным преступлениям. Немаловажно и то, что эти ученые вели очную дискуссию о правовой природе права на коалицию и забастовку и уголовно-правовом аспекте данной проблемы.

Михаил Васильевич Духовский (1850 – 1903) заложил основы гуманистического направления ярославской криминалистической школы. Среднее образование он получил в Нижегородском дворянском институте, а высшее юридическое образование – в Московском университете в 1870 г. Почти сразу же он был приглашен в Демидовский юридический лицей, а после защиты магистерской диссертации в 1873 г. занял кафедру уголовного права и судопроизводства. Преподавательскую деятельность он совмещал с активной практической и общественной деятельностью. Кипучая энергия привела его сначала в коллегиию адвока-

тов, а затем в члены Московской губернской земской управы. После защиты докторской диссертации в 1891 г. он стал профессором Московского университета. Этот ученый замечателен прежде всего тем, что заложил основы социологического направления в уголовном праве, обратившись к его пониманию в широком смысле даже раньше, чем его европейские коллеги. Первые подходы к социологическому направлению были намечены в период его работы в лицее¹³⁵. Несмотря на то что впоследствии большинство ярославских криминалистов придерживались другого научного направления, гуманизм и широта подходов М.В. Духовского к проблемам уголовного права оказали на них определенное влияние.

Преемником М.В. Духовского на кафедре уголовного права лицея стал *Дмитрий Германович Тальберг (1853 – 1891)*. Он был выпускником Киевского университета 1874 г., который он окончил со степенью кандидата и золотой медалью за выпускное сочинение. После сдачи магистерского экзамена и защиты магистерской диссертации в 1880 г. его назначили приват-доцентом Демидовского юридического лицея. Впрочем, в 1884 г. он возвращается в Киевский университет, где вскоре заменяет своего учителя А.Ф. Кистяковского на кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства. В 1887 г. он защищает докторскую диссертацию и до конца своих дней остается профессором в родном университете. Д.Г. Тальберг был идеалистом и сторонником мирного и легального развития общества. Его идеи о мирном и бесконфликтном развитии, ненаказуемости легальных действий общественных организаций можно считать одной из отправных точек будущей концепции социального партнерства¹³⁶.

Николай Николаевич Полянский (1878 – 1961) родился 6 апреля 1878 г. в станице Усть-Медведицкой на Дону в семье интеллигентов. Его отец был присяжным поверенным, а мать – учительницей музыки. После получения среднего образования в

---

¹³⁵ См.: Духовский М.В. Задачи науки уголовного права. Ярославль, 1872.

¹³⁶ См.: Тальберг Д.Г. Несменяемость судей во Франции. Ярославль, 1883; Он же. К вопросу о наказаниях. Ярославль, 1884; Он же. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс. Киев, 1888 и др.

Московской гимназии (1896 г.) он поступает на юридический факультет Московского университета и оканчивает его в 1900 г. с дипломом первой степени¹³⁷. Среди его университетских учителей было немало поклонников экономического учения К. Маркса, в том числе Н.А. Каблуков, лично знакомый с немецким теоретиком, а также И.Х. Озеров и И.Т. Тарасов. На кафедре гражданского права в то время блистал будущий министр народного просвещения Л.А. Кассо, а уголовное право начал преподавать молодой приват-доцент С.В. Познышев, ставший впоследствии научным и политическим оппонентом Полянского. В 1900 г. вышла первая научная публикация Николая Николаевича в «Судебной газете», и одновременно он начал готовить большую работу о французском криминалисте и социологе Г. Тарде¹³⁸. Научное творчество этого французского ученого оказало определенное влияние на его российского коллегу. Это касается, в частности, широкого социологического подхода к проблемам уголовного права и активного применения понятия «класс».

В 1901 г. Полянский был оставлен на два года на кафедре уголовного права Московского университета для подготовки к профессорскому званию, а позднее этот срок был продлен еще на два года. После сдачи магистерского экзамена в октябре 1904 г. он назначается приват-доцентом по кафедре уголовного права Московского университета, а с начала 1905 г. командировается на два года за границу, в основном во Францию и Германию. В мае того же года он принимается присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Еще со студенческой скамьи Полянский являлся сторонником экономического учения К. Маркса и во многом из-за этого избрал основным направлением исследования правовую регламентацию стачек и забастовок, а также вопросы коалиционной свободы. Отметим, что организация незаконных стачек в России дореволюционного периода оставалась уголовно наказуемым деянием. Несогласие с такой постановкой вопроса стало для По-

---

¹³⁷ Филиал ГАЯО – ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 3209 (личное дело Н.Н. Полянского).

¹³⁸ См.: Полянский Н.Н. Тард как криминалист // Русская мысль. 1905. № 12.

лянского первым импульсом для обращения к данной теме. Он был хорошо знаком с работами ведущих специалистов по правовому регулированию трудовых отношений, в том числе Ф. Лотмара, П. Пика, Л.С. Таля¹³⁹. С 1905 г. он начал публиковать целый цикл статей, посвященных свободе промышленных коалиций, праву на забастовку и коллективным договорам¹⁴⁰. Ученый не только выступал решительным сторонником легализации права на забастовку и отмены уголовной ответственности за нее, но и связывал этот вопрос с политикой. Он прямо говорил о том, что «Промышленная демократия совместима лишь с политической демократией»¹⁴¹. Эту идею он развивал и в дальнейшем. Полянский четко разграничивал понятия стачки и забастовки. По его мнению, стачка (коалиция) – это соглашение рабочих или предпринимателей, имеющее целью изменить условия труда или, наоборот, воспрепятствовать их изменению. Последствием стачки может быть забастовка, но может и не быть¹⁴². При этом забастовка без коалиции невозможна.

Итогом его пятилетних изысканий стала магистерская диссертация, представленная к защите в 1907 г. и тогда же опубликованная в виде книги¹⁴³. Ученый утверждал, что из всех свобод одной из самых важных для рабочего класса является свобода коалиций. Эту проблему он рассматривал в трех аспектах: историческом, социологическом и догматическом. В своих работах он анализировал не только теорию коалиций, но и положительное законодательство о рабочих коалициях, преимущественно Франции, Англии, Германии и России. При этом существенное место было уделено истории вопроса. Свою точку зрения исследователь

---

¹³⁹ Полянский Н.Н. Русское уголовное законодательство о стачках и другие статьи по уголовному праву. М., 1912. С. 1-130.

¹⁴⁰ См.: Он же. Забастовки в государственных и общественных предприятиях // Право. 1905. № 42. С. 3454-3461; Он же. Ограничение свободы коалиции в Англии // Там же. 1906. № 24. С. 2107-2116; № 25. С. 2218-2225.

¹⁴¹ Полянский Н.Н. Проблемы свободы коалиции во Франции // Там же. 1905. № 47. С. 3782-3787.

¹⁴² См.: Полянский Н.Н. Свобода стачек. История завоевания коалиционной свободы во Франции. М., 1906. С. 5.

¹⁴³ Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907.

сформулировал в двух основных положениях: 1) уголовное законодательство не должно содержать в себе никаких специальных ограничений свободы коалиций; 2) уголовное законодательство должно взять свободу коалиций под свою охрану. Примечательно, что Полянский рассматривал право коалиций как «право групп». Оно представляет собой, по его мнению, не сумму прав, принадлежащих отдельным лицам, а самостоятельное право, осуществляемое группами лиц, связанных между собой общностью экономического положения. Он, по сути, обосновал выделение коллективных трудовых прав, связав их с правом на коалицию, правом на забастовку и правом на заключение коллективного договора. Эта диссертация Н.Н. Полянского была отвергнута советом, хотя вызвала как положительные, так и отрицательные отзывы¹⁴⁴. Главные замечания сводились к тому, что автор увлекся исторической и описательной частью, а для установления природы рабочего договора обратился не к положительному праву, а к учению К. Маркса, откуда взял сравнение трудового договора с договором купли-продажи. Достаточно критично в своих отзывах на диссертацию откликнулись преподаватели Демидовского юридического лица Р.М. Орженцкий, о чем уже было сказано, а также В.Н. Ширяев, о чем будет сказано далее.

После некоторой доработки в 1909 г. Полянский представил новую магистерскую диссертацию в Ученый совет Московского университета, успешно защитил ее и в начале 1910 г. был утвержден в ученой степени магистра. В эту диссертацию были включены четыре главы из предыдущего исследования, но в переработанном и дополненном виде. Новыми являлись только введение и пятая глава, посвященная догматическому анализу русского законодательства о стачках. По-прежнему большая часть работы посвящалась истории уголовного законодательства о коалициях, но диссертация приобрела характер историко-догматического исследования. Полянский указывал, что термин «коалиция» употребляется в самых разнообразных смыслах (военно-дипломатическом, парламентском, юридическом), но он остановил свое внимание исключительно на промышленных коалициях, и глав-

---

¹⁴⁴ См.: Право. 1907. № 28. С. 1964; Критическое обозрение. 1908. Вып. 5. С. 76 и др.

ным образом коалициях рабочих. Автор подчеркивал, что коалиция заключает в себе известную опасность для общественных интересов и стеснение индивидуальных свобод, и на этой почве может возникнуть два вида деяний, имеющих уголовно-правовой характер. С одной стороны, некоторые приемы коалиционной деятельности могут быть объявлены преступными, с другой стороны, может быть объявлено преступным принуждение к участию в коалициях. В российском праве был добавлен еще и третий коалиционный деликт – повреждение имущества участниками коалиции. Он определял коалицию как основанное на соглашении соединение лиц для достижения одной и той же цели, а промышленную коалицию – как соединение известного числа рабочих или известного числа предпринимателей для защиты их общих интересов. Субъектами коалиции выступали рабочие (служащие) и работодатели, а профсоюзы представляли собой разновидность коалиции¹⁴⁵. Вместе с тем, в отличие от профсоюзов, коалиции являются в большинстве случаев кратковременным соединением, созданным с определенной целью – оказать влияние на условия труда. Основное внимание было обращено на такую форму коалиционной деятельности, как забастовка. В исторической части работы Полянский четко показал различие борьбы за коалиционную свободу рабочих во Франции, Германии и Англии. Во Франции стремление рабочих к коалиционной свободе часто сливалось с широким стремлением к свободе вообще. Следствием этого стало широкое распространение прямых столкновений с силами правительства и бои на баррикадах. В Англии борьба за коалиционную свободу велась преимущественно профессиональными организациями, замыкавшимися в узкую сферу профессиональных интересов и чуждавшимися политической деятельностью. В Германии борьба за свободу коалиции началась значительно позднее других стран и велась главным образом парламентским путем. Говоря об истории законодательства о коалициях в России, автор заметил, что законы против стачек появились у нас раньше, чем произошла первая стачка. Первым законом, предусматривавшим наказуемость стачек, яви-

---

¹⁴⁵ См.: Полянский Н.Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. М., 1909. С. 1-17.

лось Уложение о наказаниях 1845 г. (ст. 1792), тогда как первое применение его в судебном порядке имело место только в 1870 г.

Существенный интерес представляет пятая глава диссертации, посвященная догматическому анализу российского законодательства о стачках. Она включала в себя четыре части: наказуемые забастовки; подстрекательство и возбуждение к забастовке; повреждение имущества участниками забастовки; принуждение к забастовке. Примечательно, что, давая толкование «рабочего» как возможного субъекта забастовки, он делал это в широком смысле «служащего вообще», т.е. любого наемного работника. Полянский отрицал наказуемость не только законных забастовок, преследующих законную цель «принудить предпринимателя к повышению заработной платы до истечения срока найма или к изменению других условий найма до истечения срока», но и забастовок, преследующих всякую иную цель, забастовок оборонительных и др.

Рассматриваемая публикация Н.Н. Полянского вызвала немало сочувственных отзывов, в том числе бывшего директора Демидовского юридического лица М.П. Чубинского и приват-доцента П.И. Люблинского¹⁴⁶. В целом позитивную, но неоднозначную рецензию написал В.Н. Ширяев. Довольно жесткую критику диссертации дал коллега Полянского по Московскому университету С.В. Познышев (1870 – 1942), один из лучших теоретиков уголовного права своего времени, но человек достаточно консервативных взглядов. Он отмечал, что историческая часть работы написана хорошо, оставляет благоприятное впечатление и читается с интересом. Догматическая часть работы была подвергнута жесткой критике, в том числе за слишком широкое определение коалиции, за отсутствие дефиниции понятия «коалиционный деликт» и исследования его признаков, за расплывчатость категорий «коалиционная свобода», за увлечение комментариями действующего законодательства¹⁴⁷. В этом было рациональное зерно, но в целом это был излишне критический подход к новаторскому исследованию на стыке уголовного и нарождав-

---

¹⁴⁶ См.: Критическое обозрение. 1909. Вып. 6; Право. 1910. № 4.

¹⁴⁷ См.: Познышев С.В. Разбор сочинения Н.Н. Полянского // Учен. зап. лица в Память Цесаревича Николая. 1910. Вып. 4. С. 1-17.

шегося трудового права. Некоторые упреки, например, в том, что Полянский не разделяет рабочих и служащих как субъектов права на забастовку, вытекают из незнания Познышевым сути проблемы и учения о трудовом договоре. Между тем дискуссия ученых была достаточно корректной и не носила характера политических нападок¹⁴⁸.

Исследование Н.Н. Полянским природы рабочего (трудового) договора имело новаторский характер. В частности, он проводил разграничение между рабочим договором и договором товарищества по двум критериям: правовому и экономическому. По правовому критерию различие заключалось в следующем: 1) работодатель платит рабочему за труд, в то время как в договоре товарищества такой признак отсутствует; 2) различны цели у сторон рабочего договора и договора товарищества и их отдельное имущество; 3) эти договоры имеют различную правовую регламентацию. Экономический критерий разграничения Полянскому виделся в том, что рабочий и предприниматель имеют противоположные экономические интересы. Он дискутировал с известными учеными Ж. Сорелем и А. Менгером и пришел к выводу в духе работ К. Маркса: рабочий договор стоит ближе всего к договору купли-продажи и рабочая сила – товар, имеющий рыночную цену, – является фактором производства. Утверждение немецкого ученого Ф. Лотмара о неотделимости рабочей силы от человека, в связи с чем ее нельзя продать как имущество, Полянскому было знакомо, но его не убеждало. Вывод российского ученого заключался в том, что интересы рабочих и работодателей противоположны, причем последние являются экономически более сильной стороной. Из этого следует, что рабочим должно быть предоставлено право на коалицию и коллективную борьбу за свои права¹⁴⁹.

В середине 1910 г. Н.Н. Полянский командирован на 2 года за границу для продолжения научных исследований. В этот период Н.Н. Полянский обосновывал право рабочих на коалицию и проведение стачек и с точки зрения экономической целесообразности

---

¹⁴⁸ См.: Полянский Н.Н. Ответ проф. Познышеву // Вестник права и нотариата. 1910. № 9.

¹⁴⁹ См.: Полянский Н.Н. Право коалиций и природа рабочего договора // Право. 1906. № 49. С. 3837-3845.

ности¹⁵⁰. В феврале 1911 г. он складывает с себя обязанности приват-доцента Московского университета в числе около 130 преподавателей, покинувших его стены в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо. Его оппонент С.В. Познышев не только остался в университете, но и занял кафедру уголовного права. Впрочем, полностью от преподавания Полянский не отошел. С 1910 г. он был профессором, затем деканом юридического факультета Высших женских юридических и историко-филологических курсов им. Полторацкой, в 1909 – 1918 гг. преподавал в Народном университете им. Шанявского, а в 1914 – 1916 гг. – на женских педагогических курсах в Москве. В 1912 – 1913 гг. он работал участковым мировым судьей, а в сентябре 1913 г. избирается профессором по кафедре права Московского сельскохозяйственного института. В этой должности он не был утвержден министром земледелия А.В. Кривошеиным. Столь интенсивная преподавательская работа была следствием не только темперамента Полянского, но и отражала потребность в материальных средствах.

В 1916 г. Полянский приглашается на кафедру уголовного права и процесса Демидовского юридического лицея, преподавание в котором продолжилось до его закрытия и возобновилось в Ярославском университете в 1918 – 1921 гг. В начале 1919 г. вместе с семьей он переезжает в Ярославль и избирается председателем деканата (деканом) факультета общественных наук (ФОН), а также и деканом юридического отделения ФОН. Февральскую революцию он встретил с энтузиазмом, видя в ней торжество права, путь к подлинному народовластию, коалиционной свободе и политической демократии¹⁵¹. Октябрьские события 1917 г. первоначально также были восприняты им позитивно, подвигли маститого юриста на исследования в области социалистической теории¹⁵². Однако достаточно быстро он убедился, что революция – не торжество права, а пир политической целесообразности, зачастую

---

¹⁵⁰ См.: Полянский Н.Н. Право стачек // Сборник прогрессивного слова. СПб., 1910. С. 1-41; Он же. По поводу проекта отмены наказаний за самовольный отказ от работы // Вестник нотариата. 1910. № 51.

¹⁵¹ Полянский Н.Н. Революция – торжество права. М., 1917.

¹⁵² Полянский Н.Н. Народнический социализм. М., 1918.

принимавший облик полного бесправия. Но ученый продолжал принимать активное участие в общественной жизни, выступил одним из главных организаторов просветительской работы на селе. Он безвозмездно выступал с лекциями в крестьянских кооперативах и сельских клубах. При этом он не только доступно излагал сложные правовые вопросы, но и оказывал крестьянам практическую юридическую помощь. Ученый возглавлял культурно-просветительный отдел Ярославского сельскохозяйственного и кредитного союза кооперативов, занимался подготовкой и изданием популярной сельскохозяйственной литературы, организацией лекций¹⁵³. В сентябре 1919 г. Полянский одновременно начинает вести занятия в 1-м МГУ, в 1920 г. оставляет руководящую работу в Ярославском университете и переезжает обратно в Москву. В конце 1921 г. из-за чрезвычайной загруженности он полностью прекращает преподавательскую работу в Ярославле.

Традиционно получалось так, что Николай Николаевич всегда в чем-то отличался от основной массы ученых: по вероисповеданию он был евангелист-лютеранин, по убеждениям – умеренный марксист, а его научный интерес к проблемам правового регулирования труда всегда вызывал вопросы у его коллег-криминалистов. В советский период он сохранил свою индивидуальность и не был похож на классических советских юристов. В 20-е гг. он опубликовал ряд статей о выдающихся юристах И.А. Покровском и А.Ф. Кони, с которыми был знаком лично, а с последним даже состоял в переписке. Но писать о праве на забастовку и некую коалицию вне официальных профсоюзов стало сначала не актуальным, а затем просто опасным. Впрочем, по отдельным проблемам трудового права Полянский высказывался в официальной печати¹⁵⁴. В качестве своеобразной превентивной меры известный ученый в 1925 г. был отправлен профессором в Среднеазиатский госуниверситет в Ташкент, а в 1928 г. – в Азербайджанский госуниверситет в Баку. Кончилось это, по сути, почетной отставкой в 1930 г. и назначением ученым консультантом

---

¹⁵³ См.: Полянский Н.Н. Идея и идеал кооперации. Общее образование и кооперативная работа. Ярославль, 1920.

¹⁵⁴ Полянский Н.Н. Дисциплинарная ответственность служащих трестов // Вопросы труда. 1924. № 11.

в библиографический отдел Публичной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве. «Чистки» конца 20 – начала 30-х гг. привели к изгнанию из вузов и научно-исследовательских учреждений сотен известных ученых-юристов, а в 1931 г. юридические факультеты университетов преобразуются в узкопрофильные юридические институты. «Чистки» новых советских преподавателей начались в этих институтах уже с 1932 г. Следствием этого стало то, что подавляющая часть новой юридической «красной профессуры» могла в лучшем случае комментировать текущее законодательство и перетолковывать цитаты классиков марксизма-ленинизма в духе «линии партии». В этих условиях в 1933 г. Полянский приглашается научным сотрудником Института уголовной политики при Прокуратуре СССР (затем Всесоюзный институт юридических наук при НКЮ СССР). В этот институт почти одновременно были приглашены многие корифеи юриспруденции дореволюционной школы, которые ранее оказались не у дел. Это М.М. Агарков, Д.М. Генкин, В.Н. Дурденевский, М.В. Земелев, Л.А. Лунц и др. Данному обстоятельству способствовала как политика руководства института, так и в какой-то мере покровительство будущего всесильного Прокурора СССР А.Я. Вышинского, оставленного в свое время для подготовки к профессорскому званию при кафедре уголовного права Киевского университета.

Таким образом, Н.Н. Полянский снова оказался востребованным. В 1936 г. ему присваивается ученая степень доктора государственного права и правовых наук, а в 1938 г. он переходит в Институт права АН СССР, где заведует сектором судебного права. В 1943 г. Полянский возобновляет преподавательскую работу на вновь открытом юридическом факультете МГУ, а в 1943 и 1944 гг. награждается двумя орденами Трудового Красного Знамени. В 1946 г. он становится Заслуженным деятелем науки РСФСР и удостоивается пышного официального празднования 70-летнего юбилея¹⁵⁵. Начав свою учебную и научную деятельность как специалист по уголовному праву, он впоследствии занимался преимущественно проблемами уголовного процесса. Его научный оппонент С.В. Познышев в советский период ни в од-

---

¹⁵⁵ См.: Николай Николаевич Полянский. К семидесятилетию со дня рождения (1878 – 1948). Библиографический указатель трудов. М., 1948.

ном вузе или НИИ не работал, сразу заявив, что он не только не марксист, но и никогда им не будет. Впрочем, его научное забвение помогло ему пережить период репрессий.

Как нам кажется, Н.Н. Полянского можно отнести к числу первых российских ученых-трудоуиков, условно говоря, широко-го профиля. Он не только имел свыше 20 публикаций по трудов-правовой проблематике, но и затронул в своих работах целый спектр актуальных и ныне проблем, таких как правовая регла-ментация коллективных действий работников (стачки, забастов-ки) и право коалиции; коллективных договоров, правовая приро-да трудового договора. Но осознание его вклада в развитие науки трудового права начинает происходить только сейчас.

Валерьян Николаевич Ширяев (1872 – 1937). Его личность примечательна прежде всего тем, что он стал первым выпускни-ком Демидовского юридического лица, возглавившим свой род-ной вуз. Более того, он был не только последним директором Де-мидовского юридического лица, но и первым ректором Яросла-вского госуниверситета. Его сложно отнести к ученым-трудоуи-кам, но он активно занимался проблемами дисциплинарной от-ветственности служащих, а также должностными преступлени-ями. В этой связи его работы в некоторой части пересекались с трудов-правовой проблематикой.

В.Н. Ширяев родился 15 апреля 1872 г., окончил Яросла-вскую классическую гимназию в 1891 г. Затем он поступил в Де-мидовский юридический лицей, обучение в котором окончил в 1895 г. со степенью кандидата наук и серебряной медалью за вы-пускное сочинение¹⁵⁶. Ширяев принадлежал к классической шко-ле уголовного права, представители которой видели задачу своей науки в разработке догм права. К этой школе принадлежал и его лицейский учитель А.К. Вульфферт. После получения диплома Ширяев был зачислен вольнослушателем на юридический фа-культет Петербургского университета, где он прослушал ряд спецкурсов и начал научную работу под руководством профессо-ров Н.Д. Сергеевского и И.Я. Фойницкого. Это были на тот мо-мент ведущие российские криминалисты, а первый из них в про-

---

¹⁵⁶ Филиал ГАЯО – ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 4772 (личное дело В.Н. Ширяева).

шлом являлся лицейским профессором. В 1899 г. Валерьян Николаевич командируется за границу с научной целью, а по возвращении в 1902 г. выдерживает магистерский экзамен по уголовному праву в Харьковском университете. Его достаточно поздний переход на кафедру уголовного права лицея был связан с тем, что ее долгие годы занимал видный криминалист Г.С. Фельдштейн. С 1904 г. Ширяев утверждается приват-доцентом по кафедре истории русского права Демидовского юридического лицея. В 1910 г. он защищает в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Религиозные преступления. Историко-догматические очерки» (опубликована в Ярославле в 1909 г.). После этого он утверждается экстраординарным профессором по кафедре истории русского права, а в 1912 г. – по кафедре уголовного права и судопроизводства. Примечательно, что даже в отношении тюремного труда он был противником ночных работ, работ в воскресные и праздничные дни, сверхсменных и сверхурочных работ. Он приветствовал отмену ссылки и возражал против того, чтобы труд был дополнительным наказанием для лиц, содержащихся в местах лишения свободы¹⁵⁷.

В.Н. Ширяев живо откликнулся на публикации Н.Н. Полянского, посвященные стачкам и забастовкам в контексте уголовного законодательства. Его рецензии можно считать изложением взглядов ярославского ученого на данную проблему. В отношении книги Н.Н. Полянского «Стачки рабочих и уголовный закон» (СПб., 1907) он отмечал довольно существенный перечень недоработок. По мнению Ширяева, автору следовало бы обосновать само право на коалицию, выяснить его правовую сущность и установить границы этого права. Он резонно предполагал, что необходимы доказательства важности этого права не только для одного рабочего класса, как это сделал Полянский, но и для всего общества. Кроме того, отмечалась важность выявления возможных нарушений и злоупотреблений правом свободы коалиций. Ширяев подчеркнул, что полных и удовлетворительных ответов на эти вопросы в рецензируемой книге не имеется. Он высказал сомнение в том, что широкая свобода забастовок не должна быть

---

¹⁵⁷ См.: Ширяев В.Н. Постановка вопроса о тюремном труде на Первом съезде тюремных деятелей // Право. 1902. № 16. С. 821-827.

ничем ограничена, а обязательный арбитраж может убить право на забастовку. В.Н. Ширяев не без иронии ставит вопрос: если право на коалицию должно быть поставлено под особую уголовно-правовую охрану, то как должен относиться законодатель к случаям нарушения этого права со стороны самих рабочих, отколовшихся от коалиции и перешедших на сторону предпринимателя, тем самым причинивших вред рабочему классу?¹⁵⁸

В рецензии на переработанную книгу Н.Н. Полянского «Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного закона» (М., 1909) В.Н. Ширяев обратил внимание на многие ее позитивные стороны. Он отметил, что в связи с добавлением главы, посвященной догматическому анализу русского законодательства о коалициях, все исследование в полном объеме приобрело характер историко-догматического исследования. Особенно позитивно была оценена историко-правовая часть исследования, составляющая большую часть работы. В рецензии дается анализ предложенных автором дефиниций «рабочего», «коалиционного деликта» и их видов, трактовки Н.Н. Полянским отдельных статей Уложения о наказаниях. Отмечено, что в работе имеются промахи методологического характера, в том числе отсутствие освещения в должной мере вопросов особенной части уголовного права и применения к ним начал общей части и более общих начал особенной части, относящихся к той же категории преступных деяний. При этом Ширяев призывает встать на точку зрения, согласно которой работу следует оценивать не по тому, чтобы в нее было желательно добавить, а по тому, что в ней действительно дано автором. В этой связи он признает, что работа Полянского является трудом, заключающим разработку обширного материала и представляющим значительный интерес как для теоретиков, так и для практиков. При этом работа не свободна от спорных и даже неправильных положений, на которые Ширяев специально обращает внимание¹⁵⁹.

---

¹⁵⁸ См.: Юридическая библиография. 1907. № 3. С. 16-19.

¹⁵⁹ См.: Ширяев В. – Рец. на кн.: Полянский Н.Н. Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного закона. М., 1909 // Юридическая библиография. 1910. № 5. С. 194-197.

В силу специфики своих работ по уголовному праву В.Н. Ширяев обращался к таким категориям, как «служебные (трудовые) обязанности», «дисциплинарный проступок» и его отличие от должностного преступления¹⁶⁰. Долгие годы преподавания на кафедре истории русского права способствовали тому, что он стал компетентным специалистом как по истории права, так и по общим проблемам истории¹⁶¹. Он принимал участие в организации архивного дела в губернии, занимался краеведческими исследованиями.

В.Н. Ширяев принимал активное участие в общественной жизни еще со студенческой скамьи. В 1906 г. он возглавил губернский отдел партии кадетов и являлся одним из самых ярких политических лидеров губернского масштаба. Одновременно он был гласным Ярославской городской думы, на одном из заседаний которой выступил с требованием публичного обвинения городского головы И.А. Вахромеева, тайно выделившего средства на содержание в Ярославле усмирительной казачьей сотни в годы первой русской революции. При этом Ширяев продолжал активно заниматься научной работой. В 1916 г. кафедру уголовного права занял Н.Н. Полянский, а Ширяев был избран профессором по кафедре уголовного права и судопроизводства Казанского университета. В следующем году он защитил докторскую диссертацию в Юрьевском (Дерптском) университете и вернулся обратно в Ярославль. Наконец, после возвращения в лицей В.Н. Ширяев избирается его директором и остается таковым вплоть до преобразования лицея в университет.

В.Н. Ширяева отличали независимость суждений и взвешенность действий, сочетание требовательности с уважительным отношением и безупречной корректностью. Он пользовался не только уважением, но и любовью сотрудников вуза. С началом

---

¹⁶⁰ См.: Ширяев В.Н. Уголовная ответственность врачей. СПб., 1904; Он же. Об юридической природе должностных преступлений (доктрина должностных преступлений) // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 3. С. 1-51; Он же. Участие частных лиц в должностных преступлениях // Там же. 1915. № 3. С. 28-48; Он же. Взятничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.

¹⁶¹ См.: Ширяев В.Н. Историческое изучение права. Ярославль, 1905.

деятельности осенью 1918 г. Ярославского госуниверситета Ширяев возглавляет его, хотя выборов ректора не проводилось. Но персонал бывшего лицея, составивший костяк нового университета, резонно видел в прежнем директоре и нового руководителя. По сути, он возглавлял Ярославский госуниверситет в течение всего организационного периода, вплоть до выборов ректора. При этом свою кандидатуру Ширяев выставлять не собирался, но в феврале 1920 г. с его согласия он все-таки избирается Советом ректором Ярославского госуниверситета. Такая настороженная позиция ученого была вызвана отношением новой власти как к университетскому образованию, так и к нему лично. Начнем с того, что местные партийные и советские власти демонстративно не занимались проблемами университета, а только мешали работать его руководству. Как он писал впоследствии, на все вопросы от губернского руководства был один ответ: «окрики и распоряжения выйти вон». В дни ярославского мятежа летом 1918 г. здание лицея сгорело, а с новым были постоянные проблемы и переезды. К тому же центральное советское правительство решительно намеревалось ликвидировать старое юридическое образование, что вызывало неприятие и протест ректора¹⁶². Объявление в декабре 1917 г. кадетской партии «партией врагов народа» также плохо отразилось на отношении новой власти лично к Ширяеву, бывшему руководителем губернской кадетской организации. В декабре 1918 г. органы ВЧК арестовали его якобы за составление списка большевиков, которых должны были арестовать мятежники в июле 1918 г. Скорее всего, арест был чекистской провокацией, так как Ширяева в дни мятежа в городе не было, а инициалы авторы злосчастной записки не совпадали с его инициалами. Был здесь и «коммерческий элемент», так как при обыске на его квартире были конфискованы деньги и вещи более чем на 14 тыс. рублей, а вернуть их отказались. В итоге после двух дней ареста Ширяева отпустили, но вместо вещей, в том числе серебряной медали за дипломное сочинение, обещали вернуть только 1,5 тыс. рублей. Ширяев на этом не успокоился и обращался с жалобами в

---

¹⁶² См.: Ширяев В.Н. Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918 – 1919. Ярославль, 1920. С. 1-19.

центральный аппарат ВЧК, в местные и центральные органы власти. В итоге ему объяснили, что он должен быть рад тому, что его оставили живым и дали хоть какие-то деньги в компенсацию пропавшего имущества.

В.Н. Ширяев самоотверженно продолжал работать вплоть до приостановки деятельности университета. Одновременно с конца 1921 г. он возглавляет деканат юридического отделения ФОН, а с 1922 г. преподает на Ярославских областных юридических курсах. После приостановки работы университета он вместе с профессором В.Г. Щегловым переходит в Белорусский государственный университет. Отметим, что его и ранее неоднократно приглашали в другие вузы. В Минске, освободившись от огромного объема административной работы, он активно занялся научной и педагогической деятельностью, подготовил целый цикл публикаций по уголовному праву и процессу. Рассматривал он и проблемы дисциплинарной ответственности служащих¹⁶³, что шло в рамках формирующейся отрасли трудового права. Все свои работы он регулярно высылал в библиотеку Ярославского педагогического института, с руководством которого некоторое время состоял в переписке. Но прошлое члена кадетской партии и «буржуазного специалиста» во многом предопределило дальнейший ход событий, подробности которых нам достоверно неизвестны. Нам не встречались публикации Ширяева, изданные в 30-х гг., которых, вероятно, и не было. Закончилось все арестом известного ученого и его гибелью в 1937 г.

---

¹⁶³ См.: Ширяев В.Н. Дисциплинарная ответственность служащих. М., 1926.

---

8. Школа и ее воспитанники: жизнь и научное наследие А.М. Стопани и В.А. Гагена

Простой учитель – учит, хороший – объясняет, большой учитель – показывает, великий Учитель – вдохновляет!

Педагогическая мудрость

О каждой школе можно судить в значительной степени по ее воспитанникам. Если говорить в целом, то известными учеными и ординарными профессорами стали такие выпускники Демидовского юридического лицея, как цивилисты Л.Н. Казанцев, А.В. Удинцев, административисты В.А. Гаген и И.Я. Гурлянд, криминалист В.Н. Ширяев. О двух последних речь уже шла, а о В.А. Гагене пойдет в дальнейшем. Отметим, что он был еще и деканом юридического факультета Варшавского университета, а А.В. Удинцев – деканом юридического факультета Киевского университета. О руководящей работе В.Н. Ширяева уже говорилось. Приват-доцентами в лицее являлись его выпускники П.Ф. Беседкин, А.Е. Менервин и С.П. Покровский. Многие выпускники лицея на практике или в теории имели дело с правовым регулированием труда, выступая в качестве адвокатов, судей, прокуроров, преподавателей.

Одним из известных преподавателей, выпускников лицея, был *Леонид Николаевич Казанцев (1854 – 1896)*. Он являлся уроженцем Ярославля, учился в Ярославском приходском, затем уездном училищах, а завершил среднее образование в Ярославской классической гимназии в 1873 г. После этого он поступил в Демидовский юридический лицей, который окончил в 1877 г. со степенью кандидата права по представлению сочинения «Пред-

ставительство при обязательных договорах». Его подлинной научной страстью были римское право и латынь, что привело его на филологический факультет Московского университета, на который он поступил сразу после завершения лицея. В 1878 г. он был избран советом лицея стипендиатом для приготовления к профессорскому званию. В 1881 г. Л.Н. Казанцев выдержал магистерский экзамен в Киевском университете и был оставлен там же приват-доцентом для чтения лекций по римскому праву. После защиты магистерской диссертации в 1884 г. он избирается экстраординарным профессором Киевского университета и остается в этой должности до самой смерти. Примечательно, что основную тему своих научных исследований – представительство по гражданскому праву – он определил еще со студенческой скамьи и занимался ею последовательно и неуклонно¹⁶⁴.

Надо иметь в виду, что проблемы трудового права учеными лицея разрабатывались в основном уже в 10-х гг. XX в. В этой связи результатов стоило ожидать как раз от выпускников, завершавших учебу в начале 20-х гг. Но в Первую мировую войну многие студенты лицея прошли краткосрочный курс обучения в военных училищах и были направлены на фронт. Примечательно, что отдельные выпускники лицея и до начала Первой мировой войны выбирали военную карьеру и достигали больших служебных высот. Так, выпускник 1898 г. *Вячеслав Евгеньевич Клочковский (1873 – 1930)* избрал карьеру военного моряка, был начальником дивизиона и бригады подводных лодок на Черном море, дослужился до воинского звания контр-адмирала. На борту крейсера «Адмирал Нахимов» он участвовал в печально известном Цусимском сражении. После гибели крейсера в бою 15 мая 1905 г. он отказался спастись, когда японцы начали подбирать плавающую в воде команду, и на следующий день был подобран корейскими рыбаками. Будучи поляком и католиком, он стал одним из организаторов военно-морского флота независимой Польши, где также стал контр-адмиралом. К сожалению, с 1914 г. все больше и больше студентов и выпускников лицея уже без

---

¹⁶⁴ См.: Казанцев Л.Н. Учение о представительстве в гражданском праве. Ярославль, 1878.

права выбора оказывались в рядах сначала единой русской, а затем враждующих Красной и Белой армий¹⁶⁵.

В Демидовском юридическом лицее учились некоторые будущие ученые, талант которых раскрылся уже после эмиграции из России. Среди них особое место занимает *Валентин Александрович Рязановский (1884 – 1968)*, юрист, историк и педагог. После получения среднего образования в Костроме он учился в Демидовском юридическом лицее, но затем перевелся в Московский университет, который окончил в 1908 г. В дальнейшем он преподавал в Томском, Иркутском и Дальневосточном университетах (1918 – 1921). В эмиграции он был профессором и деканом Харбинского юридического факультета в Китае (1921 – 1929), где поддерживались традиции русского юридического образования. С 1929 г. он возглавлял юридический отдел КВЖД, но впоследствии снова вернулся в Китай, а в 1938 г. эмигрировал в США, где являлся профессором ряда американских университетов. Это был крупнейший специалист по монголоведению и международному праву, один из идеологов евразийства.

Революционные катаклизмы 1917 г. во многом парализовали учебный процесс, а педагогические «эксперименты» новой власти в Ярославском университете и скорая приостановка его деятельности еще больше осложнили получение результата. Но ярославская школа трудового права продолжала жить, умножая традиции своих научных предшественников. В советское время ее питомцы на практике реализовывали гуманистические идеи, заложенные в трудах ярославских ученых.

Одним из них был бывший студент Демидовского юридического лицея *Александр Митрофанович Стопани (1871 – 1932)*, которого можно назвать ярким представителем практиков советского трудового права. Он родился 9 ноября 1871 г. в Иркутской губернии в семье военного врача. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет Казанского университета, где пошел по пути уже отчисленного годом раньше В.И. Ленина. Стопани вступил в нелегальный студенческий кружок и увлекся

---

¹⁶⁵ См.: Лушников А.М. Демидовский лицей и подготовка офицеров для русской армии // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. Вып. 1. Ярославль, 1994.

марксизмом. Вследствие этого и за пропуск занятий он был отчислен из университета и перевелся в Демидовский юридический лицей. Впрочем, в связи с большой занятостью политической работой он так и не смог завершить юридического образования. Но он получил определенный объем знаний по теории права, политэкономии и статистике, вынес некоторое уважение к формальному праву и законодательству, чем позднее существенно отличался от своих однопартийцев-большевиков. В 1895 г. А.М. Стопани, как уже отмечалось ранее, организовал в Ярославле первый марксистский кружок. Он был делегатом II съезда РСДРП, где был «твердым» искровцем и однозначно поддержал позицию В.И. Ленина. В 1903 – 1904 гг. он участвовал в создании Северного комитета, в 1905 – 1907 г. был секретарем Костромского комитета РСДРП, делегатом V съезда партии. Его официальная деятельность была связана с земской статистикой.

С 1908 г. Стопани непосредственно начал заниматься проблемами правового регулирования труда, работая в Союзе нефтепромышленных рабочих г. Баку. Особое внимание он уделял вопросам заработной платы, рабочего времени и времени отдыха, предотвращению несчастных случаев с рабочими нефтяной промышленности. Его работы были основаны на анализе большого статистического и нормативного материала, имели некоторые социологические аспекты. Эти работы носили преимущественно острокритический характер, а позитивная часть сводилась в основном к предложениям политического характера, связанным с изменением общественного строя¹⁶⁶. Впоследствии он принял участие в революционных событиях 1917 г. в Петрограде. В советский период его практическая деятельность была в большей части прямо связана с проблемами труда и его правового опосредования.

В 1918 г. Стопани назначается комиссаром труда и промышленности в Терский народный совет (Северный Кавказ), а затем

---

¹⁶⁶ Стопани А.М. Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих в связи с условиями работы на промыслах. Баку, 1910; Он же. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку, 1916; Стопани А.М., Карташев Н.Н. Несчастные случаи с рабочими в нефтяной промышленности (1907 – 1910 гг.). Баку, 1913 и др.

членом Коллегии Народного комиссариата труда (НКТ) РСФСР. В 1920 г. он снова член Северо-Кавказского ревкома, уполномоченный НКТ и ВЦСПС на Кавказе. В 1921-1922 гг. он является членом Революционного военного совета (РВС) Кавказской трудовой армии. В годы Гражданской войны Стопани занимался преимущественно вопросами мобилизации трудовых ресурсов и организацией производства. С 1922 г. он продолжил работу в НКТ и одновременно стал членом Верховного Суда РСФСР. Наконец, на 1924 – 1929 гг. пришелся пик его юридической карьеры, когда Стопани стал прокурором РСФСР по трудовым делам. Отметим, что в этот же период действовали сессии народных судов по трудовым делам, что в целом обеспечивало относительно эффективный контроль за соблюдением трудового законодательства и оперативное разрешение трудовых споров. Но это касалось преимущественно частных предприятий. При этом Стопани налаживал постоянные контакты своего ведомства с профсоюзами, инспекциями труда, руководством наркоматов и предприятий. Большое внимание уделялось не только карательным, но и превентивным мерам, направленным на предотвращение трудовых споров и нарушений трудового законодательства. Практическую деятельность он совмещал с активной публикаторской и научной работой. Были переизданы в переработанном виде его основные дореволюционные исследования¹⁶⁷. В дальнейшем он публиковал преимущественно работы, имевшие характер комментария действующего трудового законодательства и рекомендаций по его применению¹⁶⁸. А.М. Стопани неоднократно выступал в качестве редактора и автора предисловия к сборникам трудового законодательства и комментариям судебной практики по гражданским и трудовым делам¹⁶⁹. Многие годы он являлся главным редактором

---

¹⁶⁷ См.: Стопани А.М. Бакинский нефтепромышленный рабочий, его заработная плата и рабочий день. Л.; М., 1924; Он же. Несчастные случаи в бакинской нефтяной промышленности. М., 1925.

¹⁶⁸ Стопани А.М. Работа конфликтных органов НКТ в центре и на местах. М., 1922; Он же. Год работы прокурора по трудовым делам при Верховном Суде. М., 1925; Он же. Пути к укреплению трудовой дисциплины. М., 1929 и др.

¹⁶⁹ Законодательство о труде в зарубежных странах (со сравнительными данными по СССР) / Под ред. А.М. Стопани. М.; Л., 1925 – 1927; Прак-

журнала «Вопросы труда», который стал подлинной трибуной советских ученых-трудовиков, центром обсуждения актуальных трудовправовых проблем. На его страницах публиковались статьи всех ведущих отечественных специалистов по проблемам труда, а дискуссии не только не пресекались, но и приветствовались. В этом журнале печатались обширные обзоры литературы, в том числе зарубежной. В целом журнал можно сравнить с лучшими дореволюционными периодическими изданиями.

А.М. Стопани всегда был последовательным большевиком, но уважительно относился к чужому мнению и искренне считал, что интересы рабочих не могут приноситься в жертву экономической и политической целесообразности. В этой части он все дальше с конца 20-х гг. начал расходиться с «генеральной линией» партии. Прокуратура по трудовым делам была ликвидирована вместе с закрытием трудовых сессий народных судов. Оставшись не у дел, Стопани с 1929 г. занимался в основном делами большевиков-ветеранов. Умер он 23 октября 1932 г. и был похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены. Как нам кажется, семена гуманизма и уважения к праву, посеянные преподавателями Демидовского юридического лицея в душе Стопани, дали свои всходы.

Владимир Александрович Гаген (1874 – 1930) родился 12 декабря 1874 г. в семье статского советника. По окончании Костромской гимназии он поступил в Демидовский юридический лицей в 1894 г., который и окончил в 1897 г. со степенью кандидата права. Его лицейскими учителями были И.Я. Гурлянд, А.Н. Ладыженский, В.Г. Щеглов. Еще со студенческой скамьи он специализировался на проблемах административного права. Именно как административист он подходил к проблемам социального законодательства, в том числе зарубежного. Этому способствовало то, что он свободно владел немецким, английским и французским языками. По решению Совета лицея молодой ученый был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре полицейского права и был командирован для научных

тика Верховного Суда РСФСР по гражданским и трудовым делам / Под ред. А.М. Стопани, М., 1926; Трудовые конфликты. Практическое руководство / Под ред. А.М. Стопани. М., 1925, 1926 и др.

занятий в Петербургский университет. Его университетским научным наставником стал видный ученый-административист В.Ф. Дерюжинский. В 1904 г. Гаген выдержал экзамен на степень магистра полицейского права на юридическом факультете Петербургского университета. В 1908 г. он защищает магистерскую диссертацию «Право бедного на призрение. Т. 1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии», которая в 1907 г. была издана отдельной книгой. После этого Гаген избирается приват-доцентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Ему был поручен факультативный спецкурс «Обязательное призрение как отрасль управления». Это дает нам основание считать этого ученого одним из пионеров преподавания права социального обеспечения в российских вузах. В 1911 г. Владимир Александрович направляется делегатом на Международный конгресс по патронату над лицами, выпущенными из тюрем и беспризорными детьми в бельгийском Антверпене¹⁷⁰. В 1913 г. в Харьковском университете Гаген защищает докторскую диссертацию по полицейскому праву «Западноевропейский бедняк» (издана в виде книги в 1912 г.). За это исследование он удостоился специальной премии от императрицы Александры Федоровны. Отметим, что борьба с бедностью стала для ученого не только областью научного интереса, но и сферой общественного служения. Гаген принял активное участие в работе по оказанию помощи населению, пострадавшему от голода 1900 г., за что удостоился благодарности императора. Он работал в одном из отделений собственной его императорского величества канцелярии, ведавшей приютами для бедных, а также в Комитете попечительства и трудовой помощи, состоящем под покровительством императрицы Александры Федоровны. За труды по устройству отдела трудовой помощи на Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1909 г. он был награжден орденом Святой Анны.

---

¹⁷⁰ См.: Гаген В.А. Пятый международный конгресс патронатов в г. Антверпене. Варшава, 1913.

В 1911 г. (по другим данным – в 1914 г.)¹⁷¹ он избирается ординарным профессором юридического факультета Варшавского университета по кафедре полицейского права. В период до начала Первой мировой войны он принимал участие в ряде международных конференций и конгрессов по социальной проблематике, в частности он был участником Первого международного конгресса в Брюсселе, посвященного охране детства¹⁷². Вместе с университетом в годы Первой мировой войны (1915 г.) он эвакуировался в Ростов-на-Дону, где продолжил педагогическую и научную деятельность¹⁷³. С 1921 г. он стал профессором факультета общественных наук (ФОН) Донского университета. На правовом отделении он читал курсы административного права и административной юстиции. Кроме того, ученый преподавал рабочее (трудовое) право, социальное обеспечение и страхование. Гаген стал не только одним из первых преподавателей трудового права в советских вузах, но и одним из первых, кто совмещал его с преподаванием права социального обеспечения. После закрытия ФОН он оказался безработным и был вынужден распродавать остатки своего имущества на рынке. Даже после устройства на работу в Севкавплан его очень тяготил отрыв от академической среды, вузовских занятий. В 1927 г. Гаген обращался с просьбой дать ему возможность работать в каком-либо вузе как высококвалифицированному специалисту по дефицитной в то время специальности «административное право». Обращение осталось без ответа. Такое поведение новых властей станет более понятным, если учесть, что российские специалисты по полицейскому праву считались едва ли не пособниками «царских сатрапов». Некоторые из не обремененных образованием советских руководителей, вероятно, считали, что полицейское право закрепляет права по-

---

¹⁷¹ См.: Краковский К.П. Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета). Ростов-н/Д., 2003. С. 159-162.

¹⁷² См.: Гаген В.А. Первый международный конгресс по охране детства в Брюсселе в 1913 г. (краткий отчет о заграничной командировке). Варшава, 1913.

¹⁷³ См.: Гаген В.А. Административная юстиция. Ростов-н/Д., 1916; Он же. Учебник административного права. Ростов-н/Д., 1916 и др.

лиции. Между тем это аналог современного административного права. При этом Владимир Александрович занимался преимущественно проблемами «полицейского благосостояния», которая явилась прообразом права социального обеспечения. Взгляды ученого на данные проблемы отличали гуманизм и сострадание при реалистичности подходов. Он последовательно и неуклонно доказывал необходимость государственного вмешательства в борьбу с бедностью и перевод социального обеспечения в публично-правовую сферу. Но по горькой иронии судьбы Гаген умер в бедности в 1930 г. в Ростове-на-Дону. Научное наследие этого ученого оказалось востребованным только в последние годы¹⁷⁴.

В своих трудах В.А. Гаген непосредственно рассматривал проблемы трудового права и права социального обеспечения. В традициях дореволюционной юриспруденции он уделял значительное внимание социальному законодательству и науке стран Запада, тем более что российское законодательство в этой части было в зачаточном состоянии, а число отечественных научных трудов было невелико. В частности, он анализировал французский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных, Германский закон 6 июня 1870 г. об обязательной помощи бедным, а также законодательство других западноевропейских стран об обязательном призрении престарелых и бедных¹⁷⁵. Заслуживает внимания его сравнительный анализ призрения бедных и социальной политики (т.е. права бедного на призрение и права на социальное обеспечение). Уже классификация призрения бедных на частную благотворительность и публичное (законное) призрение позволяет ввести

---

¹⁷⁴ Краковский К.П. Указ. соч.; Лушников А.М. Становление и развитие науки трудового права и науки права социального обеспечения в России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2001. С. 139-140 и др.

¹⁷⁵ См.: Гаген В.А. Западноевропейский бедняк. Варшава, 1912; Он же. Обязательное призрение трудоспособных бедных в Западной Европе. М., 1910; Он же. Обязательная помощь бедным в Германии (Имперский закон 6 июня 1870 г.). СПб., 1908; Он же. Обязательное призрение престарелых в Англии и Франции. СПб., 1910; Он же. Французский закон 14 июля 1905 г. об обязательном призрении престарелых, немощных и неизлечимо больных. СПб., 1906.

последнее в публично-правовое поле. При этом оно разделялось на факультативное, когда государственные органы аккумулировали средства частных лиц и размер помощи зависел от наличия средств, и облигаторное (обязательное). В последнем случае государственный орган собирал взносы частных лиц, но некоторые средства поступали и за счет налоговых сумм. Это и было так называемое «административное призрение», позволявшее приблизиться к понятию «право на призрение». При этом публичное призрение бедных имело следующие характеристики. Во-первых, право на него возникало тогда, когда экономическое положение человека настолько пошатнулось, что он сам не может добыть себе средств. Во-вторых, эти средства не могут быть доставлены на законных основаниях ни от родных и близких, ни от частной благотворительности. В-третьих, лица, получавшие такое призрение, обычно лишались избирательного права. По мнению ученого, с социальной точки зрения вопрос о бедности выходит далеко за рамки простой юридической проблемы, являясь болезнью социального тела. Эта болезнь тем опаснее, чем больше бедность распространяется.

Социальная политика В.А. Гагеном характеризовалась следующим образом. Во-первых, ее целью было стремление поднять экономическое положение не отдельных лиц, а целых классов. Во-вторых, она должна была предупреждать впадение людей в бедность, требующую вмешательства публичного призрения. В-третьих, ее предоставление не должно сопрягаться с лишением каких-либо прав. Сам В.А. Гаген признавал различие права на публичное призрение и права на социальную защиту «слишком расплывчатым», но методологические основы разграничения были намечены¹⁷⁶.

Он активно сотрудничал с периодическим журналом «Трудовая помощь», который издавался с 1897 по 1918 г. под покровительством императрицы Александры Федоровны и общей редак-

---

¹⁷⁶ См.: Гаген В.А. Право бедного на призрение. Т. 1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб., 1907. С. 1-5.

цией В.Ф. Дерюжинского¹⁷⁷. Под патронатом Попечительства о трудовой помощи, которое также находилось под покровительством императрицы Александры Федоровны, ученый осуществлял переводы зарубежной литературы по проблемам социальной защиты нуждающихся¹⁷⁸.

Особое место в исследованиях В.А. Гагена занимали вопросы занятости и проблемы безработицы. Как отмечалось выше, конец XIX в. ознаменовался усиленной научной разработкой вопроса о трудовой помощи нуждающимся. В.А. Гаген ратовал за широкий подход в решении этого вопроса. Он считал, что трудовая помощь должна охватывать не только терапию (лечение) бедности, но и предупреждать ее (профилактика бедности). Последняя выражается в создании государством, заинтересованными сторонами (рабочими и работодателями) многочисленных бюро приискания работы, которые обозначались термином «указания труда». Таким образом, посредничество в приискании работы рассматривалось как одна из форм трудовой помощи¹⁷⁹. В ключе классических исследований ученый обращался прежде всего к анализу зарубежного законодательства об организации посредничества на рабочем рынке, мерам борьбы с безработицей на примере Германии, Австрии, Франции, Англии, Норвегии, Швейцарии, Румынии и др.¹⁸⁰ Затем предметом исследований В.А. Гагена стали

---

¹⁷⁷ См.: Гаген В.А. Обязательное призрение престарелых в Англии // Трудовая помощь. 1910. № 7. С. 99-116; № 8. С. 255-271; Он же. Обязательное призрение престарелых во Франции // Там же. 1910. № 9. С. 309-330 и др.

¹⁷⁸ См.: Конрад К. Посредничество в приискании работы в Германии / Пер. А. Браудо и В. Гагена. СПб., 1913; Лекко М. Трудовая помощь во Франции / Пер. А.И. Браудо и В.А. Гагена. СПб., 1905; Мюнстерберг Э. Призрение бедных. Руководство к практической деятельности в области попечения бедных / Пер. А.И. Браудо и В.А. Гагена. СПб., 1900.

¹⁷⁹ См.: Гаген В.А. К вопросу об организации указания труда в России (Из журнала «Трудовая помощь», октябрь-ноябрь 1901 г.). СПб., 1902; Он же. Частные лица в роли посредников на рабочем рынке (Из журнала «Трудовая помощь», март, 1900). СПб., 1900; Он же. Земство и общественные работы. СПб., 1905; Он же. Новая организация помощи бедным и борьбы с нищенством в Санкт-Петербурге. СПб., 1906 и др.

¹⁸⁰ См.: Гаген В.А. Безработица в Германии и меры борьбы с нею (Социально-политический этюд). СПб., 1904; Как устраиваются городские

проблемы организации помощи нуждающимся в России. Сравнительно-правовой подход позволял ученому дать оценку положения (состояния) этого вопроса в России, обосновать конкретные рекомендации по правовой регламентации различных видов трудового посредничества и социального призрения. Так, им был дан развернутый анализ организации посредничества на рынке труда в России на примере русских «бирж труда» (учреждений указания труда), не преследующих коммерческих целей. К таким относились учреждения, в роли организаторов которых выступали земства, городское самоуправление, посреднические конторы при русских домах трудолюбия. Изучая причины неудачной деятельности посреднической конторы при Одесском доме трудолюбия, В.А. Гаген предложил Проект примерных правил для посреднических контор при русских домах трудолюбия. Особое внимание ученый уделит вопросам посредничества частных контор на рабочем рынке. Он обосновывал необходимость создания института (по примеру Румынии) особых правительственных инспекторов для надзора за деятельностью таких частных посреднических контор. Он также писал о том, что Россия ощущает постоянную нужду... в развитии форм посредничества в приискании труда как организованного (в виде особых контор), так и неорганизованного (биржи труда, частные посредники, публикации в газетах и журналах).

Русскими административистами (и В.А. Гаген здесь не исключение) обосновывалась необходимость государственного участия в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений. Полное господство гражданского права возможно только в полицейском государстве, где царит всемогущество органов власти. Л.А. Шалланд по этому поводу отмечал, что «вся государственная жизнь, весь публичный строй был лишь отражением частных отношений»¹⁸¹. При этом полицейское государство имело гражданское, уголовное и процессуальное право, но публичного права не имело. В нем просто не было необходимости,

---

общественные работы (опыт германских городов) / Пер. с нем. и предисловие В.А. Гагена. СПб., 1906 и др.

¹⁸¹ Шалланд Л.А. Юридическая природа территориального верховенства (историко-догматическое исследование). Т. 1. СПб., 1903. С. 7.

ибо без государственных ограничителей, в том числе в отношении самих органов государственной власти, господство гражданского права означает господство сильного. В.А. Гаген отмечал, что «господство гражданского права и гражданского процесса в правовой жизни современного государства нужно понимать... лишь как возможность применять к этим отношениям гражданское право, регулирующее в новом государстве отношения лишь частных лиц между собой, и возможность обращаться, в целях противодействия государству, к судам, призванным решать гражданские споры»¹⁸². Гражданское право стало терять свой универсальный характер по мере сужения сферы отношений, в которых государство выступает с приказом и принудительной властью. Эту же мысль высказывал уже упомянутый выше Б.А. Кистяковский.

В контексте взаимодействия публичного и частного права В.А. Гаген рассматривал проблемы административной юстиции. Он утверждал, что «административные законы определяют то, что администрация может требовать от частных лиц, а последнее – от администрации. Всякая норма публичного права, изданная в интересах частных лиц, создает публичное субъективное право этих частных лиц»¹⁸³. Споры с администрацией ученый подразделял на две категории: спорные административные дела, которые разрешаются обычными или административными судами, и просто административные дела, которые должны решаться самой администрацией. При этом если дело судебно-административное, то жалобщик может обратиться одновременно к двум органам (суду и администрации), а если чисто административное, то у него остается лишь один путь – обращение к высшей власти¹⁸⁴. В.А. Гагеном был обобщен опыт организации административной юстиции в странах Западной Европы, а равно состояние и перспективы организации административной юстиции в России. Ученый рассмотрел деятельность российских учреждений, которые имеют отношение к административной юстиции. Так, в отношении губернских и областных по фабричным и горнозавод-

---

¹⁸² Гаген В.А. Право бедного на призрение. С. 9.

¹⁸³ Гаген В.А. Административная юстиция. Ростов-н/Д., 1916. С. 4.

¹⁸⁴ Там же. С. 6.

ским делам Присутствий, он отмечал, что они по своему составу мало напоминают административный суд, их компетенция складывается главным образом из чисто административных дел, при даче к которым образуют административно-судебные дела. Последние обычно сводятся к рассмотрению жалоб на распоряжения фабричной и горнозаводской инспекции в Главном присутствии по фабричным и горнозаводским делам. Присутствия по делам страхования рабочих, по мнению В.А. Гагена, в большей степени напоминали административные суды. Эти присутствия появились после издания Законов 1912 г. об обеспечении рабочих врачебной помощью и о страховании рабочих от несчастных случаев на производстве. Их компетенция охватывала и распорядительную, и судебно-административную деятельность. Последняя состояла в рассмотрении жалоб на действия членов фабричной инспекции, дел о привлечении должностных лиц больничных касс к судебной ответственности. Как отмечает ученый, эти административные суды отличают от других присутствий некоторые выгодные стороны. Так, в состав этих присутствий впервые введены представители от рабочих. Само производство дел построено на началах привлечения заинтересованного лица к присутствию и активному участию на суде¹⁸⁵. Иная оценка прозвучала в отношении Главного по фабричным и горнозаводским делам Присутствия, состоявшего в ведении Министерства торговли и промышленности. По своему составу оно «мало походит на административный суд в связи с преобладанием бюрократического элемента». Не соответствует деятельности Присутствия «как административного суда и порядок производства дел, где значение сторон сведено почти к нулю, им не дано никаких судопроизводительных гарантий ни устности, ни гласности, ни состязательного начала, одним словом, нет ни одного элемента административного процесса»¹⁸⁶.

---

¹⁸⁵ Гаген В.А. Административная юстиция. С. 84 и далее.

¹⁸⁶ Там же. С. 98-99.

---

9. Связующее звено: жизнь и научное наследие Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау

Человек – всего лишь тростник,
слабейшее из творений природы, но
он – тростник мыслящий..., все наше
достоинство – в способности мыслить

Б. Паскаль

В отличие от других ученых, о которых речь шла выше, Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау не преподавали ни в Демидовском юридическом лицее, ни в Ярославском университете. Они трудились на ниве просвещения в Ярославском педагогическом институте. Но именно выпускники этого вуза, в том числе воспитанники уважаемых профессоров, составили костяк преподавательского состава гуманитарных дисциплин воссозданного в 1970 г. Ярославского государственного университета. В этом контексте они являются своеобразным «связующим звеном» между двумя этапами развития ярославской юридической школы трудового права. Кроме этого, они стали «связующим звеном» и в еще одном смысле.

Отечественную историю нельзя делить на до- и послереволюционную, несмотря на быстроту и глубину происшедших изменений. Но для ученых-трудовиков этот социальный катаклизм стал действительно рубежным. Первую генерацию советских ученых – специалистов в области трудового права – составили в основном лица, окончившие университеты до 1917 г., но получившие ученую степень и начавшие преподавательскую деятельность уже в советский период. Это, прежде всего, В.М. Догадов, К.М. Варшавский, И.С. Войтинский. Их научный интерес к проблемам трудового права проявился еще в начале XX в., а издание

первых публикаций пришлось на 10-е гг. прошлого века¹⁸⁷. В то же время титулованные ученые, занимавшиеся вопросами правового регулирования труда на рубеже XIX – XX вв., в советских вузах уже не преподавали. Часть ученых эмигрировала (С.О. Загорский, В.П. Литвинов-Фалинский, В.Б. Эльяшевич и др.), некоторые умерли или погибли в период революционных потрясений (А.Н. Быков, Е.М. Дементьев, В.Я. Канель, В.Г. Яроцкий и др.), а о некоторых вообще отсутствуют какие-либо сведения (И.Х. Озеров и др.). Редкое исключение составил Л.С. Таль, но, кроме нескольких лекций в МГУ в 1921 г., он трудовое право не преподавал, а его научные публикации в советской печати были по тематике гражданского и хозяйственного права.

В этой связи практически уникальное место в истории науки трудового права занимают Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау. Они уже в начале прошлого века стали известными специалистами в области правового регулирования трудовых отношений, защитили магистерские диссертации и заняли профессорские кафедры в вузах. Продолжили они свою преподавательскую деятельность и в советский период. Оговоримся, что собственно курса трудового права они не вели, но периодически читали спецкурсы и отдельные лекции по вопросам правового регулирования труда. Основной научной стезей этих ученых впоследствии стали всеобщая история и экономическая география. Но в силу научного интереса и специфики преподаваемых предметов они всегда уделяли существенное место правовой составляющей рабочего вопроса в стране и за рубежом. Этим ученых с полным основанием можно назвать «связующим звеном» между дореволюционной и советской наукой и высшей школой.

Жизненные пути Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау имеют мало общего. Если первый являлся классическим университетским профессором, жившим в переломное время, то жизнь Г.Г. Швиттау похожа на сюжет приключенческого романа с элементами военной драмы. Но их роднит преданность российской науке и то, что они относятся к числу первых российских ученых-трудоуководов, специалистов по международному и зарубеж-

---

¹⁸⁷ См. подробнее: Лушников А.М. Наука трудового права. Историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 167-205.

ному трудовому праву. Н.Н. Кравченко стал автором первой в России магистерской диссертации по международному трудовому праву, а Г.Г. Швиттау был крупным специалистом по трудовому праву зарубежных стран, прежде всего Англии. К сожалению, общим для них является и то, что их научное творчество незаслуженно забыто.

Николай Николаевич Кравченко (1881 – после 1948) родился 30 октября 1881 г. в Гомеле¹⁸⁸. Его предки происходили из крестьян Могилевской губернии, причем дед рядовым участвовал в Отечественной войне 1812 г. Его этнические корни в полной мере выражают восточнославянское единство, хотя в анкетах он указывал, что он по национальности русский. Его детство и юность прошли в Белоруссии и на Украине, откуда хорошее знание украинского и белорусского языков. Отец Николая Николаевича окончил физико-математический факультет Киевского университета и около 50 лет преподавал в гимназиях Могилева, Одессы и Минска. Н.Н. Кравченко в 1899 г. окончил Могилевскую гимназию и поступил в Новороссийский университет, где обучался на юридическом факультете, а параллельно с ним на историческом отделении историко-филологического факультета. Среди его учителей были такие видные ученые-юристы, как Е.В. Васьковский и А.Ф. Федоров. Последний из них активно занимался проблемами правового регулирования трудовых отношений. В 1903 г. Кравченко завершил обучение с дипломом первой степени и золотой медалью за дипломное сочинение «Иностранцы в России. Историко-догматическое исследование». Уже здесь он показал себя как специалист по историко-правовой проблематике, достойно завершив обучение на двух факультетах университета. В январе 1904 г. талантливый юноша был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В этот период появляются его первые научные публикации по международному публичному праву¹⁸⁹. В начале 1907 г. он сдал ма-

---

¹⁸⁸ См.: ГАЯО. Ф.Р-2257. Оп. 10. Д. 27 (личное дело Н.Н. Кравченко).

¹⁸⁹ См.: Кравченко Н.Н. О международных следственных комиссиях. Одесса, 1904; Он же. Договор о третейском разбирательстве между Россией, Швецией и Норвегией. СПб., 1905; Он же. О всемирном почтовом союзе. Киев, 1906 и др.

гистерский экзамен, весной того же года прочитал пробную лекцию и был принят приват-доцентом Новороссийского университета, где читал курс «История политических учений нового времени». 1908 – 1911 гг. он провел в зарубежной научной командировке, преимущественно в Париже и Берлине, а также Берне и Базеле. Ее итогом стал диплом Сорбонны и собранный материал для магистерской диссертации. Отметим, что Николай Николаевич в совершенстве знал французский язык, имел 10 публикаций во французской печати, также владел греческим, немецким и латынью. В октябре 1912 г. он переходит на должность приват-доцента в Томский университет. В этом университете 28 апреля 1913 г. состоялась защита магистерской диссертации Кравченко на тему «Идея международной регламентации труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.» (опубликована в 1913 г. в Томске). Первым оппонентом на защите диссертации (магистерском диспуте) был профессор Н.Я. Новомбергский, а вторым – профессор И.В. Михайловский. Они дали высокую оценку работе, а Совет единодушно и под аплодисменты присвоил Кравченко ученую степень магистра международного права¹⁹⁰.

Интерес к проблеме международно-правового регулирования труда возник у молодого ученого, вероятно, в зарубежной командировке. Уже в 1910 – 1912 гг. на французском языке он опубликовал ряд статей по данной тематике, в том числе о взглядах Р. Оуэна, Ж.А. Бланкюи, о первых попытках международной организации охраны труда. Эти работы наряду с диссертацией принесли ему европейскую известность и благожелательные отзывы профессоров И.А. Ивановского, Н.А. Каблукова, В.М. Хвостова, а также ведущего немецкого специалиста по международному праву Н. Райхесберга и др.

Н.Н. Кравченко обоснованно утверждал о том, что проблема международного трудового законодательства также была поставлена уже в XIX в. Великому английскому социалисту-утописту Р. Оуэну принадлежит честь первопроходца в защите трудовых прав людей путем международных усилий. В 1818 г. он обратился к Конгрессу держав Священного Союза с петицией, что "долг

---

¹⁹⁰ См.: Магистерский диспут // Право. 1913. № 21. С. 1359-1363.

просвещенных монархов объединить свои усилия в облегчении участи бедняков" и предложил использовать его опыт создания коммун промышленных рабочих, построенных на принципах всеобщего равенства и справедливости. Российский ученый предположил, что Р. Оуэн хотел только ознакомить монархов с плачевным положением рабочих и порекомендовать им путь реформ. Вместе с тем косвенное влияние известного британского социалиста на возникновение международного рабочего законодательства несомненно. По мнению Н.Н. Кравченко, пальма первенства в обосновании идеи международного регулирования труда принадлежит французскому Ж.А. Бланкюи и датируется концом 30-х гг. XIX в.¹⁹¹

В 1841 г. эльзасский фабрикант Д. Легран при обсуждении во Франции законодательства о регулировании работы детей, предложил правительству выступить с проектом международного фабричного закона, который позволил бы предотвратить возможный социальный взрыв. Первая попытка обсуждения проблем правового регулирования труда на международном уровне была предпринята Германией и Австрией. Речь идет о встрече летом 1871 г. канцлера О. Бисмарка с министром-президентом Ф.Ф. Бейстом и межгосударственной конференции по рабочему вопросу в ноябре 1872 г. Впрочем, все эти попытки оказались безрезультатными. Эйзенахский съезд общественных и научных деятелей Германии (1872 г.), на котором определилось направление катедер-социализма, уделил особое внимание международно-правовому регулированию труда. Его горячими сторонниками выступили большинство участников съезда, в том числе Г. Шенберг и А. Вагнер, против – меньшинство, среди которого был Л. Brentano, настаивавший на создании эффективного внутреннего национального рабочего законодательства.

В 1876 г. в защиту международно-правового регулирования труда выступил президент Швейцарского национального совета полковник Э. Фрей. Группа депутатов германского Рейхстага в 1885 г. также поднимала вопрос о международной охране труда,

---

¹⁹¹ См.: Кравченко Н.Н. Идея международно-правовой регламентации труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913. С. 1-15 и далее.

и одновременно подобная тема обсуждалась французским парламентом. Наконец, на Международном социалистическом конгрессе, который состоялся в июне 1889 г. в Париже, уже прямо обсуждался вопрос о международной законодательной охране труда. Этому было вполне логичное основание, так как международная конкуренция требовала и международного регулирования трудовых отношений, международной защиты труда.

В 1881 г. правительство Швейцарии обратилось к правительствам европейских государств с предложением заключить международный договор о регламентации фабричного труда. Но из всех государств заинтересованность проявила только Бельгия. В 1889 г. Швейцария повторно с этой инициативой обратилась к 14 государствам, и 9 ответили согласием принять участие в международной конференции. Еще 4 государства не дали ответа, и только Россия высказалась против. В качестве первоочередных задач конференции была определена международно-правовая регламентация работы в рудниках, воскресного отдыха, детского труда, работы женщин и несовершеннолетних. В мае 1890 г. в Берлине прошла первая конференция по международной охране труда. Ее решения носили рекомендательный характер.

Н.Н. Кравченко констатировал, что нарождается совершенно неизвестное ранее право народов – международное рабочее право¹⁹², а первым шагом в этом направлении он считал франко-итальянскую Конвенцию от 15 апреля 1904 г. Даже сейчас вызывает уважение массив использованной им научной литературы и нормативного материала на многих иностранных языках. Он проанализировал как классические монографии Г. Адлера, В. Брантса, С. Вегелина, Д. Валентини-Ферсини, П. Пика, Э. Франка, Г. Эверта, так и большое количество архивных материалов и публикаций в периодических изданиях.

В своих работах он подробно рассмотрел истоки формирования концепции международно-правовой регламентации труда, воззрения таких ее выдающихся представителей, как Р. Оуэн, Ж.А. Бланкюи, А. Вагнер, И. Барон, Л. Валевски, Э. Фрэй и др. Сам он был последовательным сторонником международно-

---

¹⁹² Кравченко Н.Н. Идея международно-правовой регламентации труда... С. V.

правовой охраны труда и свои идеи развивал в последующих публикациях¹⁹³. Кроме того, Николай Николаевич был известным специалистом по международному публичному праву и гуманитарному праву¹⁹⁴.

В августе 1913 г. Кравченко избирается профессором по кафедре международного права и начинает читать курс истории политических учений, где важное место уделяет международно-правовому регулированию трудовых отношений. Одновременно он ведет занятия по международному праву и даже читает курс по государственному праву¹⁹⁵. Если говорить о политических взглядах ученого, то они были традиционными для русского профессора. В политических партиях он не состоял, но был близок к кадетам, в том числе в части решения рабочего вопроса. В этой связи к Февральской революции он отнесся весьма благожелательно и в апреле 1917 г. перешел на работу в Казанский университет. В Казани он неоднократно выступал перед рабочими, разъясняя им их права и призывая к легальным формам борьбы за их реализацию. Октябрьские события того же года Кравченко встретил сдержанно, но оказался вполне лояльным к новой власти. Более того, он был избран на должность декана факультета общественных наук Казанского университета и участвовал в создании этого нового общегуманитарного факультета. Он был одним из разработчиков проекта создания Народного университета, который в силу своей утопичности так и остался на стадии проектирования. Казанский период в карьере ученого продолжался до начала июня 1923 г., когда он был переведен в Саратовский университет. В феврале того же года Кравченко был переутвержден Научно-политической секцией Государственного ученого совета (ГУС) в ученом звании профессора. Согласно «Положению о распределении научных работников по категориям» от

---

¹⁹³ См.: Кравченко Н.Н. Гр. Альберт де-Мэн как поборник идеи международно-правовой защиты рабочих // Право. 1914. № 43. С. 2924-2927; Он же. Памяти Э. Вальяна как одного из сторонников международного рабочего права // Право. 1916. № 2. С. 121-124 и др.

¹⁹⁴ См.: Кравченко Н.Н. Институт военнопленных в понимании Германского генерального штаба. Томск, 1915; Он же. Налеты немецких цепелинов и международное право // Право. 1916. № 5. С. 1598-1602 и др.

¹⁹⁵ ЦГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 976. Л. 1.

13 декабря 1921 г. он был отнесен к третьей категории – «крупные ученые с большим научным и научно-учебным стажем и значительным количеством оригинальных научных работ, могущие руководить подготовкой научных специалистов». В рекомендации к этому переутверждению известный ученый-юрист, профессор В.Э. Грабарь указал, что Кравченко является единственным в России специалистом по международному регулированию труда фабричных рабочих.

В этот период он постепенно отходит от преподавания правовых дисциплин, так как вместо истории политических и правовых учений студентам-юристам начал преподаваться марксизм в различных его вариациях. Естественно, что старорежимному беспартийному профессору предоставить «такой чести» не могли. Впрочем, до конца 20-х гг. он продолжал вести курс международного права и готовить публикации по данной тематике¹⁹⁶. При этом существенное место он уделял международному, а отчасти и зарубежному трудовому праву. Последнюю печатную работу по данной тематике он издал в Минске, где читал спецкурс в местном университете¹⁹⁷.

В октябре 1930 г., имея 25 лет «безупречной профессорской работы», Кравченко был отправлен на академическую пенсию. К тому времени он жил преимущественно в Москве, где продолжал активную лекторскую и преподавательскую работу, неоднократно выступал в Московском областном совете профсоюзов, а также в ряде вузов с разовыми лекциями. Фундаментальная гуманитарная подготовка позволяла ему с равным мастерством читать курсы по отечественной и зарубежной истории, по истории культуры, истории техники, по историографии и истории международных отношений. Он вел занятия в Государственном институте кинематографии, в Сталинградском педагогическом институте, а с 1938 г. – в Ивановском педагогическом институте. Примечательно, что с 1933 г. Кравченко выступил одним из пионеров ки-

---

¹⁹⁶ См.: Кравченко Н.Н. Краткая энциклопедия по международному праву. Саратов, 1923; Он же. Об основных началах консульского института применительно к Советской России. Саратов, 1925 и др.

¹⁹⁷ См.: Кравченко Н.Н. Пути решения рабочего вопроса и проблема охраны труда в капиталистической Европе. Минск, 1928.

нофикации учебного процесса, широко используя на лекциях учебные фильмы. Такая активность была связана не только с деятельной натурой профессора, но и с потребностью в деньгах. В Москве они жили вдвоем с женой, работавшей художником во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, а на его попечении находились также престарелая мать, проживавшая в Одессе, и теща, проживавшая в Москве. Найти постоянную работу в самой столице для аполитичного ученого было достаточно сложно, и он охотно выезжал на чтение годовых курсов в провинциальные вузы. Наконец, в сентябре 1940 г. по собственной просьбе он переводится в Ярославский педагогический институт, сначала его профессором, а с февраля 1941 г. – заведующим кафедрой всеобщей истории. Ему предоставили комнату в общежитии, а единственным условием известного ученого было наличие в комнате дивана. После Ивановского пединститута, где из-за сквозняков и сырости в аудиториях он перенес воспаление легких, условия в Ярославском пединституте оказались вполне приемлемыми. На новом месте работы Николай Николаевич показал себя замечательным лектором и грамотным руководителем. С началом Великой Отечественной войны учебный процесс был осложнен большой группой факторов, а одно время даже стоял вопрос об эвакуации пединститута в тыл в связи с угрозой оккупации. К началу 1942 г. ситуация стабилизировалась, но в июле 1943 г. неожиданно принимается решение о переводе Кравченко в Пензенский педагогический институт «на усиление» кадрового состава. Для уже немолодого заслуженного профессора, имевшего целый «букет» сердечных заболеваний и проживавшую в Москве семью, это было сложное решение. Дальнейший ход событий достоверно установить не удалось, но, вероятно, ученый смог остаться в Москве на должности профессора Московского городского педагогического института. Последний известный нам документ из этого вуза датирован 1948 г.

Н.Н. Кравченко был классическим русским профессором права во всем: в образовании, карьерном пути, знании иностранных языков, мировоззрении, научных работах. Даже внешний вид его был вполне классическим: всегда отутюженный костюм с галстуком, «академическая» бородка, открытый взгляд. Он был лоялен как царскому режиму и Временному правительству, так и

советской власти. Его талант исследователя и педагога так до конца и не раскрылся в силу чрезвычайных жизненных обстоятельств. Не будь революционных катаклизмов, он вполне мог бы стать руководителем высокого уровня в системе вузов, государственным деятелем или дипломатом. В советский период для беспартийного профессора «потолком» стало руководство факультетом и кафедрой, а высшими наградами – почетные звания «ударника» и «отличника», полученные соответственно в 1933 и 1939 гг. В качестве особого знака доверия новой власти партбюро Ивановского педагогического института включило его в особую комиссию по проведению 60-летия со дня рождения В.И. Сталина. Согласитесь, что это весьма своеобразная благодарность за более чем сорокалетний труд на ниве науки и просвещения.

Относительно научной деятельности ситуация осложнилась тем, что с конца 20-х гг. XX в. о международном и зарубежном трудовом праве в позитивном ключе стало писать просто опасно. По официальной установке такого права просто не существовало, а была «безудержная эксплуатация рабочих в мире капитала» при полном их бесправии. Не случайно о трудах Кравченко вспомнили только в период «хрущевской оттепели» в 60-е гг. прошлого века. Так, известный отечественный ученый-трудовик С.А. Иванов прямо цитировал публикацию Н.Н. Кравченко 1913 г. издания и отметил, что именно этот дореволюционный ученый первым заявил о появлении новой области приложения известных международных норм и о зарождении совершенно неизвестного недавнему прошлому отдела права народов – отдела, получившего уже прочно установившееся в науке название международного рабочего права¹⁹⁸. Впрочем, такое упоминание научного наследия ученого скорее является исключением, а впоследствии к нему вообще долгие годы не обращались. Как нам представляется, Н.Н. Кравченко достоин занять подобающее ему место в числе первых российских ученых-трудовиков как автор первого в России монографического исследования по международно-правовому регулированию трудовых отношений.

---

¹⁹⁸ См.: Иванов С.А. Проблемы международного регулирования труда. М., 1964. С. 18, 102.

Георгий Георгиевич Швиттау (1875 – 1950) родился 23 апреля 1875 г. в Санкт-Петербурге в семье служащего¹⁹⁹. Его семья имела немецкие корни, но во всех документах он указывал, что он по национальности русский. О степени обрусения в дворянских кругах судили по следующим признакам. Если имя и отчество оставались немецкими, например Карл Карлович, то их носитель почитался за немца. Если имя было русским при немецком отчестве, например Иван Карлович, то обрусение считалось наполовину. Наличие же русского имени и отчества при немецкой фамилии говорило о полном обрусении. В этом контексте Георгий Георгиевич относился к третьей категории, да к тому же был изрядным англофилом.

После окончания столичной гимназии он поступил на юридический факультет Петербургского университета, который и окончил с дипломом первой степени в 1902 г. Еще в студенческие годы он выбрал экономическую специализацию и получил фундаментальную подготовку как по правоведению, так и по экономическим дисциплинам. Среди его учителей были такие знаменитые ученые-юристы, как Д.Д. Grimm, Н.Л. Дювернуа, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский, И.Я. Фойницкий. Уже во время учебы Швиттау вполне сочувственно относился к марксизму, чему способствовали его университетские учителя экономисты А.А. Исаев и М.И. Туган-Барановский, бывшие легальными марксистами, а также В.Г. Яроцкий, относившийся к этому учению достаточно позитивно.

В октябре 1902 г. Георгий Георгиевич был оставлен при Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре политической экономии с предоставлением двух письменных работ: «Русское и иностранное законодательство о внебрачных детях» (по гражданскому праву) и «Путь к Северному Приладожью» (по экономической географии). Последняя работа была выполнена по поручению Археологического института в связи с грядущим двухсотлетием северной столицы и была опубликована в журнале «Вестник знания» в 1903 г. Эта была первая опубликованная работа молодого ученого. Уточним, что до 1903 г. в российских вузах не готовили профессиональных

---

¹⁹⁹ См.: ГАЯО. Ф.Р-2257. Оп. 10. Д. 69 (личное дело Г.Г. Швиттау).

экономистов, а их кузницей являлись в основном юридические факультеты университетов. Первоначально Швиттау был прикреплен к кафедре на один год, но этот срок несколько раз пролонгировался до конца 1907 г. С 1905 г. в течение почти двух лет он находился в зарубежной командировке с учебной целью, преимущественно в Берлине и Лондоне. После сдачи магистерского экзамена в начале 1908 г. Швиттау зачисляется приват-доцентом Петербургского университета по кафедре политической экономии и статистики и начинает читать курс «Экономическая статистика». В то же время с 1908 по 1914 г. он ежегодно получал заграничные командировки на каникулярное время в основном в Англию.

В центре научных интересов исследователя изначально оказались вопросы экономической и социальной политики, и прежде всего рабочий вопрос. Свои исследования он строил с опорой на учение К. Маркса, но в духе «легального марксизма», основываясь на экономической составляющей данной теории. Хорошее знание английского, немецкого и французского языков, а также итальянского, греческого и латыни позволили ему в подлиннике ознакомиться с трудами ведущих зарубежных юристов и экономистов, а широта взглядов дала возможность вести исследования на стыке экономики, права, истории, социологии и статистики. Уже первая работа Швиттау по экономической статистике носила комплексный характер²⁰⁰. Эта монография объемом более 20 печатных листов была написана на материалах переписи населения основных стран Европы и США. Уже в этой работе прослеживается идея автора о зависимости уровня жизни и места в социальной структуре от уровня образования и профессионального мастерства.

В 1911 г. он опубликовал вторую монографию «Промышленные конфликты. Экономическое исследование в области современной политики труда на Западе», которая годом раньше была защищена в качестве магистерской диссертации по политической экономии. Материалы для этой работы он собирал с 1905 по

---

²⁰⁰ См.: Швиттау Г.Г. Профессии и занятия населения. Опыт критики методологического исследования в области экономической статистики. СПб., 1909.

1909 г. преимущественно в период зарубежных командировок. Непосредственную помощь в сборе материала ему оказали секретари английской федерации тред-юнионов И. Митчелл, а затем В. Эплтон, а также ряд британских музеев и библиотек. Под промышленным конфликтом он понимал «столкновение интересов в области современных отношений труда и капитала»²⁰¹. В своем фундаментальном обзоре трудов предшественников Швиттау остановился на публикациях Т. Гоббса, Д. Стюарта, А. Смита, А. Сен-Симона, Д. Рикардо, А. Брея, К. Маркса и др. При этом он отмечал, что мысли Маркса о социальных классах носят отрывочный, случайный и фрагментарный характер. Специальная глава работы была посвящена забастовкам. Он следующим образом обосновал право на забастовку: «Со своей формально юридической стороны рабочая забастовка обусловлена наличием принципа свободного найма труда, с одной стороны, и правом соглашений (коалиций) – с другой»²⁰². Вслед за другим русским ученым Н.Н. Полянским он разграничивал стачку как массовое соглашение и забастовку как массовое осуществление этого соглашения. Швиттау выделил два основных элемента рабочей забастовки: 1) фактическое, сознательное приостановление работы; 2) столкновение противоположных интересов труда и капитала. Он обосновал в этой связи наличие коллективно-договорной промышленной системы, или «конституционной промышленной системы», по терминологии немецкого ученого Х. Фриза. Далее в монографии подробно рассмотрена тактика рабочих союзов при забастовке, отношение к забастовке права и общества, а также дан статистический анализ забастовок. Существенное место уделено рабочему бойкоту, а также организации и политике работодателей. Наконец, отдельно анализируется промышленное посредничество как способ разрешения промышленных (трудовых) конфликтов. В современной терминологии Швиттау рассмотрел коллективные трудовые споры и способы их разрешения. В результате он пришел к следующим выводам: 1) промышленные конфликты являются неизбежным проявлением различий интере-

---

²⁰¹ Швиттау Г.Г. Промышленные конфликты. Экономическое исследование в области современной политики труда на Западе СПб., 1911. С. 1.

²⁰² Там же. С. 65.

сов труда и капитала; 2) эти конфликты должны разрешаться в правовых рамках, для чего необходима соответствующая нормативная база; 3) основными способами разрешения таких конфликтов должны быть посреднические (примирительно-посреднические) процедуры с участием государства; 4) забастовку необходимо легализовать, и она должна проводиться в строго правовых рамках; 5) для предотвращения и разрешения промышленных конфликтов важную роль играют коллективные договоры, заключенные в рамках действующего законодательства и обязательные для сторон; 6) социалистическая теория дает ключ к пониманию промышленных конфликтов, но в ней есть две стороны: политическая и профессиональная. Приоритет имеет последняя, связанная с удовлетворением профессиональных интересов работников, достижением компромисса с интересами работодателя.

Во время командировок в Англию в 1910 – 1914 гг. Георгий Георгиевич задумал и начал готовить материал к написанию трехтомного исследования под общим названием «Система труда» или «Квалифицированный труд». Он задался целью показать, что чем больше рабочие будут повышать свою квалификацию, тем более будут они в состоянии отстаивать свои интересы в противостоянии труда и капитала. Ряд заметок российского ученого в газете английских профсоюзов «Тред-юнион ньюс» обратили на себя внимание лидеров британского профсоюзного движения, и Швиттау был приглашен принять участие в работе специальных комиссий по народному образованию Генеральной конференции тред-юнионов, а также Фабианского общества. Последнее в то время возглавляли известные теоретики и историки рабочего движения супруги Б. и С. Вебб, а входили в него такие представители интеллектуальной элиты, как писатель Г. Уэллс и драматург И. Шоу. Представители этих организаций активно помогали российскому ученому в сборе материала к его исследованию.

Отметим, что «Система труда» была написана на британском материале, на английском языке и должна была быть опубликована в Англии. Швиттау в работе показал, как происходит повышение квалификации работников при совместной деятельности профсоюзов и народных школ. Такая постановка вопроса даже в

западных странах в то время выдвигалась еще крайне редко. В этот период ученый продолжал публиковать в России научные статьи, посвященные преимущественно трудовому праву Англии²⁰³. Он собрал уже весьма обширный материал по избранной теме, когда началась Первая мировая война, вследствие чего состоялось его возвращение в Россию осенью 1914 г. Впрочем, вывести весь объемный материал не удалось, и в 1915 г. была опубликована только первая часть задуманного труда²⁰⁴. Под «политикой труда» понималась совокупность самых разнообразных и разнородных мероприятий, предпринимаемых правительством, обществом, отдельными союзами и даже лицами в области регулирования отношений и состояния наемного труда в промышленности. Таким образом, под это понятие Швиттау подводил не только государственно-правовую регламентацию трудовых отношений, но и то, что сейчас называется деятельностью социальных партнеров. Он писал: «Нами устанавливается идея квалифицированного труда как основное, исходное начало для рационального и планомерного воздействия со стороны государства и общества на современные наемные отношения труда в целях его поднятия до степени труда высшего качества»²⁰⁵. В этой связи достижение квалифицированного труда определялось тремя моментами: 1) рациональная подготовка к нему; 2) строго систематическое и интенсивное его применение; 3) стремление к наибольшей его производительности в целях достижения высших ступеней культурного развития как отдельной личности, так и общества в целом. Швиттау дал следующие характеристики квалифицированного труда как разновидности хозяйственного труда: 1) определенная степень предварительной подготовки его субъекта (промысловая подготовка, ученический договор, «обучение труду» в процессе трудовой деятельности и др. 2) техническое оборудование труда и определение его интенсивности (ра-

---

²⁰³ См.: Швиттау Г.Г. К вопросу о рациональной подготовке общественных работ. СПб., 1912; Он же. Ночной труд подростков в Англии. СПб., 1913; Он же. Меры против нужды и бедствий, выдвигаемых событиями войны в Англии. СПб., 1914 и др.

²⁰⁴ См.: Швиттау Г.Г. Квалифицированный труд. Ч. 1. Проблемы детского труда. Пг., 1915.

²⁰⁵ Там же. С. V.

бочее время, заработная плата, нормирование труда и др.); 3) рационализация труда, т.е. соотношение между объектом и субъектом труда, направленное на определение рационального приложения труда как процесса, в том числе посредством заключения трудового и коллективных договоров²⁰⁶.

Относительно проблем детского труда Швиттау рассмотрел правовую регламентацию «ремесленного» и «приходского» ученичества, которые не представляли собой специального способа подготовки детей к квалифицированному труду, а являлись в первом случае условием вступления в гильдию, а во втором – неудачную попытку призрения детей-поуперов на трудовых началах. Далее анализируется законодательная охрана труда малолетних, минимальный возраст начала ученичества и трудовой деятельности. Вывод автора таков: «Моральное значение труда для детей и подростков находит свое признание в том смысле, что детский труд должен быть исключительно или преимущественно трудом учебно-воспитательным»²⁰⁷. Говоря о соотношении школы и промысла, Георгий Георгиевич констатировал, что оно должно быть особым. Наряду с обеспечением детей надлежащей степенью общего и профессионального образования школа должна брать на себя попечение о дальнейшей судьбе подростка, в том числе содействовать при выборе профессии, в посредничестве при приискании занятий, в предупреждении деградации полученной подготовки. Забегая вперед, отметим, что эти идеи были частично реализованы при создании советской трудовой школы.

Еще одним из направлений научных изысканий ученого стали проблемы трудовой помощи. Он активно сотрудничал с Попечительством о трудовой помощи, которое состояло под Августейшим покровительством ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, публиковал аналитические статьи в журнале «Трудовая помощь», издаваемом этим Попечительством. Журнал ставил своей задачей теоретическую и особенно практическую разработку вопросов трудовой помощи бедным в различных ее формах, а также других вопросов общественного

---

²⁰⁶ См.: Швиттау Г.Г. Квалифицированный труд. Ч. 1. Проблемы детского труда. С. 115-117.

²⁰⁷ Там же. С. 231.

признания и благотворительности в широком смысле. В этом журнале за период 1911 – 1916 гг. была помещена целая серия статей Г.Г. Швиттау. В них был дан обзор и анализ деятельности тех учреждений в России, которые осуществляли подготовку крестьянских женщин к ручному профессиональному труду, деятельности земств по оказанию лечебно-продовольственной помощи рабочим, рассматривались вопросы о рациональной постановке общественных работ, благотворительной функции ремесленных управлений в России²⁰⁸. В этот же период Швиттау переводил и осуществлял общую редакцию зарубежных изданий, посвященных организации трудовой помощи²⁰⁹. Результатом научных исследований в рассматриваемой области стала двухтомная фундаментальная работа «Трудовая помощь в России», которая была издана за счет специальных сумм премии императрицы Александры Федоровны. Первый том был посвящен вопросам теории, истории и практики организации трудовой помощи в России²¹⁰. Г.Г. Швиттау трудовую помощь расценивал не только как форму благотворительности, но и как принцип рациональной системы общественного признания. При этом он признавал необходимость взаимодействия всех трех отраслей признания: государственного, общественного земств и городов и частного (благотворителей и благотворительных ведомств). Основанием общественного признания должно служить право неимущего на помощь и обязанность государства оказать ее всем нуждающимся. По мнению ученого, всех нуждающихся необходимо расчленить на две категории. Одну из этих категорий образуют полные

---

²⁰⁸ См. Швиттау Г. Г. Формы помощи ручному труду // Трудовая помощь. 1911. № 5. С. 429-457; № 6. С. 1-26; Он же. Деятельность Саратовского земства по оказанию лечебно-продовольственной помощи для рабочих в 1903 – 1912 гг. // Там же. 1912. № 3. С. 263-282; № 5. С. 460-490; Он же. К вопросу о рациональной постановке общественных работ // Там же. 1912. № 8. С. 233-253; № 9. С. 337-354; Он же. Общественные работы Попечительства о трудовой помощи // Там же. 1914. № 1. С. 1-21; № 2. С. 109-126; № 3. С. 225-246; № 4. С. 355-383; Он же. Благотворительная функция ремесленных управлений в России // Там же. 1916. № 5. С. 428-436.

²⁰⁹ См., например: Кормуль-Гулесс Эд. Трудовая помощь / Пер. и ред. Г.Г. Швиттау. СПб., 1914.

²¹⁰ См.: Швиттау Г.Г. Трудовая помощь в России. Ч. 1. Пг., 1915.

инвалиды труда, материальное обеспечение которых должно составлять одну из государственных функций, т.е. должно быть для государства безусловно обязательным независимо от формы (даровое лечение, призрение, страхование и т.д.). Вторую категорию нуждающихся образуют все неимущие, которые в состоянии трудиться (безработные в широком смысле этого слова). Трудовая помощь охватывает именно эту категорию лиц. Под трудовой помощью понимается система мероприятий, направленных на борьбу с нуждой, обусловленной вынужденной или добровольной праздностью, путем (посредством) труда. Швиттау выделял следующие основные виды трудовой помощи: 1) подготовка к труду неимущих лиц малолетнего возраста в форме трудового приюта и промыслового обучения как необходимых условий их нормальной трудовой жизни в будущем; 2) помощь вполне трудоспособным преимущественно в форме предоставления им работы, заработка (посредничество по приисканию занятий, общественные работы, дома трудолюбия и др.), а при наличии, но недостаточности заработка – оказание помощи натурой (питанием, одеждой и др.); 3) восстановление работоспособности лиц, морально опустившихся, ослабевших физически, временно ставших неспособными к труду (рабочие колонии для взрослых, лечебные учреждения для алкоголиков и др.)²¹¹. Однако при этом ученый особо подчеркивал, что, «называя призрение помощью, мы уже заранее исключаем какие-то бы ни было мероприятия карательного характера и какой бы то ни было элемент принудительности к призреваемому»²¹². Второй том рассматриваемого издания был посвящен обзору и анализу деятельности состоящего под покровительством императрицы Александры Федоровны Попечительства о трудовой помощи от момента его учреждения (1895 г.) до начала 1914 г.²¹³

В 1915 г. в Московском университете Швиттау защитил докторскую диссертацию на тему «Квалифицированный труд» и был впоследствии утвержден в качестве доктора политэкономии и статистики. Стоит только сожалеть, что две другие части заду-

---

²¹¹ Швиттау Г.Г. Трудовая помощь в России. Ч. 1. С. 8.

²¹² Там же. С. 7.

²¹³ См.: Швиттау Г.Г. Трудовая помощь в России. Ч. 2. Пг., 1915.

манной работы так и не были написаны, тем более что третья часть должна была быть специально посвящена правовому регулированию трудовых отношений. В 1916 г. Швиттау покидает северную столицу и занимает кафедру ординарного профессора Новороссийского университета и остается в этой должности до 1919 г. Здесь он вновь обращается к проблемам труда и трудовой деятельности. Труд рассматривается как основа народного хозяйства в ключе опыта решения вопроса о наиболее рациональном использовании народом своих рабочих сил с точки зрения достижения труда «высшего качества» (квалифицированного)²¹⁴. Он определяет труд как живой процесс, как народный труд, который в своем развитии знает три момента. Во-первых, это момент самого образования труда, его возникновения как рабочей силы и его подготовку к намеченной цели; во-вторых, момент приложения труда для получения ожидаемых результатов, в-третьих, момент организации труда для объединения всех отдельных усилий в общих целях развития культуры как отдельных наций, так и культуры всего человечества²¹⁵.

Революционные потрясения в полной мере затронули и город Одессу, а гражданская война окончательно дезорганизовала учебный процесс в университете, да и весь уклад профессорского бытия. В январе 1918 г. в городе была установлена советская власть, но уже в марте того же года туда вошли австрийские и немецкие войска, которые в ноябре 1918 г. были заменены бывшими союзниками императорской России, преимущественно французскими войсками. В апреле 1919 г. советская власть была восстановлена, а в августе того же года Одессу заняли войска генерала А.И. Деникина. Только в феврале 1920 г. город был окончательно освобожден Красной Армией. В этот период в судьбе Швиттау происходит крутой поворот, и в 1919 г. его отправляют, если верить материалам личного дела, в научную командировку за границу. Непонятно только, представители какой власти приняли такое решение: большевики, белое Особое совещание, либо командование союзников, либо немецкая администрация. Скорее

---

²¹⁴ См.: Швиттау Г. Г. Социально-экономические очерки. Одесса, 1918. С. 68.

²¹⁵ Там же. С. 69-70.

всего, Швиттау просто эмигрировал в условиях полного хаоса и прямой угрозы жизни для него и его семьи. За границей он жил сначала в Англии, а затем во Франции, Германии, Италии, Канаде и США. Прекрасное владение иностранными языками и европейская известность позволили ему достаточно быстро адаптироваться на чужбине и даже опубликовать ряд научных работ на английском и немецком языках. В конце 1921 г. в судьбе ученого произошел еще один крутой поворот. Он согласился занять должность ученого специалиста при торгпредстве СССР в Берлине, а затем в Лондоне и Гамбурге. Этому есть вполне рациональное объяснение. Несмотря на то что в Европе Швиттау не был «чужим», он являлся русским патриотом, а в России остались его близкие. Кроме того, НЭП дал основание бывшему легальному марксисту считать, что советская политика поворачивается в правильное эволюционное русло. Вероятно, сыграло роль и хорошее денежное содержание, выплачиваемое в торгпредстве, тогда как в разоренной войной Европе научная деятельность не позволяла вести достойный образ жизни. В свою очередь советское руководство стало относиться уважительно к «буржуазным специалистам», так как развивающиеся экономические отношения с окружающим миром требовали не только революционного натиска и большевистской решительности, но и умения торговать, профессиональных знаний в области экономики и права. Очевидно, что революционные матросы и большинство профессиональных революционеров этими знаниями не обладали. В этой связи обращение за интеллектуальной помощью к ученому-эмигранту, не участвовавшему в борьбе с советской властью и вдобавок ко всему марксисту, было вполне логично.

Швиттау честно поставил свои знания и талант на службу внешнеэкономическим интересам Советской России²¹⁶, но в самой России вскоре настали иные времена. Свертывание НЭПа и рост недоверия к «буржуазным специалистам» привели к тому, что он был отозван в СССР и с 1929 по 1933 г. работал в системе Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. С 1934

---

²¹⁶ См.: Швиттау Г.Г. Революция и народное хозяйство России (1917 – 1921). Берлин, 1922; Он же. Русская кооперация на внешнем рынке. Берлин, 1923 и др.

по 1937 г. он занимал должность профессора и заведующего кафедрой организации и статистики советской торговли в Иркутском институте советской торговли, где обратился к правовой стороне торговой деятельности²¹⁷. После закрытия института Швиттау назначают профессором кафедры экономической географии Воронежского госуниверситета и одновременно заведующим кафедрой экономической географии Воронежского педагогического института. В этот период он был лишен возможности заниматься проблемами правового регулирования трудовых отношений за рубежом, так как считалось, что трудового права на Западе просто нет, а трудовые отношения там регулируются нормами гражданского права. В ноябре 1939 г. в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) были представлены документы из Воронежского университета на присуждение Швиттау ученой степени доктора экономических наук без защиты. Но это решение не было принято с иезуитским обоснованием в том духе, что Воронежский университет имеет слишком низкий ранг по сравнению с МГУ и другими столичными вузами. При этом напомним, что Швиттау защитил докторскую диссертацию еще в 1915 г. и именно в Московском университете. Лояльные советской власти ученые получали докторские степени без защиты, не имея за душой даже магистерских диссертаций.

При захвате Воронежа фашистами в июле 1942 г. в результате пожара погибли почти все рукописи ученого, а сам он был отправлен сначала в Познань, а затем в Прагу, где находился до мая 1945 г. Возникают вопросы: в качестве кого и каким образом он там оказался? В анкете род занятий за этот период он указал как «безработный». Можно предположить, что Швиттау вряд ли был отправлен в Германию в качестве пленного или бесплатной рабочей силы вследствие его преклонного возраста и профессии. Скорее всего, он был отправлен в качестве фольксдойче (немца, родившегося и выросшего за пределами исторической родины) на землю предков. В этой связи более понятным становится и положение безработного, и нахождение в Праге. После мая 1945 г. Швиттау был репатриирован и восстановлен в прежних должно-

---

²¹⁷ См.: Швиттау Г. Г. Сборник законоположений и распоряжений по вопросам советской торговли. Иркутск, 1936.

стях в воронежских вузах. При этом он не был репрессирован и, судя по всему, даже не содержался в фильтрационном лагере. Объяснений этому может быть несколько, но самым вероятным выглядит сотрудничество с советскими органами безопасности, причем еще с «торгпредского периода» 20-х гг. Впрочем, документы на этот счет отсутствуют, и что-либо категорично мы утверждать не можем.

Во второй половине 1946 г. Швиттау переходит на работу в Ярославский педагогический институт, где занимает сначала должность профессора, а с 1947 г. – заведующего кафедрой экономической географии. В июне 1948 г. ВАК утверждает его в ученом звании профессора, а в декабре 1949 г. его принимают в число действительных членов Географического общества СССР. Швиттау был ученым огромной эрудиции, по-научному честолюбивым. Он опубликовал около 220 работ, в том числе 11 монографий, а также несколько десятков книг и статей за рубежом, преимущественно в Англии и Германии. Но, как специалист по правовому регулированию трудовых отношений в зарубежных странах, он не смог полностью реализоваться, точнее ему этого не дали. Более того, на протяжении всего советского периода он был вынужден подчеркивать ошибочность своих взглядов на западное трудовое законодательство и каяться в симпатиях к легальному марксизму. Он начал свой творческий путь как один из первых специалистов по зарубежному трудовому праву, но после революции в лекциях и печатных работах касался этой проблемы фрагментарно. Вместе с тем в силу широты постановки проблемы и комплексного подхода его публикации и в настоящее время представляют определенный научный интерес. Умер Г.Г. Швиттау в ноябре 1950 г., оставаясь до последних дней преподавателем Ярославского педагогического института.

Заключение.

В будущее с опорой на прошлое

Традиции сохраняет не тот, кто бережет пепел, а тот, кто поддерживает огонь.

Педагогическая мудрость

К 1917 г. в России начал формироваться слой специалистов в области правового регулирования трудовых отношений, который в дальнейшем мог составить костяк научных и практических работников в социальной сфере. Более того, некоторые ученые в дореволюционный период уже заняли высокие должности в государственном аппарате. Это, в частности, профессор Демидовского юридического лицея И.Я. Гурлянд, а также В.В. Громан, В.П. Литвинов-Фалинский и др. После Февраля 1917 г. на государственную службу перешла целая плеяда видных ученых-трудовиков: Л.С. Таль, А.Н. Быков, К.М. Варшавский и др. Октябрьские события 1917 г. резко оборвали эту тенденцию, а руководство центральными социальными ведомствами осуществлялось в дальнейшем преимущественно коммунистами-практиками, зачастую малообразованными. Достаточно сказать, что из трех наркомов труда СССР в 1923 – 1933 гг. (В.В. Шмидт, Н.А. Угланов, А.И. Цихон) ни один не имел даже оконченного среднего образования. В этой связи долго трудовое право и социальная практика существовали «раздельно».

На Западе ситуация сложилась несколько иначе. Именно преподаватели и выпускники вузов первых двух десятилетий XX в. стали идеологами, а отчасти и руководителями социальных реформ. Так, среди разработчиков трудового законодательства «Нового курса» президента США и дипломированного юриста

Ф.Д. Рузвельта²¹⁸ были Ф.Д. Биддл (1886 – 1968), выпускник юридического факультета и юридической школы Гарварда, возглавивший в 1934 – 1935 гг. Национальный совет по трудовым отношениям, Ф. Перкинс (1882 – 1965), выпускница Колумбийского университета, в 1929 – 1933 гг. возглавлявшая департамент труда штата Нью-Йорк, а в 1933 – 1945 гг. бывшая секретарем по вопросам труда США. Она была первой женщиной – членом правительства США. Выпускник Принстона Д.Г. Уинант (1889 – 1947) являлся в 1935 – 1941 гг. помощником директора МОТ, совмещал преподавательскую и дипломатическую работу. Г. Гопкинс (1890 – 1946), юрист по образованию, был одним из главных разработчиков социальной политики в годы президентства Ф.Д. Рузвельта. Госсекретарь США в 1949 – 1953 гг. Д.Г. Ачесон (1893 – 1973) начинал свою профессиональную деятельность юристом с поста секретаря члена Верховного Суда США Л. Брэндайса, одного из наиболее компетентных американских специалистов по вопросам трудового права. Занимался данными проблемами и его молодой помощник. И это не только специфика США. Многолетний премьер-министр Канады У.Л. Кинг (1874 – 1950) был крупным специалистом по вопросам труда, в том числе его правового регулирования. Премьер-министр Великобритании К.Р. Эттли (1883 – 1967) сумел победить на выборах У. Черчилля и возглавить кабинет в 1945 – 1951 гг. Как юрист, он получил известность, выступая защитником по трудовым делам и по делам, связанным с забастовками рабочих на судебных процессах в начале XX в.

Можно было предположить, что недоверие новой советской власти к старым «буржуазным» специалистам по трудовому праву не распространится на новую советскую генерацию юристов. Но этого не произошло. В дальнейшем советскую социальную политику определяли почти исключительно многоопытные партийные функционеры, «крепкие хозяйственники», имевшие в лучшем случае инженерное образование. Отсюда технократичность мышления и утилитарный подход к проблемам труда. Из

---

²¹⁸ См. подробнее: Лушников А.М. «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта и развитие учения о трудовых правах человека // *Lex russica*. 2004. № 4. С. 913-922.

всех советских специалистов в сфере трудового права исключение составил разве только К.П. Горшенин (1907 – 1978), бывший Прокурором СССР и министром юстиции СССР в 1943 – 1956 гг. Даже существовавший в 1955 – 1991 гг. Государственный комитет по труду и социальным вопросам возглавляли безликие номенклатурщики, о которых практически ничего не известно: А.П. Волков, В.Г. Ломоносов, Ю.П. Баталин, И.И. Гладкий, В.И. Щербаков. Кто руководил этим комитетом с конца 50-х до 1976 г., установить вообще не удалось²¹⁹. Исключение составил первый его председатель в 1955 – 1956 гг. Л.М. Каганович (1893 – 1991), но данное назначение не может вызвать ничего, кроме недоумения. Этот политический деятель прославился тем, что в принципе игнорировал право, в том числе и трудовое. Для него не существовало таких понятий, как рабочее время и время отдыха, техника безопасности, а «штурмовщина» стала фирменным стилем руководства. В отношениях с подчиненными он отличался склонностью к рукоприкладству и нецензурной брани. Этот «интеллектуал» с двумя классами образования и юностью в сапожной мастерской добивался хозяйственных целей преимущественно при помощи угрозы ареста подчиненных, а возглавляемые им ведомства подвергались наибольшей «чистке» в 30-е гг. Именно он организовал подавление забастовки доведенных до отчаяния ивановских рабочих в 1932 г. И этот человек должен был формировать государственную политику в сфере труда и социальных отношений?

При этом очевидно, что юридическое образование само по себе ничего не гарантирует и ни от чего не страхует. Напомним о том, что выпускниками юридических вузов до 1917 г. являлись такие не склонные считаться с правом личности, как глава НКВД В.Р. Менжинский (1874 – 1934), Прокурор СССР А.Я. Вышинский (1883 – 1954), первый советский Нарком юстиции Г.И. Ломов (Оппоков) (1888 – 1937), известные деятели правоохранительной системы В.П. Антонов-Саратовский (1884 – 1965), М.С. Кедров (1878 – 1941) и др. Последний, как уже указывалось, закончил Демидовский юридический лицей. Студентами-

---

²¹⁹ См.: Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917-декабрь 1991 гг. М., 1994. С.415.

недоучками юридических факультетов в дореволюционный период были советские идеологи Н.И. Бухарин (1888 – 1939) и Е.А. Преображенский (1886 – 1937), руководители советских карательных органов В.А. Балицкий (1892 – 1937), М.И. Гай (Штоклянд) (1898 – 1937), Я.Д. Рапопорт (1898 – 1962) и др. Вместе с тем юрист, знающий, что он поступает противоправно, менее безнадежен, чем тот, кто даже не догадывается о своем произволе. Это примерно равнозначно тому, что нарушитель правил дорожного движения, знающий их, более вменяем, чем водитель, даже не догадывающийся о существовании этих правил. Так, А.Я. Вышинский, при всей одиозности этой личности, принимал некоторые меры по спасению ученых-юристов старой школы, в том числе Н.Н. Полянского, о котором говорилось ранее.

Только руководство советского Наркомата иностранных дел действительно облагородили своим присутствием дореволюционные юристы Л.М. Карахан (1889 – 1937), Н.Н. Крестинский (1883 – 1938), И.Л. Лоренц (1890 – 1942), И.М. Майский (1884 – 1975), а также известный впоследствии ученый-трудовик Л.Я. Гинцбург (1901 – 1976). Впрочем, все они были репрессированы, а пережить допросы и лагеря смогли только двое последних. Это же можно сказать о многих советских ученых-трудовиках, которые постепенно были выключены из научной жизни, эмигрировали, как Л.С. Таль, или были репрессированы. Например, наиболее яркие советские ученые-трудовики 20-х гг. И.С. Войтинский (1884 – 1943) и К.М. Варшавский (1893 – 1981) были арестованы, а первый из них умер в заключении. Д.М. Генкин (1884 – 1966) и П.Д. Каминская (1897 – после 1959) вынуждены были сменить научную специализацию с трудового права на гражданское. Открытой травле подвергались молодые ученые-трудовики, закончившие уже советские юридические вузы, такие как Н.Г. Александров (1908 – 1974), А.Е. Пашерстник (1900 – 1958)²²⁰.

Остается только сожалеть, что потенциал ученых-трудовиков начала XX в., в том числе представителей ярославской юридиче-

---

²²⁰ См. подробнее: Лушников А.М. Наука трудового права России. Историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003. С. 141-167.

ской школы, так и не был востребован для формирования государственной политики в сфере трудовых и социальных отношений. Если бы события развивались иначе, возможно, мы бы писали о видных дипломатах Н.Н. Голубеве, Н.Н. Кравченко, Г.Г. Швиттау, крупных государственных деятелях Л.С. Тале, В.Н. Ширяеве, Н.Н. Полянском и др. Но мы написали о том, что было. Вместе с тем ярославские ученые создали мощную интеллектуальную базу, своеобразную опору и основу для дальнейшего развития. Советский период при всей его противоречивости, идеологической заданности и даже трагизме также дал немало образцов подлинно научных исследований трудовправовой проблематики. Но парадигма трудового права меняется, и мир постепенно переходит от индустриальной к постиндустриальной его модели. Моноотраслевой подход все более уступает место комплексному анализу правового регулирования труда, а служебное, подчиненное назначение трудового права уступает место приоритету его гуманистической, социальной функции. В этой связи не просто актуальными, а злободневными становятся трудовправовые конструкции столетней давности, ставящие во главу угла интересы конкретной личности и согласующие интересы конкретного работника, реального производства и демократического государства. Технический прогресс за этот период до неузнаваемости изменил технологическую сторону процесса труда, но обоснованные ярославскими учеными гуманистические ценности остались неизменными.

Раздел II. Юридическая библиография

Т.Ю. Барышникова

**Рец. на кн.: Дмитриева И.К. Принципы
российского трудового права: монография.
М.: РПА МЮ, 2004. – 334 с.**

Проблема отраслевых принципов традиционно является одной из центральных тем в российской науке трудового права, вопросы теоретического обоснования и практического применения принципов всегда привлекали внимание ученых-трудовиков. Книга И.К. Дмитриевой «Принципы российского трудового права» вызывает несомненный интерес как классическое монографическое исследование, в котором сочетается традиционный методологический подход к изучению принципов трудового права с новизной в рассмотрении ряда аспектов проблемы.

Структура монографии достаточно традиционна: автором исследуется понятие принципов права, соотношение принципов права и норм права, место принципов трудового права в системе принципов права, значение и содержание основных принципов трудового права, виды принципов. Однако при традиционной структуре исследования автором делаются особые акценты на влияние на формирование системы принципов российского трудового права общепризнанных принципов и норм международного права и международно-правовых актов, а также частно-правовых и публично-правовых начал в регулировании трудовых отношений.

Автором проведен комплексный анализ научных трудов таких авторов, как Н.Г. Александров, В.С. Андреев, Б.К. Бегичев,

---

Л.Ю. Бугров, С.Ю. Головина, К.Н. Гусов, А.Д. Зайкин, И.Я. Киселев, Р.З. Лившиц, М.В. Лушникова, А.М. Лушников, М.В. Молодцов, Ю.П. Орловский, А.С. Пашков, Г.С. Скачкова, О.В. Смирнов и других ученых, внесших значительный вклад в разработку принципов трудового права. При этом автор не ограничивает проводимое исследование исключительно отраслевыми рамками трудового права. Ею проводится исследование не только в области трудового, но и в области конституционного, международного, гражданского права. Заслуживает внимания подход к исследованию принципов трудового права с точки зрения связи и взаимообусловленности частно-правовых и публично-правовых начал в правовом регулировании трудовых отношений (с. 141-145).

Вместе с тем необходимо отметить, что в ходе исследования не всегда четко прослеживается позиция автора по некоторым вопросам. Рассмотрение ряда их носит аналитический характер и не позволяет выявить авторскую точку зрения, в частности, при анализе соотношения норм и принципов права (с. 40-41), места международных договоров в системе источников российского права (с. 54-96) и ряде других вопросов. Аналитический характер носит также описание полемики о классификации конституционных прав личности (с. 201-206), структуре отношений, входящих в предмет трудового права (с. 152 и след.), описание процессов обсуждения конвенций и рекомендаций МОТ (с. 120 и след.), общая характеристика ТК РФ (с. 266-271).

Однако такая емкая и содержательная работа не может не вызвать определенных размышлений, дискуссий, а они возникают, так как у разных авторов свое видение проблем. Так, И.К. Дмитриева считает, что принципы правового регулирования труда (ст. 2 ТК РФ) отражаются в содержании основных прав и свобод (с. 200). Придерживаясь такой концепции, автор фактически занимает позицию, изложенную Н.Г. Александровым, В.С. Андреевым, А.Е. Пашерстником и другими авторами, в соответствии с которой принципами являются основные права и свободы личности (с. 198). По нашему мнению, нет смысла дублировать в качестве принципов основные права работника; кроме того, система принципов трудового права не исчерпывается лишь перечислением основных прав работников. Логичнее было бы

объединить все права и свободы в едином принципе гарантированности прав работников.

В целом содержание принципов трудового права раскрывается автором в полном соответствии с классификацией принципов, изложенных в ст. 2 ТК РФ. Авторской систематизации принципов не предложено. При этом И.К. Дмитриева считает необоснованными предложения некоторых ученых об исключении из перечня принципов, перечисленных в ст. 2 ТК РФ, «излишних» принципов (с. 229). Думается, что в ст. 2 ТК РФ принципы изложены крайне бессистемно, частично дублируют друг друга, некоторые из них (в частности, принцип обеспечения права на обязательное социальное страхование, принцип защиты от безработицы и содействия в трудоустройстве) являются принципами иных отраслей права (права социального обеспечения).

Автором выделяются в качестве двух самостоятельных принципов принцип обеспечения права на защиту и принцип обеспечения права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров. И.К. Дмитриева включает в первый из названных принципов осуществление защиты прав и интересов путем государственного контроля, в том числе в сфере охраны труда, а также самозащиту (с. 235), осуществление защиты органами по разрешению трудовых споров относится уже ко второму из названных принципов. Считаем такой подход достаточно спорным.

Автор относит к принципам трудового права, помимо принципов трудового права, также принципы разграничения правотворческой компетенции РФ и субъектов РФ, принципы правотворчества, принципы правового регулирования труда. По нашему мнению, последние три группы принципов логичнее было бы объединить в рамках единой группы – принципов построения системы источников трудового права.

Некоторые важные вопросы вышли за рамки исследования. Так, И.К. Дмитриева предлагает ввести в ст. 2 ТК РФ принцип запрета злоупотребления правом и добросовестного исполнения обязанностей (с. 326). Однако в ходе исследования автором не было уделено внимания проблеме понятия и содержания принци-

па добросовестности, а также понятию злоупотребления правом и проблемам реализации указанного принципа.

Между тем указанные спорные моменты носят частный характер и отражают актуальность и полемичность исследования. Дискуссионность некоторых суждений автора является ступенью к дальнейшему продолжению исследования в области принципов трудового права. Книга И.К. Дмитриевой характеризуется академичностью подхода к рассмотрению вопросов и позволяет углубить представление о сущности принципов трудового права. Эта содержательная по характеру книга, безусловно, занимает достойное место среди монографических исследований по проблемам принципов трудового права.

Т.Ю. Барышникова, Ю.А. Кузнецов

**Рец. на кн.: Нестерова Т.А.
Государственные органы и их служащие
в системе защиты трудовых прав: монография. –
Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 406 с.**

Рецензируемая монография посвящена вопросам теоретического определения понятия «защита трудовых прав», системы защиты трудовых прав, формы и содержания защиты трудовых прав, а также места государственных органов в системе субъектов защиты. Необходимо отметить безусловную актуальность темы исследования, связанную прежде всего с малоизученностью обозначенных проблем в доктрине трудового права, а также с включением в ТК РФ новой главы, посвященной защите трудовых прав.

Структура монографии достаточно необычна и включает в себя две части: в первой части (главы 1 и 2) раскрываются общетеоретические конструкции системы защиты трудовых прав, а вторая часть (главы 3 – 7) посвящена раскрытию роли отдельных органов власти в осуществлении деятельности по защите трудо-

вых прав. Оригинальным, но не бесспорным представляется изложение во второй части работы особенностей правового положения служащих рассматриваемых органов власти. На наш взгляд, спорен сам факт отнесения правового регулирования труда государственных служащих к предмету трудового права.

К несомненным достоинствам работы стоит отнести исследование обширного пласта юридической литературы по избранной проблематике, однако следует заметить, что Т.А. Нестеровой практически не было уделено внимания исследованию литературы в области гражданского права и в целом больше внимания уделено исследованию «публично-правовой составляющей» защиты трудовых прав, что, по нашему мнению, обедняет исследование, делает его односторонним и приводит к тому, что заявленная цель работы – исследование системы защиты – достигается не в полной мере. Кроме того, хотелось бы отметить, что рассмотрение некоторых вопросов носит аналитический характер и не позволяет выявить авторской точки зрения: в частности, на с. 30-32 приведены точки зрения о понятии мер защиты, но не дана ей оценка, на с. 35 автор ограничивается констатацией суждений различных ученых по вопросу о юридических гарантиях, но также не дает оценки данным суждениям.

В некоторых случаях Т.А. Нестерова ограничивается констатацией наличия проблемы и не предлагает ее решения и не доводит начатую мысль до конца. Так, она справедливо отмечает, что в системы защиты входит деятельность по защите прав не только работника, но и других субъектов трудового права, однако исследует вопросы защиты лишь трудовых прав работника и не раскрывает особенностей защиты прав других субъектов трудового права. А при раскрытии классификации способов защиты (с.74-76) автор ставит целью классификации «оценку разнообразия способов защиты». Думается, что любая классификация только тогда приобретает юридический смысл и значимость, когда имеет практическое значение. По нашему мнению, классификация способов защиты по объекту защиты необходима для того, чтобы оценить влияние объекта защиты на выбор способа защиты. В этом смысле практическую ценность имеет классификация объ-

екта защиты на субъективное право и охраняемый законом интерес. Автор такой классификации на страницах работы не привел.

Большинство выводов Т.А. Нестеровой носят дискуссионный характер. Так, нельзя согласиться с мнением о том, что защите подлежит не только субъективное право, но еще и естественные трудовые права (с. 29). Такое суждение автора проистекает из того, что она смешивает два смысла понятия «защита»: как общей характеристики трудового права и как деятельности по устранению препятствий на пути реализации субъективного права, что ставит под сомнение определенность предмета исследования.

Вызывает возражение данное автором определение понятия «защита права», которое рассматривается с точки зрения элементов системы защиты, т.е. как «результата интеграции форм, способов, средств, мер, находящихся в распоряжении субъекта трудового права и обеспеченных силой государств, для отражения чужих притязаний, преодоления препятствий и сохранения естественного состояния права, протекающих в определенных стадиях, опосредованных степенью выражения угрозы праву» (с. 44-45). Т.А. Нестерова считает, что «правовое качество, которое применительно к субъективному праву проявляется как его защита, применительно к праву в объективном смысле детерминирует его охрану» (с. 39). Думается, что защиту необходимо рассматривать не только как статическую совокупность форм и способов защиты, не как правовое качество, имеющее статичный характер, но прежде всего как деятельность по восстановлению нарушенного права. Именно такой подход позволяет учесть характер субъектов, уполномоченных на защиту прав, особенности осуществления защиты различными по своей природе субъектами. Кроме того, определение, данное автором, позволяет включать в механизм защиты и регулятивную, и охранительную части. Такая неопределенность термина приводит автора в дальнейшем к противоречиям: на с. 54 она указывает, что формы защиты – это вид юридической деятельности, в которой протекает охранительное правоотношение, а на с. 57 утверждает, что в содержание защиты входит профилактика правонарушений и относит к способам защиты нормотворчество, оказание юридической помощи (с. 56), протекающие в рамках регулятивных правоотношений.

К субъектам защиты Т.А. Нестерова относит субъектов охранительных правоотношений (с. 55). Однако дальнейшая их классификация на лиц, нуждающихся в защите, и лиц, осуществляющих защиту, позволяет сделать вывод о том, что здесь имеются в виду одновременно два разных вида правоотношений: материально-охранительные правоотношения и процессуальные правоотношения. К сожалению, автор не делает разграничения между этими двумя видами правоотношений, что и приводит его к противоречиям.

Т.А.Нестерова считает необходимым разделить понятия «способ» и «мера» защиты, при этом под способом защиты понимается порядок реализации субъектами охранительного правоотношения своих правомочий. При этом она относит к способам защиты «осуществление правосудия в виде уголовной, гражданской, административной юрисдикции»..., нормотворчество, надзор и контроль, исполнение юрисдикционных актов, оказание юридической помощи и т.п. (с. 56). Мы не можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку порядок реализации субъектами своих правомочий вытекает из формы защиты, predetermined ею, следовательно, выбор формы защиты однозначно повлечет за собой применение определенного порядка реализации субъектом защиты своей деятельности. Таким образом, понятие способа защиты в том смысле, который в него вкладывает автор, охватывается понятием формы защиты и самостоятельного значения иметь не может.

Заслуживает внимания попытка раскрыть принципы защиты трудовых прав, к которым автор относит законность, плюрализм, упорядоченность процедур, компетентность и независимость органа, доступность, процессуальную поддержку работника как наиболее слабой стороны трудового правоотношения (с. 52, 180). Полагаем, что первые пять названных принципов являются принципами, характеризующими защиту прав в целом, вне зависимости от отраслевых особенностей, кроме того, вряд ли есть необходимость дублировать в качестве принципа защиты принцип законности как носящий общеправовой характер. Непонятно, зачем выделять самостоятельный институт защиты трудовых прав (с. 44), если его принципы дублируют общеправовые и отрасле-

вые принципы. Что касается принципа процессуальной поддержки работника, то думается, что этот принцип не может характеризовать защиту трудовых прав и интересов в целом, так как в деятельности по самозащите, при административном и общественном порядке защиты этот принцип не проявляется, а при осуществлении деятельности суда по защите права этот принцип будет представлять собой не что иное, как изъятие из принципа состязательности гражданского процессуального права.

Весьма интересной и обстоятельной представляется часть рецензируемой работы, посвященная определению места ряда правоохранительных органов в системе защиты трудовых прав. Если оценивать работу с этих позиций, по нашему мнению, к ее достоинствам стоит отнести то обстоятельство, что автором проведен анализ не только доктрины, но большого массива нормативных правовых актов в сфере административного, муниципального, конституционного и других отраслей законодательства, регламентирующих деятельность указанных органов и их должностных лиц. Таким образом, работа приобретает межотраслевой характер. Выводы и предложения, сделанные Т.А. Нестеровой, представляют интерес для специалистов не только в области трудового права, но и иных юридических наук, в частности ученых, занимающихся изучением деятельности правоохранительных органов (с. 83-101). Отдельные положения работы направлены на разрешение проблем в области уголовного и уголовно-процессуального права (с. 103 – 105). Т.А. Нестерова в своем исследовании касается спорных вопросов административного права, причем не только дискуссионных моментов административной ответственности за отдельные правонарушения, но и ряда других. Так, в частности, ею обосновывается авторское понимание административного процесса (с. 103 – 111).

Несмотря на указанные выше достоинства работы, необходимо обратить внимание на отдельные спорные моменты. Нам представляется, что автор необоснованно широко толкует термин "защита трудовых прав", включая в него уголовно-правовой и административно-правовой аспект. Безусловно, спецификой отрасли трудового права является сочетание как частно-правовых, так и публично-правовых начал. Однако, по нашему мнению, публично-правовые начала трудового права проявляются не в

возможности привлечения нарушителя трудовых прав к одному из видов публично-правовой ответственности. Если исходить из указанной позиции, придется признать, что к способам защиты субъективных гражданских прав относится, в частности, и уголовно-правовой способ, что не соответствует содержанию ст. 11, 12 ГК РФ. Уголовное право и административное право в части административной ответственности являются общеохранительными отраслями права, которые имеют свой предмет и метод регулирования, основываются на отраслевых принципах. В свою очередь, ст. 1 ТК РФ включает в предмет трудового права круг вопросов, связанных с защитой трудовых прав. Если же встать на позицию автора, придется признать, что уголовное и административное право как отрасли не имеют своего предмета, а следовательно, не являются самостоятельными отраслями правовой системы. Более того, придется признать, что трудовые права граждан защищаются и налоговым, и бюджетным, и таможенным законодательством. Это необоснованно расширяет предмет трудового права и фактически лишает данные отрасли права на самостоятельное существование.

Многоаспектной видится нам та часть работы, которая посвящена деятельности конкретных правоохранительных органов (гл. 3-5). Интересным и новым является подход Т.А. Нестеровой в освещении этой деятельности. Так, автором не только раскрывается место указанных органов в системе защиты трудовых прав, но и определяются пределы действия трудового права в регулировании труда работников этих органов. Безусловно, при использовании данного подхода от внимания автора не могли уйти проблемные вопросы, связанные с дискуссией об отраслевой принадлежности нормативных правовых актов, регулирующих службу сотрудников правоохранительных и иных государственных органов. Значительная часть рецензируемой работы посвящена исключительно анализу различных доктринальных концепций по данной проблематике (с. 129-159). В свою очередь, приведенное выше суждение в силу своего общего характера не в полной мере объясняет логическую структуру работы. При подобном обосновании в ней можно было рассматривать и вопросы исполнения своих обязанностей и реализации своих полномочий

депутатами Федерального Собрания РФ, высшими должностными лицами Российской Федерации и ее субъектов, т.е. тех лиц, чья деятельность не входит в предмет регулирования трудового права.

Глава 3 монографии посвящена роли судебной власти в механизме правоохраны. Автором исследуются вопросы, связанные с практическими трудностями при осуществлении правосудия по трудовым спорам, что иллюстрируется большим количеством решений по конкретным делам. Однако вызывает определенное недоумение то обстоятельство, что Т.А. Нестеровой к судебному способу защиты трудовых прав относится уголовное и административное судопроизводство (с. 163). На наш взгляд, несколько непоследовательно выглядят ее предложения по изменению действующего КоАП РФ (в части дополнения его особенной части) и УК РФ. Предлагаемые автором изменения никак не затрагивают суд в качестве субъекта защиты трудовых прав, поэтому рассмотрение данных вопросов в указанной главе не совсем логично. Более того, сами предложения не бесспорны. Так, Т.А. Нестерова предлагает дополнить гл. 19 УК РФ нормой (аналогичной ст. 5.27 КоАП РФ) об уголовной ответственности должностных лиц, представляющих работодателя, допустивших нарушение законодательства о труде. Не касаясь вопросов целесообразности такого законодательного нововведения, заметим лишь, что автором не учитывается то обстоятельство, что дефиниция должностного лица в КоАП РФ значительно отличается от его определения в уголовном законе. В предложенной редакции субъектом данного преступления будут лишь лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. В свою очередь, не вызывает сомнений, что нарушения трудовых прав в государственных (муниципальных) органах и учреждениях допускаются намного реже, чем в частных компаниях и у работодателей – частных предпринимателей.

Вторая часть главы 3 направлена на определение возможности распространения на судей трудового законодательства. На основе ряда предписаний ТК РФ и норм специальных законов Т.А. Нестерова делает вывод о том, что не существует каких-либо значимых особенностей статуса судьи, которые бы не позволяли рассматривать его в числе субъектов трудового права (с. 222). Вывод во многом спорный. Особый публично-правовой статус судьи неоднократно подчеркивался Конституционным Судом.

Глава 4 монографии посвящена месту и роли прокуратуры в системе правоохраны в сфере труда. Автором предлагается включить в предмет трудового права определенную часть общественных отношений, связанных с надзорными полномочиями прокуратуры, которые опосредствуют реализацию трудовых прав (с. 229). Данный вывод во многом является спорным. Если мы проанализируем ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», которая определяет виды прокурорского надзора, то придем к выводу о том, что все виды прокурорского надзора можно рассматривать в различных отраслях права. Это и уголовно-исполнительное право в части предмета надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями – мест содержания задержанных и заключенных под стражу, и гражданский процесс в части надзора за исполнением законов судебными приставами и т.д. Однако это прямо противоречит УИК РФ, ГПК РФ и ряду других кодифицированных нормативных актов. Роль федеральной инспекции труда (далее – Инспекция) в защите трудовых прав работников подробно освещена в главе 5. Раскрывая значение Инспекции в сфере защиты трудовых прав, автор показывает историю возникновения Инспекции, ее развитие, проводит анализ международных актов. Подобный подход, безусловно, относится к достоинствам исследования. Вместе с тем и в этой части не удалось избежать логических неточностей при изложении материала. Т.А. Нестерова вновь высказывает свои пожелания относительно реформирования законодательства об административных правонарушениях

(с. 294-295). Указанные предложения касаются как норм материального, так и процессуального права, причем не обязательно применительно к полномочиям Инспекции. В этой части спорным является утверждение о делящемся характере правонарушения в форме незаконного увольнения. Мотивируется это тем, что правовые последствия незаконного увольнения действуют длительное время до восстановления работника на работе (с. 295). Если рассуждать подобным образом, то к делящемуся преступлению можно отнести, например, кражу (грабеж, мошенничество), связывая момент прекращения преступления с приговором (решением) суда, возлагающего на преступника обязанность вернуть похищенное. Имеющим важное информативное значение является второй параграф данной главы, посвященный обоснованию распространения на службу федеральных инспекторов труда трудового законодательства. Верно указывается на отдельные законодательные пробелы в части определения категории руководителя инспекции (с. 305), отсутствия квалификационных требований к инспекторам по охране труда, установления квалификационных разрядов, аттестации (с. 317-320) и т.д. Предложения Т.А. Нестеровой в этой части являются во многом верными.

Роль Уполномоченных по правам человека в защите трудовых прав раскрывается в главе 6 монографии. Проведенные здесь исследования содержат важные моменты, которые будут интересны специалистам в области конституционного права. Включение данной категории должностных лиц в исследование, посвященное защите трудовых прав, является новым для науки трудового права. Возрастание роли института Уполномоченных по права человека в сфере защиты трудовых прав иллюстрируются практическими примерами. Тем не менее хотелось бы заметить, что сама Т.А. Нестерова не отрицает того факта, что Уполномоченные не обладают какими-либо властными полномочиями в отношении иных лиц. В свою очередь, именно наличие подобных полномочий у суда, прокуратуры, Федеральной инспекции труда обусловили изучение их деятельности в монографии. Таким образом, налицо некоторая непоследовательность автора при определении структуры работы.

Более подробно хотелось бы остановиться на ряде спорных моментов, касающихся распространения на указанных должност-

ных лиц трудового законодательства. Возможность использования ТК РФ при регулировании деятельности Уполномоченных обосновывается автором расширительным толкованием ст. 11 ТК РФ (с. 343). Во-первых, несмотря на то что перечень категорий работников, особенности правового регулирования труда которых могут устанавливаться иными федеральными законами, является открытым, тем не менее он позволяет определить отдельные критерии отнесения к нему лиц, для которых устанавливаются подобные изъятия. Весьма сомнительно, что труд Уполномоченных можно поставить в один ряд с трудом, например, лиц, работающих по совместительству. Во-вторых, изъятия согласно ст. 11 ТК РФ могут устанавливаться федеральными законами, тогда как деятельность Уполномоченных регулируется федеральным конституционным законом и законами субъектов. Нам кажется, что данный формальный признак тоже говорит не в пользу позиции Т.А. Нестеровой. Несколько надуманными представляются рассуждения автора о необходимости заключения с Уполномоченным по правам человека в РФ трудового договора на определенный срок (с. 349). С аналогичных позиций можно говорить и о заключении трудового договора с Председателем Государственной Думы.

Завершает исследование глава, посвященная Федеральной службе судебных приставов. Необходимость изучения в рамках работы данной сферы общественных отношений мотивируется Т.А. Нестеровой тем, что «степень положительного результата в защите нарушенных прав в полной мере выявляется лишь на завершающих стадиях всей процедуры» (с. 360). Представляется, что и в этом рассуждении его автору не удалось уйти от слишком неоправданных обобщений. Ведь с учетом того, что, по мнению Т.А. Нестеровой, в защите трудовых прав присутствует и уголовно-правовой аспект, в работе можно было бы осветить и проблемы уголовно-исполнительной системы, деятельность которой также является завершающей стадией уголовного судопроизводства. Судебные приставы-исполнители не обладают какими-либо самостоятельными полномочиями в сфере защиты трудовых прав. Их компетенция во многом производна от состоявшихся решений органов, полномочных рассматривать трудовой спор. Не

вдаваясь в дискуссию относительно того, является ли исполнительное производство самостоятельной отраслью российской правовой системы или институтом гражданского процесса, со всей уверенностью можно утверждать, что деятельность данной федеральной службы в предмет регулирования трудового права не входит. Вместе с тем в этой главе автором вполне обоснованно указывается на несовершенство трудового законодательства и законодательства, регламентирующего исполнительное производство в части исполнения решения о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, вопросы, связанные с поворотом исполнения решения по трудовым спорам. Предложения и пожелания Т.А. Нестеровой аргументированны и своевременны. Касаясь освещения автором монографии служебных отношений судебных приставов (параграф 2 главы 7), заметим, что выводы и пожелания, здесь сделанные, во многом верны. Это касается и совершенствования кадрового потенциала федеральной службы, повышения материального стимулирования судебных приставов, повышения гарантий их социальной защищенности и т.д. К сожалению, предложения автора вновь носят общий характер и актуальны для всей системы государственной службы.

Указанные выше спорные моменты монографии ни в коей мере не снижают значение проведенной ее автором работы. Как уже отмечалось, данная работа, на наш взгляд, будет интересна как для практических работников, так и для ученых, представителей многих отраслей права.

Ю.А. Кузнецов

**Рец. на кн.: Актуальные проблемы
ответственности в трудовом праве:
история и современность: сб. статей / Под общ.
ред. Г. Х. Шафиковой, М.С. Сагандыкова. –
Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 158 с.**

Проблемы юридической ответственности в трудовом законодательстве всегда были предметом «жарких» дискуссий. Развитие частноправовых начал в трудовом законодательстве заставляет многих ученых-трудовиков включать в сферу своих исследований вопросы, традиционные для науки гражданского права. Одной из таких проблем является проблема злоупотребления правом. С этой точки зрения весьма интересной представляется статья Е.М. Офмана «Соотношение категории "злоупотребление правом" и категории "правонарушение" в трудовом праве». Автор статьи проведен глубокий и всесторонний анализ работ, затрагивающих данную проблематику. Это работы и ученых-цивилистов, и теоретиков права. Положительным представляется момент включения в исследование нормативных положений зарубежного законодательства. Важность изучения категории «злоупотребления правом» применительно к нормам Трудового кодекса (ТК) иллюстрируется автором рядом практических примеров. Ссылаясь на конкретные нормы ТК РФ, Е.М. Офман показывает несовершенство закона, который позволяет недобросовестному работнику получать ничем не обоснованные преимущества и льготы, ущемлять интересы другой стороны трудового договора. В определенной степени верными представляются отдельные предложения автора о совершенствовании ТК РФ. Вместе с тем ряд суждений, высказанных в статье, представляется весьма спорным. Так, например, вызывает недоумение отнесение автором к одной из форм злоупотребления правом сокрытие от работодателя при поступлении на работу информации о со-

стоянии здоровья, беременности, инвалидности, наличии детей-инвалидов. Данное действие квалифицировано Е.М. Офманом как недобросовестное (с. 15). Если логически развивать утверждение автора, то получается, что, зная работодатель о перечисленных выше обстоятельствах, он отказал бы работнику в заключении трудового договора по указанным выше причинам. Таким образом, работодатель грубо нарушил бы ст. 3, 64 ТК РФ, тем самым совершив правонарушение, и, более того, совершил бы преступление, предусмотренное ст. 145 УК РФ.

Хотелось бы также остановиться на ряде теоретических моментов, высказанных автором, при раскрытии категории «злоупотребления правом». Не соглашаясь с точкой зрения тех ученых, которые считают злоупотребление правом правонарушением, автор проводит сравнительный анализ этих категорий. Однако сравнение он производит по объективным и субъективным признакам правонарушения. В результате Е.М. Офман выделяет следующие признаки злоупотребления правом: злоупотребление правом – деяние правомерное; совершается с умышленной формой вины; результатом своим имеет причинение вреда. Допущенные здесь нарушения законов формальной логики очевидны. Во-первых, дефиницию вины автор заимствует из публичных отраслей законодательства, что не совсем корректно, поскольку «злоупотребление правом» – категория частноправовая. Более того, вина в публичных отраслях права, в первую очередь, характеризует психическое отношение лица к совершаемому противоправному деянию. Однако автор отрицает противоправность при злоупотреблении правом, а коль скоро нет противоправности, не может идти речи и о вине. Весьма сомнительно считать злоупотребление правом правомерным действием. С этих позиций не поддается объяснению наличие в УК РФ ст. 285, которая определяет злоупотребление должностными полномочиями как уголовно наказуемое деяние.

Нашли свое отражение в сборнике и проблемы, связанные с новеллами трудового законодательства. Например, статья У.М. Стансковой «Обязательство работника о неразглашении охраняемой законом тайны», где нормы трудового законодательства исследованы с учетом положений иных нормативных правовых актов. Верным является указание автора статьи на то, что

ущерб, причиненный разглашением тайны, не является прямым. Ценность информации заключается в потенциальной возможности извлечения прибыли (получения дохода). При разглашении тайны работником работодатель теряет такую возможность, что следует относить к упущенной выгоде, которая по нормам ТК РФ возмещению не подлежит. Особое внимание отведено автором вопросам ответственности за разглашение государственной тайны. Здесь хотелось бы отметить, что в этой части отдельные выводы автора не бесспорны. Так, У.М. Станскова считает возможным привлекать работника к полной материальной ответственности за разглашение государственной тайны на основании п. 7 ст. 243 ТК РФ. В существующей редакции ст. 243 ТК РФ полная материальная ответственность работника ставится в зависимость от закрепления материальной ответственности в федеральном законе. Закон РФ «О государственной тайне» такого правила не содержит. Считаем также, что автором не совсем верно используется термин «обязательство». Трудовое законодательство закрепляет обязанность работника по неразглашению тайны, тогда как обязательство является одним из видов правоотношений. Необходимости четкого разграничения понятий "обязанности" и "обязательства" уделяется серьезное внимание и в цивилистической науке. К сожалению, автором не дана оценка положений п. 2 ст. 14 Федерального закона «О коммерческой тайне»¹. Нам кажется, что автору необходимо было оценить целесообразность ограничения дисциплинарной власти работодателя ходом производства по уголовному делу либо по делу об административном правонарушении. Ведь буквальное толкование данной статьи исключает дисциплинарную ответственность работника, если он привлечен к уголовной или административной ответственности за разглашение коммерческой тайны.

Обстоятельной является статья Н.П. Дацко и Г.М. Башариной «Дисциплинарная ответственность руководителя». Заслуживает поддержки точка зрения авторов, что в основу классификации дисциплинарной ответственности на общую и специальную должен быть положен не нормативный правовой акт, устанавливаю-

---

¹ Аналогичный недостаток присущ и статье того же автора «Условие трудового договора о неразглашении коммерческой тайны».

щий такую ответственность, а свойства самого специального субъекта ответственности. В качестве таких свойств ученые предлагают считать правовой статус субъекта, роль в жизнедеятельности общества и т.д. Авторами раскрывается содержание специфических дисциплинарных взысканий, которые содержатся в федеральных законах и положениях о дисциплине. Таким образом, статья имеет важное информативное значение. В то же время вызывает недоумение указание на такие виды дисциплинарных взысканий работников прокуратуры, как понижение в должности и увольнение с лишением классного чина. В отношении первого вида взыскания авторами указывается, что такой перевод запрещен действующим трудовым законодательством со ссылкой на ст. 4 ТК РФ. Во-первых, данный вид дисциплинарного взыскания отсутствует в перечне, закрепленном в ст. 41.7 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации». Указанная статья введена Федеральным законом от 10.02.1999 г. № 31-ФЗ, т.е. более чем за пять лет до написания рецензируемой работы. Во-вторых, в трудовом законодательстве перевод на нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу был запрещен задолго до принятия ТК РФ. В отношении увольнения с лишением классного чина Н.П. Дацко и Г.М. Башарина ссылаются на ст. 17 Положения о поощрениях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов прокуратуры СССР. Указанный нормативный правовой акт признан не действующим на территории Российской Федерации Федеральным законом от 10.02.1999 г. № 31-ФЗ. Указанное обстоятельство подчеркивал и Конституционный Суд РФ². Нам также кажется, что содержание статьи не в полной мере соответствует теме, заявленной в ее названии. Работников прокуратуры и судей вряд ли можно причислить к рангу руководителей. Более того, с момента вступления в силу Федерального закона «О системе государственной службы» прохождение службы данной категорией граждан регулируется законодательством иной отраслевой принадлежности. И хотя ошибочность такого подхода вызывает обоснованные замечания

---

² Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 256-О // СПС «Консультант Плюс».

ряда видных ученых-трудовиков³, в силу прямого указания закона данные отношения не входят в предмет трудового права.

Большой блок статей рецензируемого сборника посвящен вопросам ответственности работодателя за вред, причиненный жизни и здоровью работника⁴. Следует отметить, что авторы данных работ не ограничились нормами действующего законодательства. В статьях раскрывается генезис законодательства о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровью работника. Предпринята попытка исследования развития доктрины социального страхования. Проведено сравнение отечественного законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений, с законодательством ряда зарубежных стран. Нашли свое отражение многие спорные вопросы, связанные с практическим применением исследуемых норм. Выводы авторов основываются не только на толковании законодательных положений, но и на позиции судебных органов. Важность изучения проблемы подтверждается приводимыми статистическими данными. Следует положительно оценить то, что ученые, освещая вопросы возмещения имущественного вреда, коснулись и вопросов компенсации морального вреда. Таким образом, сделанные выводы имеют межотраслевое значение и могут быть использованы в цивилистической науке. Необходимо выразить абсолютное согласие с мнением Г. Х. Шафиковой о невозможности применения судами таблицы, разработанной А.М. Эрделевским, для определения размера денежной компенсации причиненного морального вреда. Доводы автора в этой части обоснованны и логичны. Несмотря на общую положительную оценку указанных работ, хотелось бы обратить внимание на ряд спорных моментов.

Так, Г.Х. Шафикова пишет, что «действующее законодательство предусматривает два способа возмещения вреда»: 1) по пра-

---

³ Иванов С.А., Иванкина Т.В., Куренной А.М. и др. Правовое регулирование отношений в сфере госслужбы // ЭЖ-Юрист. 2004. № 6.

⁴ Зубенко В.М. Социальное страхование от несчастных случаев на производстве: к истории вопроса (XIX – начало XX в.); Он же. О некоторых вопросах возмещения вреда, причиненного здоровью работника; Шафикова Г.Х. Возмещение имущественного и морального вреда, причиненного жизни и здоровью работника.

вилам возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденным Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 декабря 1992 г. № 4214-1 и КЗоТ РФ; 2) общегражданский или гражданско-правовой. Таким образом, Г.Х. Шафиковой отраслевая принадлежность Правил определена как трудовая. Однако указанный вывод сделан без должного теоретического обоснования. Не приведены ею в подтверждение своей точки зрения и нормы законодательных актов. В свою очередь, отраслевая принадлежность Правил всегда была предметом дискуссий ученых-трудовиков и ученых-цивилистов.

Актуальной представляется проблема, поднятая Г.Х. Шафиковой в статье «Проблемы ответственности за причинение морального вреда работодателю». К сожалению, в статье автор высказывает суждение о том, что компенсация морального вреда возможна лишь работодателю – физическому лицу и совершенно исключает возможность компенсации морального вреда работодателю – юридическому лицу. В этой связи хотелось бы обратиться к практике Европейского суда по правам человека, а именно к судебному решению от 6 апреля 2000 г. по делу компании "Комингерсоль С.А." против Португалии⁵. Именно этим решением Европейский суд принципиально признал возможность денежной компенсации морального вреда, причиненного юридическому лицу.

Третий и четвертый разделы сборника посвящены проблемам административной и уголовной ответственности за нарушение трудового законодательства. Объяснение наличия в рецензируемом издании данных разделов, по всей видимости, объясняется тем, что составители сборника придерживаются позиции, согласно которой предлагается считать трудовой ответственностью субъектов управления трудом по нормам уголовного и (или) административного права⁶. При таком подходе можно считать трудовой ответственностью и уголовную ответственность работника, совершившего хищение имущества

---

⁵ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 2. С. 61-66.

⁶ Трудовое право России / Под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. М., 2003. С. 470-475.

работодателя, поскольку им нарушена обязанность бережного отношения к имуществу работодателя, или уголовную ответственность работника, причинившего смерть иному работнику вследствие невыполнения требований по охране труда. Не вызывает сомнений, что такая ответственность не является трудово-правовой. Доводя до логического завершения исследуемую точку зрения, можно прийти к выводу о том, что поскольку, например, за занятие предпринимательской деятельностью без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя также наступает уголовная и административная ответственность, то к гражданско-правовой ответственности относится и уголовная, и административная. Подобные рассуждения приводят нас к выводу о том, что не существует отраслей уголовного и административного (в части административной ответственности) права, поскольку все виды преступлений (правонарушений) можно рассматривать в иных отраслях. Представляется, что это не соответствует ни доктрине, ни действующему законодательству.

А.М. Лушников

**Рец. на кн.: Бондаренко Э.Н.
Юридические факты в трудовом
правоотношении: монография. – Барнаул:
Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2005. – 244 с.**

Учение о юридических фактах является одной из «вечных» тем как в общей теории права, так и в теории отраслевых наук. Это актуально и для трудового права, тем более что в ТК РФ впервые включена ст. 16 «Основания возникновения трудовых отношений». Данное исследование является логическим продолжением предшествующих работ Э.Н. Бондаренко, посвященных

проблеме основания возникновения трудовых правоотношений¹. В монографии представлен небольшой, но содержательный обзор истории исследования юридических фактов в российской науке трудового права (с. 7-19). Автор опирается как на классические исследования по общей теории и теории трудового права, так и на новые работы по названной тематике. Не остались без внимания и шесть кандидатских диссертаций, в которых рассматривались отраслевые проблемы юридических фактов (А.С. Краснопольского, З.Д. Ивановой, В.Л. Гейхмана, О.В. Барина, Г.С. Бодерской, А.В. Кручинина). Активно используются и публикации ярославских ученых, в том числе посвященные теории юридических фактов².

Структура монографии логична и соответствует заявленным ее автором целям. В главе первой рассматривается взаимосвязь юридических фактов с такими смежными правовыми категориями, как норма трудового права, трудовая правоспособность и дееспособность, право на труд, правовой статус (с. 20-58). Предложена схема классификаций ограничений трудовой правоспособности, в которой выделены неправомерное умаление (дискриминация) и правомерное умаление (действия, события). Последнее, в свою очередь, разделено на ограничения по субъектному признаку (пол, здоровье, образование, возраст, утрата профессиональной трудоспособности, совместительство) и по объективному признаку (гражданство, судимость, родство, запрет по приговору суда) (с. 58). Далее в главе анализируются проблемы функционирования юридических фактов в динамике трудового правоотношения (с. 59-84). Подход автора ко многим из вышезаявленных проблем отличается неординарностью и оригинальностью. Вместе с тем большинство выводов вполне корректны и обоснованны, опираются на исследования предшественников, имеющиеся теоретические и практические наработки, а также

---

¹ См.: Бондаренко Э.Н. Основания возникновения трудовых правоотношений: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004; Она же. Трудовой договор как основание возникновения правоотношения. СПб., 2004.

² См.: Крашенинников Е.А. Этюды о природе юридических фактов // Методологические проблемы теории юридических фактов. Ярославль, 1988; Мотовиловкер Е.А. Юридический факт в структуре правовой нормы // Там же; и др.

нормативную базу. Примечательно, что Э.Н. Бондаренко не ограничивается проблемами теории, но и предлагает проект изменений в ТК РФ (дополнительные ст. 15¹, 20¹, изменения в ст. 16, 74) (с. 74-75, 83-84).

В главе второй рассмотрен трудовой договор как юридический факт. В этом аспекте определено соотношение трудового договора и трудового правоотношения (с. 85-122), отличие трудового договора от иных договоров, связанных с трудом (с. 122-149). Отдельно рассмотрено заключение трудового договора (с. 149-184). Мы согласны с позицией автора, который достаточно традиционно разделяет трудовой договор и трудовые отношения, не совпадающие по объему. Можно приветствовать вполне взвешенные аргументы Э.Н. Бондаренко против трактовки трудового договора как источника права и против конструкции трудовой сделки (с. 117-128). Автор выразился фигурально: «... мы можем использовать кое-какой гражданско-правовой инструмент (что очень важно: не надо «изобретать велосипед»), но строим этим инструментом другое сооружение» (с. 126). То же самое можно сказать и о вполне четком разграничении трудового и гражданско-правовых договоров о труде. Аргументированно изложены возражения против конструкции смешанных гражданско-трудовых договоров (с. 133-140). В этой главе Э.Н. Бондаренко также предлагает внести изменения в ТК РФ (ст. 16, 61, 67, 68).

Глава третья посвящена сложным юридическим составам как основаниям возникновения трудового правоотношения. Анализируется содержание сложных составов (с. 185-205), а также незавершенный состав и его юридическое значение (с. 205-212). Весьма убедительно представлены аргументы за изъятие у инспекции труда квазисудебных полномочий (с. 200-201). Вообще, сложные фактические составы не «избалованы» вниманием отечественных ученых-трудовиков, в связи с чем обращение к этой проблеме крайне своевременно.

Вместе с тем некоторые положения монографии вызывают возражения, нуждаются в дополнительной аргументации и авторском пояснении. Отметим, что в значительной части это вызвано непроработанностью и дискуссионностью поднятых проблем в

общей теории права, а также противоречивостью нормативного материала.

1. Полагаем, что юридический факт не может быть правовой нормой или даже ее частью, как утверждается в монографии (с. 20). Гипотеза содержит указания на юридический факт как определенные жизненные обстоятельства. Сами эти обстоятельства (действия, события) в качестве явлений материального мира не могут быть частью абстракции, которой является структура нормы права.

2. Как нам представляется, проведено непоследовательное разделение трудовой правоспособности и дееспособности, которое «как правило, невозможно, но не всегда» (с. 39). Очевидно, что предложенное автором ограничение трудовой правоспособности в смысле уменьшения ее объема (с. 43) не является удачным. В данном случае можно ограничиться дифференциацией по субъектному признаку. Ограничение трудовой правосубъектности, на наш взгляд, может иметь только индивидуальный и временный характер на основании приговора или решения суда по конкретному уголовному или административному делу. Не является актуальной и легализация трудовой недееспособности. В данном случае можно ограничиться приданием гражданской недееспособности междисциплинарного значения³. В авторской редакции ст. 20¹ ТК РФ предлагается возможность ограничения трудовой правоспособности, тогда как дееспособность, возникающая одновременно с правоспособностью, ограничена быть не может. Следует ли из этого, что работник, ограниченный в каких-либо правах, может ими пользоваться? В цивилистической традиции ограничена может быть только дееспособность.

Не совсем убедительна и классификация правомерного ограничения трудовой правоспособности (с. 58). Предложенные ограничения по субъектному и объективному признакам имеют одну и ту же субъективную правовую природу, т.е. зависят от конкретной личности работника. Еще со времен Р.А. Дистерло и Л.С. Таля пол, возраст и здоровье наравне с гражданством и наличием родства считались единой группой признаков. Объектив-

---

³ См. подробнее: Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 232-244.

ные признаки могут быть связаны с характером труда, местом осуществления трудовой деятельности и др.

3. Некоторые суждения автора слишком категоричны. Так, работу в измененных в одностороннем порядке работодателем условиях труда по ст. 73 ТК РФ предложено считать недопустимым односторонним изменением трудового договора. Следует ли из этого, что работодатель в принципе лишается права проводить какие-либо организационные и технологические изменения, ведущие к изменению существенных условий трудовых договоров отдельных работников? Кроме того, не до конца понятно, почему в отдельный параграф выделено заключение трудового договора, тогда как его изменению и прекращению, а также аналогичным стадиям иных договоров о труде уделено существенно меньшее внимание.

4. На наш взгляд, презумпция и фикция не могут входить в сложный правообразующий состав, как считает Э.Н. Бондаренко (с. 191). Так, презумпция невиновности влияет на факт установления виновности работника в совершении дисциплинарного проступка, но сама по себе эта презумпция юридическим фактом не является. На расторжение трудового договора по п. 6 ст. 83 ТК РФ влияет не фикция о признании работника или работодателя – физического лица умершим или безвестно отсутствующим, а именно сами эти судебные решения, т.е. акты судебных органов. Погашение судимости – фикция, но на трудовые отношения будет влиять решение суда о снятии судимости, т.е. тот же акт судебного органа.

Наконец, хотелось бы знать, как автор представляет целостную систему юридических фактов в трудовом праве, а не только оснований возникновения правоотношения. Вне внимания автора остались юридические поступки, о которых упоминается только один раз. Можно ли их считать отраслевыми юридическими фактами и если да, то какова их характеристика? Недостаточное внимание уделено иным, кроме трудового, договорам о труде, а также односторонним актам работодателя и работника.

Но в целом данная монография является интересным и содержательным исследованием, имеющим не только теоретическую, но и практическую направленность. Ее автор не только да-

ет ответы, но и ставит вопросы, высказывает предположения и выражает сомнения. Авторский подход к исследованию значительно обогащает, углубляет представление о юридических фактах в трудовом праве, становится наглядной эволюция этого института, выявляются тенденции его дальнейшего совершенствования, развития. Публикация этой работы не пройдет незамеченной и вызовет читательский интерес не только специалистов трудового права, но и специалистов в смежных отраслях и по общей теории права.

А.М. Лушников

Рец. на кн.: Киселев И.Я. Сравнительное трудовое право: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 360 с.

Настоящий труд является результатом комплексной разработки ее автором программы, методики, структуры и содержания учебного предмета «сравнительное трудовое право». Изданию книги предшествовали многолетняя исследовательская работа И.Я. Киселева в НИИ труда и в Институте государства и права АН СССР, чтение учебных курсов по тематике книги в российских вузах и зарубежных университетах. Отметим, что автор учебника являлся выдающимся отечественным ученым-трудовиком, ведущим специалистом по зарубежному, международному и сравнительному трудовому праву. К сожалению, это одна из последних публикаций И.Я. Киселева, который умер в октябре 2005 г.

Данное издание является первым в российской литературе учебным пособием, специально посвященным сравнительному трудовому праву. По верному замечанию И.Я. Киселева, «интернационализация общественной жизни, глобализация экономики, активизация мирохозяйственных и гуманитарных связей, региональная интеграция, унифицирующее воздействие междуна-

но-правового регулирования труда, международная трудовая миграция, стремление к выравниванию условий конкуренции на мировом рынке – всё это привело к сближению национальных систем трудового права различных стран, инициировало процесс гармонизации трудового права в мировом масштабе, тенденцию к сближению национальных систем трудового права, к единообразию в регулировании важнейших компонентов трудовых отношений. В трудовом праве многих стран появились внешние заимствования на основе трансплантации фрагментов или даже целых институтов права зарубежных стран, имплементации в национальное право международных конвенций» (с. 3-4). По мнению автора книги, интенсивное развитие «международного измерения» трудового права делает необходимыми структурную перестройку учебной дисциплины трудового права, разработку новых направлений научных исследований, подготовку учебных курсов и пособий с новой структурой и содержанием. Это уже происходит. В частности, констатировалось, что в науке и в преподавании трудового права многих стран сложилось новое направление – сравнительное трудовое право.

И.Я. Киселев подчеркивал, что сравнительное трудовое право изучает и сопоставляет нормы и институты трудового права различных стран, сравнивает их с международными трудовыми стандартами и таким образом даёт картину правового регулирования труда в современном мире, синтезирует всемирный опыт этого регулирования. Это важно не только с точки зрения развития российской правовой науки. В XXI в. ни одна страна не сможет нормально развиваться в изоляции от окружающего мира, игнорируя общемировые тенденции, прежде всего глобализацию экономики и права.

Структура учебника соответствует целям, определенным ее автором. Материал книги разделён на две части. В общей части рассмотрено применение сравнительного метода в трудовом праве, показаны историческая эволюция правового регулирования труда и его цивилизационное значение, обрисована трудовая картина современного мира, проанализированы в фокусе сравнительного правоведения источники трудового права и ос-

новные трудовые права. Этой части книги в рецензии будет уделено наибольшее внимание.

Особенная часть книги содержит сравнительно-правовой анализ институтов трудового права, который строится по единой схеме: международно-правовые стандарты; правовое регулирование в зарубежных странах; правовое регулирование в России; сравнительно-правовой комментарий. При рассмотрении трудовых институтов выделено общее и особенное, сходства и различия в трудовом праве различных стран. При этом особое внимание обращено на те международные правовые стандарты и такие черты в трудовом праве зарубежных стран, которые представляют интерес с точки зрения совершенствования российского законодательства и, прежде всего, принятия новых нормативных актов в дополнение и развитие ТК РФ. Материалы этой части книги позволяют определить положение России на «трудоправовой карте мира», соответствие российского трудового законодательства международным правовым стандартам и сравнить его с аналогичным зарубежным законодательством, прежде всего, стран Запада.

В приложении к учебнику приведены перечень содержащих нормы трудового права международных актов, ратифицированных РФ, перечень важнейших законов о труде зарубежных стран, тексты наиболее интересных зарубежных нормативных актов по труду и дана программа учебного курса «сравнительное трудовое право». Приложение не только хорошо иллюстрирует содержание учебника, но и имеет важное самостоятельное значение.

Книга написана преимущественно на базе зарубежной и новейшей отечественной литературы, а также с опорой на новые нормативно-правовые акты. Часть из иностранных трудовозаконодательных актов, в том числе помещенных в приложении, впервые переведены на русский язык ее автором. При этом И.Я. Киселев с большим уважением относится к трудам российских ученых, заложивших традиции изучения трудового права в сравнительно-правовом аспекте (Л.С. Таль, А.Н. Быков, В.П. Литвинов-Фалинский, Н.Н. Полянский), а также к трудам исследователей, работавших в советский период (М.В. Баглай, И.С. Войтинский, Л.Я. Гинцбург, В.М. Догадов, Б.Н. Жарков, С.А. Иванов, А.Е. Пашерстник, В.И. Усенин).

В главе 1 «Применение сравнительного метода в трудовом праве» показаны «лаборатория» проведения сравнительно-правового исследования, методологические подходы и приемы его осуществления. Подчеркивается, что разработки отечественных и зарубежных юристов-трудовиков (С.А. Иванова, Р. Бланпена, О. Кан-Фройнда, Б. Хеппля, И. Шрегле, Б. Венециани, Ж.М. Сервэ) позволяют выявить некоторые общие теоретические вопросы применения сравнительного метода в трудовом праве: предмет, цели сравнений, их методологию, практическую значимость. И.Я. Киселевым определено, что сравнения в трудовом праве могут осуществляться в двух направлениях: горизонтальном (сравнение различных национальных систем трудового права) и вертикальном (сопоставление международных стандартов труда и норм национального трудового права). Интегративное сравнительно-правовое исследование включает как горизонтальное, так и вертикальное сравнения. При этом международные стандарты в области труда используются подчас как масштаб и мерило при оценке национального трудового законодательства, как международно признанный минимум социальных прав и гарантий. Объекты сравнений в трудовом праве – это нормы, институты, учреждения, процессы, юридические процедуры, идеи – словом, любые правовые явления, лишь бы они не выходили за рамки проблематики трудового права и сравнение их не противоречило здравому смыслу. Возможно, например, сравнение систем трудового права двух или более государств, различных институтов трудового права, юридических конструкций, любого внутренне единого комплекса норм различных стран, а также правовых идей и практических подходов. Сравнить можно также различные типы, виды (семьи) трудового права в глобальном масштабе. По мнению И.Я. Киселева, сравнительное правоведение не приемлет так называемого юридического позитивизма, т.е. сугубо формального, фотографического сопоставления законов различных стран. Сравнению должны подлежать не только законы, но и подзаконные акты, судебная практика, коллективные договоры, обычаи и, что особенно важно, практика применения законодательства. Таким образом, сравнение законов на бумаге не менее важно, чем законов в действии, т.е. «живого права». И здесь для углубления

юридических сопоставлений возникает необходимость в применении в той или иной мере метаюридического, междисциплинарного подхода, т.е. глобального анализа в широком контексте систем трудовых отношений различных стран (с. 8-10).

Сформулированы основные цели применения сравнительного метода (с. 10-12).

1. Приращение и углубление знаний в области трудового права; масштабное осмысление трудового права в его национальном и международном измерениях как универсального элемента человеческой цивилизации.

2. Содействие лучшему пониманию национального трудового права, его своеобразия и оригинальности, сильных и слабых сторон, имеющих в нём пробелов и неиспользованных возможностей, нерациональных решений, противоречащих мировой практике.

3. Совершенствование национального трудового права. Изучение зарубежного опыта – своего рода суррогат эксперимента, который в праве в чистом виде невозможен; оно позволяет выделить аспекты, которые могут быть адаптированы в процессе национального правотворчества.

4. Формирование и применение международных трудовых стандартов.

5. Прогнозирование будущего развития трудового права отдельных стран и правового регулирования труда во всемирном масштабе.

В работе дана характеристика двух методов сравнительно-правового анализа: институционно-описательного и функционально-модельного (с. 12-15). Еще раз акцентируется внимание на том, что выводы компаративистики предостерегают против бездумной и автоматической трансплантации юридических норм как своего рода универсальных "отмычек" для решения проблем страны приёма. Приведены как позитивные, так и негативные примеры трансплантации трудового законодательства.

Большой интерес представляет глава 2 «Трудовое право в исторической ретроспективе и современном мире». Обоснованно указано, что трудовое право как необходимый элемент социальной инфраструктуры окончательно сформировалось в большинстве стран мира в XX в., и, подводя итоги прошедшего столетия,

можно утверждать, что это одно из бесспорных его достижений, показатель прогресса человеческой цивилизации (с. 20). Далее дан краткий, но емкий и концептуальный обзор развития трудового законодательства.

По мнению И.Я. Киселева, в XX в. сформировались две главные модели правового регулирования труда: модель с преобладанием либеральных начал и модель с преобладанием государственно-социальных начал. Первый тип исторически сформировался в небольшом числе государств: в США и Канаде. Для большинства стран наиболее подходящим оказался второй тип. В течение XX в. были опробованы три варианта государственно-социальной парадигмы. Первый вариант – тоталитарное трудовое право фашистско-нацистского образца. Вторым тоталитарным вариантом трудового права – советско-социалистическая модель. Третий (не тоталитарный) вариант государственно-социального типа правового регулирования труда исторически сложился в большинстве стран. Его можно назвать социально-демократическим (с. 31).

Очень интересны суждения автора о цивилизационном значении трудового права, которое является одной из общецивилизационных ценностей, прочно вошедших в правосознание человечества и являющихся его общим достоянием. Цивилизационное значение трудового права автору видится в следующем (с. 32-34):

1. Трудовое право содержит немало норм и положений, отражающих потребности экономического и социального прогресса, достижения современной цивилизации, рост культурности населения, степень зрелости общества.

2. Трудовое право как инструмент социального управления и контроля, апробированный веками исторического опыта человечества, имеет широкий спектр действия, многоцелевое назначение и представляет большую ценность для любой цивилизованной страны, стремящейся внедрить социальные стандарты, своего рода «правила игры» для участников трудовых отношений, определённый уровень социальной защищённости людей труда.

3. Трудовое право обеспечивает регулирование и упорядочение рынка рабочей силы, оптимальные условия его функционирования, гармонизацию производственных отношений, социальную адаптацию людей к условиям рынка, создаёт определенные

барьеры ухудшению материального положения и социального самочувствия людей труда.

4. Продуманная система трудовых норм – необходимое условие рационального использования человеческих ресурсов, роста производительности труда, высокого качества продукции, эффективности и стабильности экономики в целом, её нормального развития и совершенствования.

5. Становление трудового права – это не только реакция общества на издержки стихийного рынка, но и одновременно реализация идеалов социальной справедливости. Если гражданское право – «накопитель», то трудовое право – «распределитель и стабилизатор».

6. Развитие трудового права отражает поиски оптимального сочетания рынка, частной собственности, хозяйской власти и социально-мотивированных ограничений работодательских прерогатив, которые ведут к смягчению эксплуатации, уменьшению неравноправного положения лиц наёмного труда.

В книге «нарисована» современная трудовая картина мира (всемирная типология трудового права). На основе изучения и сопоставления существующих сегодня в мире национальных систем трудового права (их более 150) И.Я. Киселевым выделены четыре главных типа трудового права, а также подтипы и разновидности в рамках каждого из этих типов. Главным подразделением в этой типологии является группировка всех национальных систем трудового права в следующие 4 типа (с. 35):

1. Трудовое право стран развитой рыночной экономики.
2. Трудовое право развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.
3. Трудовое право стран, осуществляющих переход от централизованно планируемой к рыночной экономике.
4. Трудовое право стран с централизованно планируемой экономикой.

В работе дана подробная характеристика вышеназванных типов трудового права, а также подтипов и разновидностей в рамках каждого из этих типов (с. 35-51).

При анализах источников трудового права и основных трудовых прав, которые проведены, соответственно, в 3 и 4-й главах, используется та же общая схема, что и при компоновке материала

второй части книги: международно-правовые аспекты; правовое регулирование в зарубежных странах; правовое регулирование в России и сравнительно-правовой комментарий (с. 51-91).

Как уже указывалось, вторая часть учебника посвящена характеристике основных институтов трудового права. Особый интерес вызывают характеристика новой регламентации атипичных трудовых договоров в зарубежных странах, в том числе договоров о «заемном» (лизинговом) труде (с. 104-121), обзор деятельности судов по трудовым делам (с. 266-273) и др. Материал как первой, так и второй части книги изложен четко и ясно, что необходимо для любого учебного издания. Вместе с тем высокий научный уровень работы и подчеркнутая авторская позиция роднит ее с монографическим исследованием. В заключение можно только присоединиться к мнению И.Я. Киселева, который отмечал: «Трудовое право России должно учитывать в полной мере реалии и требования наступившего века. Это делает необходимыми дальнейшие исследования в области сравнительного трудового права и особенно приобщение к этим исследованиям молодого поколения юристов, решение вопроса о включении сравнительного трудового права в качестве обязательного предмета в учебные программы юридических вузов нашей страны» (с. 7).

М.В. Лушникова, А.М. Лушников

Рец. на кн.: Кузьменко А.В. Предмет трудового права России: опыт системно-юридического исследования: монография. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2005. – 274 с.

В условиях нового этапа кодификации трудового законодательства теоретическое осмысление предмета трудового права приобретает особую значимость. Современные социальные реалии требуют новых теоретических подходов, корректировки ус-

таревших положений. А.В. Кузьменко в качестве такого подхода выбирает «системный» взгляд на предмет трудового права. Заслуживает одобрения предложенный автором в структуре системной методологии исторический анализ предмета трудового права, системы трудового законодательства и научных воззрений на предмет отрасли в его генетическом и прогностическом аспектах. В этой связи нельзя не отметить уважительное отношение автора к трудам предшественников. В монографии довольно полно в авторской оценке изложены дискуссии по проблемам предмета отрасли, которые велись в науке советского и российского трудового права начиная с 20-х гг. прошлого века. Достаточно упомянуть имена ученых трудовиков И.С. Войтинского, К.М. Варшавского, В.М. Догадова, П.Д. Каминской, А.Е. Пашерстника, А.С. Пашкова, Л.Я. Гинцбурга, О.В. Смирнова, Б.К. Бегичева, Р.З. Лившица, С.А. Иванова, Е.Б. Хохлова, С.П. Маврина и многих других. Такой подход автора понятен, так как, чтобы выдвигать новые идеи, необходимо проанализировать все, что предложили по данной проблеме предыдущие исследователи. Более того, авторский историко-догматический анализ позволил А.В. Кузьменко сделать в ряде случаев определенные выводы относительно перспектив дальнейшего развития предмета отрасли. В частности, заслуживает внимания сделанный автором вывод «об экспансии трудового права», тенденции расширения фактического влияния трудового права на различные виды деятельности, далекие от классического наемного труда (с. 162-165).

С позиций системной методологии автор анализирует системно-структурные свойства общественных отношений, составляющих предмет современного российского трудового права, раскрывает различные виды межотраслевого взаимодействия, возникающие в сфере правового регулирования трудовой деятельности. При этом в качестве основы «системного» взгляда он заявляет концепцию трех взаимодействующих систем – права, законодательства и общественных отношений. Между тем вызывает возражение отнесение автором к однопорядковым системам общественных отношений, права и законодательства (с. 27-32). При всей сложности и нелинейности их взаимодействия общественные отношения в конечном итоге первичны. В противном случае мы должны признать правоту французского просветителя

П. Гольбаха, который лучшим средством совершенствования общественных отношений считал сжигание старых законов и написание новых.

Главным достоинством монографии А.В. Кузьменко является то, что автор не только обобщил довольно объемный научный материал, но и во многих случаях предпринял попытку сформулировать новые принципиальные теоретические положения, а также предложил авторское осмысление ранее сформулированных в науке трудового права положений о предмете отрасли. Эти новаторские положения не могут не вызвать размышлений и дискуссий. К их числу можно отнести следующие.

1. В науке трудового права постоянно ведется поиск, по возможности, универсального критерия, позволяющего достаточно четко судить о природе правового регулирования общественно-трудовых отношений, складывающегося в том или ином виде трудовой деятельности, т.е. о критерии предмета отрасли. В качестве такового предлагался «несамостоятельный труд», «зависимый труд» и др. А.В. Кузьменко, основываясь на теории хозяйской власти Л.С. Таля, полагает, что таким критерием является подчиненный характер труда (с. 88-99). Но при этом у нас возникает целый ряд вопросов. В чем состоит принципиальное отличие критерия «несамостоятельного» либо «зависимого» труда от предложенного А.В. Кузьменко критерия «подчиненного труда»? В чем состоит универсальность этого критерия, если он позволяет отграничить только сферы гражданско-правового и трудового регулирования труда? В сфере же публичного права, например, в отношении правового регулирования труда лиц, отбывающих уголовное наказание, военнослужащих и проч., критерий «подчиненного труда» является необходимой составляющей правового регулирования. Таким образом, названный автором универсальный критерий применим только при разграничении трудовых и гражданско-правовых договоров о труде. Более того, как понятие «зависимый труд», так и понятие «подчиненный труд» в современной теории и практике трактуются неоднозначно. Так, И.Я. Киселев отмечал, что суды различных стран трактуют их по-разному: «право работодателя координировать труд работников», «осуществление регулярных производствен-

ных функций в организации работодателя», «систематический и регулярный контроль» и др. В юридической литературе стран Запада отмечается, что дальнейшая экспансия трудового права в этих странах приведет к распространению трудового права на все виды общественно полезной профессиональной деятельности, включающие как зависимый, так и независимый труд. Западные юристы приходят к выводу, что традиционное различие зависимых и независимых работников как главное деление в трудовой сфере сегодня устарело¹.

2. В монографии А.В. Кузьменко обоснованно отмечает смешанную частно-публичную природу трудового права, подчеркивает возрастание роли в предмете отрасли личных неимущественных отношений и предлагает отнести их к числу элементов индивидуального трудового отношения (с. 51). В структуре предмета отрасли автор выделяет не только достаточно традиционные индивидуальные и коллективные отношения, но и вспомогательно-обеспечительные отношения (с. 46 – 51). По его мнению, группу вспомогательно-обеспечительных отношений составляют отношения с участием государства, призванные содействовать реализации взаимных прав и обязанностей первичных субъектов трудового права (работников, работодателей) и характеризующиеся бесспорным превалированием публичного начала в регулировании отношений. При этом автор предупреждает читателей о том, что вариантность системного представления предмета трудового права есть во многом результат субъективного восприятия исследователем приоритетных целей правового регулирования в сфере труда (с. 50). Между тем А.В. Кузьменко в части обоснования своей концепции о вспомогательно-обеспечительных отношениях следовало бы вспомнить учение Л.С. Таля, согласно которому последний выделял частное промышленное (трудовое) право и публичное промышленное (трудовое) право². По сути, еще Л.С. Таль обособлял в трудовом праве договорные (индивидуальные, коллективные) правоотно-

---

¹ См.: Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. М., 2005. С. 295-297.

² См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 1-2; Он же. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 2-3.

шения и публичные с участием государственных органов (те отношения, которые А.В. Кузьменко называет вспомогательно-обеспечительными).

3. Следует отметить и прикладной аспект данного исследования. Это касается, в частности, практических проблем разграничения предмета правового регулирования трудового с гражданским и административным правом. Отрадно, что автор подчеркивает сложность и изменчивость межотраслевого взаимодействия, зависимость этого процесса от большого числа факторов. А.В. Кузьменко, анализируя предмет трудового права, строит свои положения на концепциях «раздельного» и «совместного» правового регулирования отношений в сфере труда. Он отмечает, что концепция «раздельного правового регулирования», успешно используемая в отношении так называемых «работающих собственников», неприменима в связи с некоторыми видами трудовой деятельности (с. 99). В этой связи он обращается к концепции «совместного правового регулирования». Эта концепция, по мнению автора, составляет основу анализа отраслевого взаимодействия (согласованного регулирования) двойственных по своему характеру трудовых отношений. Так, ученый делает вывод о том, что двойственный характер трудовых отношений руководителей организации и членов производственных кооперативов требует комплексного, совместного регулирования норм трудового и гражданского права при разумном отступлении от отраслевых принципов трудового права в сторону приемлемого компромисса (с. 128). Отношения названных лиц рассматриваются как предмет совместного правового регулирования трудового и гражданского права (с. 130). Отраслевое взаимодействие трудового и административного права определяется на примере государственной службы. А.В. Кузьменко только отношения в области гражданской государственной службы включает в совместный предмет правового регулирования трудового и административного права. Что же касается правового регулирования труда военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, то они находятся в рамках административного права, воздействие трудового законодательства на служебно-трудовые отношения данной категории лиц остается незначительным. В этой связи

А.В. Кузьменко относит эти отношения к сфере влияния трудового права (с. 139-143).

4. Определенный интерес представляют предложенные автором критерии разграничения понятий «сфера действия трудового права» и «предмет правового регулирования», а также предложение ввести в научный оборот понятия «сфера влияния трудового права». Сфера действия трудового права рассматривается как более широкое понятие. В сферу действия включаются собственный (неразделяемый) предмет правового регулирования и совместный (разделяемый) предмет правового регулирования. Общественные отношения, составляющие собственный предмет трудового права, как правило, полностью регулируются нормами трудового законодательства. Нормы иной отраслевой принадлежности применяются к трудовым отношениям субсидиарно, их применение не вносит в правовое регулирование иной отраслевой специфики. Совместный предмет трудового права, по мнению А.В. Кузьменко, составляют те общественные отношения, в правовом регулировании которых нормы трудового и иных отраслей права участвуют «на равных». Остается только выяснить, что означает правовое регулирование трудовых отношений «на равных» началах различными отраслями права.

В сферу влияния трудового права автор включает общественные отношения, к которым трудовое законодательство применяется субсидиарно. Между тем разграничение им сферы действия и сферы влияния трудового права теоретически оригинально, но практически весьма умозрительно.

Таким образом, достоинством работы является широта круга проблем, которые в ней рассматриваются и по которым А.В. Кузьменко высказывает свои суждения, стремление исследовать то или иное правовое явление в его системном изложении. Положения и выводы, содержащиеся в рецензируемой работе, практические рекомендации автора могут служить основой для дальнейшего изучения данной проблемы. Рецензируемая монография не ставит точку в исследовании проблемы предмета трудового права, а, наоборот, усиливает интерес к этой проблеме, содержит в ряде случаев оригинальные подходы, как бы призывая читателей включиться в исследование поставленных временем вопросов.

М.В. Лушникова

Рец. на кн.: Сойфер В.Г. Проблемы развития трудовых правоотношений в условиях рынка труда: монография. – М.: Национальный институт бизнеса, 2005. – 280 с.

В рецензируемой монографии автором поставлена задача теоретического обоснования «метаморфозы правового обеспечения трудовых процессов, которые происходят в условиях рынка труда, влияют на общественную организацию труда, характер и содержание трудового законодательства, науку трудового права, обуславливая их совершенствование и развитие» (с. 3). В этой связи основная идея работы строится на анализе диалектики стабильности и динамики трудового правоотношения. Проблему стабильности трудового правоотношения автор связывает с формированием на предприятиях и в организациях постоянных кадров, иначе говоря, работников, состоящих с работодателем в длительном трудовом правоотношении (с. 76-77, 81). По мнению В.Г. Сойфера, трудовое законодательство России было и остается последовательным «сторонником» формирования постоянного состава кадров на одном предприятии (организации). Новый Трудовой кодекс (ТК), как пишет автор, в принципе сохраняет эту тенденцию, но центр тяжести в формировании длительных трудовых связей переносит на договорное регулирование (с. 86). Динамика трудового правоотношения связывается с изменениями в правовом регулировании труда и (или) правовом статусе его участников, происходящими в результате внедрения прогрессивных форм организации труда и методов управления трудовыми ресурсами (с. 77). Оценивая в целом монографию, необходимо подчеркнуть, что ее отличает оригинальность авторских подходов к рассмотрению поставленных проблем, творческий характер проведенного исследования.

Следует отметить, что это одно из немногих правоведческих исследований, проведенных в нетрадиционном формате. Трудовое правоотношение исследуется в ключе авторских характеристик – стабильности и динамики.

Аналізу действующего трудового законодательства, как правило, предшествует ретроспективный анализ советского трудового законодательства. Необходимо отметить и привлечение автором статистических и аналитических данных, характеризующих трудовые процессы движения рабочей силы, обобщенные представителями экономических и социологических наук. Такая информационная база способствует актуализации проблем правового регулирования трудовых отношений в современных условиях.

3. В монографии не только обобщается имеющийся по рассматриваемым проблемам материал (нормативные акты, специальная литература), но и дан анализ ряда современных тенденций правового регулирования трудовых отношений (с. 106-107 и др.), прогноз развития трудовых правоотношений с участием отдельных категорий работников. В рецензируемой монографии содержится немало новых интересных положений, касающихся правового регулирования как ранее известных форм организации труда (совместительство, срочные трудовые договоры), так и новых (дистанционное управление трудовыми ресурсами, трудовые правоотношения с руководителями организаций, труд иностранных граждан, заемный труд). Так, обосновывается необходимость ограничения сферы применения, а в перспективе ликвидация совместительства в трудовом праве. Совместительство характеризуется как «устаревшая юридическая конструкция» (с. 199-201). При рассмотрении особенностей правового регулирования труда иностранных работников автор делает вывод о необходимости включения их в отдельную категорию субъектов трудового права, требующих особого режима в регулировании труда, что должно найти отражение в разделе XII ТК РФ (с. 115). Исследуя труд работников, занятых в режиме дистанционного управления трудовыми процессами, В.Г. Сойфер рассматривает возможности действующего трудового законодательства адекватно урегулировать названные трудовые отношения. Он отмечает, что в этом случае неприменимы режимы ненормированного рабочего времени, гибкого рабочего времени, институт служебной команди-

ровки, а наиболее подходящим вариантом регулирования трудовых отношений работников «мобильного офиса» является распространение на них режима правового регулирования труда надомников (с.164-165). Вносится также ряд конкретных предложений *de lege ferenda*. Например, автор считает, что необходимо усилить правовую защиту трудовых интересов такой категории работников, как заместители руководителя организации в случае смены собственника имущества организации, исключив эту категорию соответственно из ст. 75, п. 4 ст. 81 и ст. 181 ТК РФ (с. 117-118). Обосновываются также предложения о сокращении до минимума оснований увольнения руководителя по независящим от него причинам, дополнив ч. 3 ст. 278 ТК РФ четкими и конкретными критериями «иных оснований увольнения» (с. 125-126).

В рецензируемой монографии предлагаются авторские дефиниции «рабочего места» (с. 170) и «трудовой функции» работника, но при этом В.Г. Сойфер не проводит разграничения «рабочего места» и «места работы», не определяет характера условия о рабочем месте в трудовом договоре (существенное или дополнительное условие). Между тем от этого зависит и судьба трудовой функции, поскольку автор характеризует ее как «круг работ и трудовых обязанностей работника, которые стороны трудового договора определяют применительно к конкретному рабочему месту с учетом профессиональных и деловых качеств работника» (с. 179).

При исследовании заемного труда В.Г. Сойфер выделяет три блока отношений: 1) трудовые отношения между работником и кадровым агентством, 2) трудовые отношения между работником и предприятием-пользователем (последнему делегируются некоторые права работодателя); 3) гражданско-правовые и трудовые отношения между кадровым агентством и предприятием-пользователем. При этом трудовые отношения названы организационно-трудовыми и отнесены к производным от трудового отношениям (с. 248-252). В.Г. Сойфер «склоняется к необходимости регулировать данный комплекс общественных отношений системой договоров, относящихся к гражданскому и трудовому праву» (с. 253).

Конечно, такое емкое и содержательное исследование не может не вызвать конструктивной дискуссии. Это касается не только практических предложений автора, но и ряда теоретических положений работы.

Во-первых, это узкое авторское понимание стабильности трудового правоотношения, которое сводится только к продолжительному его существованию во времени. Действительно, в 70-е годы прошлого века в исследованиях советских ученых-трудовиков стабильность трудового правоотношения противопоставлялась текучести кадров. Однако эта характеристика трудового правоотношения довольно многогранна. Так, еще Л.С. Таль писал о значимости и привлекательности идеи (теории) «стабилитета» трудового отношения, которая была обоснована австрийцем Э. Штейнбахом, немцем О. Цвиденек-Зюденгорстом и другими. Суть этой теории сводилась к запрету увольнения работника без достаточного основания и обязанности работодателя к возмещению убытков. В настоящее время в западной науке появилось новое понятие «гибконадежности (гибкобильности)» трудового правоотношения. Понятие стабильности трудового правоотношения во многом связывается с гарантиями занятости работника в широком смысле.

Во-вторых, к сожалению, автору не удалось свести в единую стройную юридическую конструкцию диалектику стабильности и динамики трудового правоотношения. Если стабильность характеризует существование правоотношения во времени, то динамика, по мнению автора, связана с правовым регулированием нестандартных форм занятости, дифференциацией в правовом регулировании труда отдельных категорий работников. По крайней мере такой вывод следует из анализа структуры монографии. Между тем, на наш взгляд, названные в авторском исполнении явления лежат в разных плоскостях (длительности, устойчивости противостоит краткосрочность, а дифференциации – единство, равенство). Трудно согласиться и с авторским обоснованием права на постоянную работу, в содержание которого включается право-требование работника, которому корреспондирует обязанность работодателя предоставить таковую при заключении трудового договора или создать условия для реализации взаимного интереса сторон находиться в трудовой связи длительное время

(с. 83). Возникает вопрос, что имел в виду автор в данном определении, предлагая альтернативу «обязанность работодателя предоставить такую работу» или «обязанность создать условия...». Более того, остается открытым и вопрос о соотношении права на постоянную работу с правом на труд и свободой труда. Еще больше вопросов возникает в связи с предложением В.Г. Сойфера внести в ТК РФ дефиниции «постоянный (кадровый) работник» и «ветеран труда» (с. 102-103).

В-третьих, довольно «легковесной» представляется позиция автора по проблеме совместного регулирования труда средствами трудового и гражданского права. При этом В.Г. Сойфер видит решение данной проблемы в сотрудничестве названных отраслей. Он считает, что "применительно к конкретной работе выбор методов правового регулирования трудовой деятельности осуществляют сами участники: работник и работодатель, исполнитель и заказчик" (с. 273). Иными словами, сами стороны решают, какой заключать договор: трудовой или гражданско-правовой. Но затем автор оговаривается, что «все же договоры гражданско-правового характера о труде не должны превалировать на трудовом фронте». Более того, по мнению автора, «в целях повышения приоритета трудового договора в формировании стабильного трудового правоотношения необходимо разработать эффективный правовой механизм, обеспечивающий условия для стимулирования перехода договора гражданско-правового характера в трудовой» (с. 274). Например, В.Г. Сойфер предлагает исключить из законодательства институт внутреннего совместительства, потому что «выполнение работником основной и дополнительной (совмещаемой) работы у одного работодателя может юридически оформляться по двум (одновременно или поочередно) договорам: трудовому и гражданско-правовому, заключаемым в зависимости от характера и результатов выполняемой работы» (с. 200). Между тем в повестку дня Международной конференции труда (95-я сессия 2006 г.) включен вопрос о трудовых отношениях, подчеркивается озабоченность МОТ в связи со злоупотреблениями, возникающими в сфере скрытых трудовых отношений, которые оформляются в том числе и гражданско-правовыми договорами. Таким образом, речь идет о существенных признаках (критериях) трудовых отношений, а

не о субъективном усмотрении сторон договора или некоем «переходе» гражданско-правового договора в трудовой. Полагаем, что рассматриваемая проблема не решается столь просто, как она видится автору рецензируемой монографии.

Стремление В.Г. Сойфера к широте подхода, охвата большого круга вопросов как теоретических, так и прикладных неизбежно сказывается и на глубине их проработки, исследования. В этой связи общее впечатление о рецензируемой работе – это ее мозаичность. С одной стороны, несомненной удачей автора является исследование прикладных проблем отдельных видов трудовых договоров, в том числе и нетипичных. С другой стороны, теория развития трудового правоотношения в ключе стабильности и динамики дана общими «штрихами», при прочтении не создается целостного представления об этой концепции. Но в целом же рецензируемую работу следует признать довольно яркой, творческой. По актуальности поднятых проблем, уровню их исследования книга, несомненно, заслуживает обращения к ней читателей. Многие поставленные автором вопросы еще ждут своего решения, а может быть, и научной полемики. На наш взгляд, отечественная литература по трудовому праву пополнилась новой интересной, содержательной монографией.

М.В. Лушников

**Рец. на кн.: Томашевский К.А. Изменение
трудового договора и условий труда:
сравнительный анализ законодательства России,
Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы:
монография. – М.: Изд-во деловой и учебной
литературы, 2005. – 208 с.**

В рецензируемой монографии рассмотрены теоретические и практические проблемы правового регулирования изменения трудового договора и условий труда на основе законодательства России, Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы. Следует

сразу же отметить, что это одно из немногих монографических тематических исследований, проведенных в сравнительно-правовом ключе. Указанным обстоятельством обусловлена и структура работы. Монография открывается весьма беглым, кратким анализом истории правового регулирования трудового договора и условий труда в Беларуси и России. В результате проведенного исторического экскурса К.Л. Томашевский пришел к выводу о том, что некоторые ранее действовавшие нормы права по изменению условий труда, эффективность которых проверена правоприменительной практикой, могут быть учтены и даже восстановлены в процессе совершенствования современного трудового законодательства России и Беларуси (с. 23).

Информативно интересными являются разделы монографии, посвященные правовому регулированию изменения трудового договора в трудовом праве зарубежных стран и проекте Модельного трудового кодекса стран СНГ. По мнению автора, выбор систем зарубежного права для сравнительного исследования (страны Западной Европы и СНГ) обусловлен тем фактом, что в последнее время наметилась тенденция развития российского и в целом постсоветских систем права в направлении присоединения к германской подгруппе в рамках континентальной (романо-германской) правовой семьи (с. 23). В этой связи автор рассматривает проблемы правового регулирования изменения трудового договора на примере законодательства следующих групп государств: 1) стран Западной Европы (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Нидерланды); 2) стран СНГ (Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина, Узбекистан). Анализируя западные модели изменения трудового договора не только по соглашению его сторон, но и в результате односторонних действий работодателя в связи с экономическими причинами, он констатирует, что эту западную модель без изменения заимствовать нельзя. Автор полагает, что гибкость в определении условий труда и свобода нанимателя в изменении условий труда в одностороннем порядке на основе директивной власти (в частности, при изменении существенных условий труда, перемещении, служебной командировке, отстранении от работы) допустимы при соблюдении «подстраховочных процедур» и гарантий прав работ-

ника (с. 28). Рассматривая ТК стран СНГ, К.Л. Томашевский обращает внимание на те положения, которые могут быть заимствованы законодателями России и Беларуси: например, общие правила об изменении условий труда и трудового договора по ТК Узбекистана и Молдовы, понятие рабочего места по ТК Кыргызстана и другие. Таким образом, в этой части монография действительно написана в сравнительно-правовом формате, автором сформулированы конкретные предложения по заимствованию тех или иных конструкций изменения трудового договора. Остается только сожалеть, что в сравнительно-правовом аспекте им исследованы лишь отдельные вопросы изменения трудового договора и при этом довольно кратко (с. 24-36). В последующих разделах монографии автор в основном ограничивается сравнительно-правовым анализом трудового законодательства об изменении трудового договора России и Беларуси, лишь изредка вспоминая по случаю отдельные новеллы ТК стран СНГ.

Значительная часть монографии отведена изложению общетеоретических вопросов изменения трудового договора и условий договора. В этой части рецензируемую монографию можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, автором предпринята попытка обобщить исследования как советских, так и современных ученых-трудовиков по проблемам изменения трудового договора (Н.Г. Александров, Е.А. Астрахан, Л.Ю. Бугров, Е.А. Голованова, Л.Я. Гинцбург, И.Б. Морейн, Р.З. Лившиц, В.И. Кривой, Е.П. Циндяйкина и др.) и сформулировать свою позицию, оценку по вопросам определения переводов, изменения условий труда и трудового договора, отстранения от работы и других изменений с учетом действующего законодательства Беларуси и России. Такой подход вызывает одобрение. С другой стороны, К.Л. Томашевский довольно смело заявил, что проведенное им исследование «позволило сформулировать новую концепцию изменения трудового договора и условий труда, которая может быть реализована как в ТК Беларуси, так и в ТК России» (с. 37). Вдумчивый читатель, безусловно, задастся вопросом: в чем же состоит новаторство концепции изменения трудового договора, предложенной автором? Речь идет именно о концептуально новом решении проблемы изменения трудового договора, которое отличается от ранее существовавших в теории и практи-

ке трудового права. Отметим, что под концепцией имеется в виду не только система взглядов или единый определяющий замысел, но и определенный способ понимания, трактовки какого-либо явления. При этом концепция должна обладать качествами целостности и новизны, предполагать особый, авторский подход, существенно отличный от предшествующих. В этом контексте мы можем говорить о концепции трудового договора Л.С. Таля, о концепции трудового правоотношения Н.Г. Александрова, о концепции системы принципов трудового права О.В. Смирнова и др. Обратимся к анализу авторских теоретических новелл:

1. Автор разделяет полисемантическую концепцию трудового договора, пишет о том, что трудовой договор может рассматриваться в разных значениях (юридический факт, длящееся договорное обязательство – правоотношение, правовой документ). На этом основании он считает, что указанные три значения трудового договора носят субъективно-правовой характер и могут быть объединены в одном определении: «трудовой договор – это оформленное, как правило в виде отдельного документа, соглашение между работником и нанимателем, влекущее возникновение трудового правоотношения, по которому работник обязуется лично выполнять работу по определенной трудовой функции и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу и обеспечивать иные условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективными договорами (соглашениями), локальными нормативными актами и соглашением сторон» (с. 44). Новизна этого определения трудового договора, на наш взгляд, состоит только в редакционной юридической технике, так как в ТК РФ наряду с дефиницией трудового договора (ст. 56) имеются статьи, посвященные основаниям возникновения трудовых отношений (ст. 16) и форме трудового договора (ст. 67).

2. К.Л. Томашевский считает, что в теоретическом и практическом плане важно четко разграничить понятия «трудовой договор», «трудовое правоотношение», соответственно и содержание трудового договора и содержание трудового правоотношения, а также соотношение между ними. Но этот тезис не является от-

крытием в трудовом праве. Сам автор пишет о том, что в теории трудового права эта проблема остается дискуссионной. В этой связи, по его мнению, необходимо соотносить и содержание трудового договора: содержание договора – юридического факта как договорных условий, достигнутых между его сторонами и самостоятельно ими выработанных, содержание договора-правоотношения как прав и обязанностей сторон, возникающих не только из трудового договора, но и из законодательства, локальных актов (с. 55-57). Отметим, что такой подход к разграничению содержания договора – юридического факта и договора-правоотношения поддерживается рядом представителей гражданского права (Р.О. Халфина, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский и др.), а также применительно к трудовому договору рядом ученых-трудовиков (И.С. Войтинский, Э.Н. Бондаренко, Е.Б. Хохлов, Н.И. Дивеева, В.Д. Шахов и др.). Таким образом, К.Л. Томашевский солидаризуется с одним из подходов к разграничению рассмотренных понятий, обоснованных в науке как гражданского, так и трудового права.

В этой связи еще раз убеждаемся в том, что характерной чертой творчества автора монографии является уважительное отношение к научным результатам своих коллег. Понятно, чтобы обосновывать новые идеи, необходимо опираться на исследования предшественников по данной проблеме.

3. К.Л. Томашевский также поддерживает общепризнанную в теории трудового права концепцию разграничения обязательных (необходимых) и дополнительных (факультативных) условий трудового договора, отмечая при этом, что российский законодатель придерживается иной юридической конструкции существенных условий трудового договора. Проведенный автором анализ существенных условий трудового договора (ст. 57 ТК, ст. 19 ТК Беларуси) позволил ему сделать вывод о том, что законодатель необоснованно расширил круг обязательных (существенных) условий трудового договора, поскольку таковыми, по его мнению, являются только два условия: о месте работы и о трудовой функции (с. 61-64).

4. К.Л. Томашевский обосновывает необходимость разграничения изменений трудового договора, изменений трудового правоотношения и изменений условий труда. Он предлагает право-

вой подынститут «изменение трудового договора» преобразовать в «изменение трудового договора и трудового правоотношения» и дополнить соответствующие разделы ТК России и Беларуси общими правилами об изменении трудового договора, трудового правоотношения и условий труда (с. 175). Но при этом автор выделяет только принципы изменения трудового договора и условий труда (вероятно, эти принципы не касаются изменения трудового правоотношения). В систему этих принципов К.Л. Томашевский включает следующие: 1) свобода изменения трудового договора и условий труда; 2) недопустимость изменения трудового договора и условий труда, если при этом работнику поручается работа, противопоказанная ему по состоянию здоровья; 3) сохранение при изменении трудового договора стажа работы, с которым для работника по законодательству, коллективному договору, соглашению, трудовому договору связаны какие-либо права и льготы; 4) обоснованность изменения трудового договора и условий труда (с. 81-89).

5. К.Л. Томашевский не соглашается с господствующим в науке трудового права подходом об исчерпывающем перечне разновидностей изменения трудового договора. Под изменением трудового договора автором понимается изменение условий трудового договора (любого договорного условия либо лишь отдельных из них) и изменение нанимателя – юридического лица, но только в случае его реорганизации, смены собственника его имущества. Но при этом К.Л. Томашевский отмечает, что при определенных оговорках к изменению трудового договора могут быть отнесены, помимо перечисленных, и некоторые другие явления из области трудового права (служебная командировка, поручение работы в другом обособленном структурном подразделении, изменение условий договора в связи с изменением законодательства, коллективного договора (с. 72-76)). Закономерно возникает вопрос об авторской дефиниции «изменения трудового договора», которая при определенных оговорках включает и иные правовые явления, перечень которых является открытым и квалифицирующими признаками не обусловлен.

6. Под изменениями трудового правоотношения, по мнению автора, понимаются изменения взаимных прав и обязанностей

работника и нанимателя в результате изменения законодательства, коллективного договора, соглашения, трудового договора или наступления иных юридических фактов. При этом автор к видам изменений трудового правоотношения причисляет перемещение работника (если условие о работе в структурном подразделении не включено в трудовой договор в качестве существенного условия) (с. 134), изменение существенных условий труда по ТК Беларуси, отстранение от работы (с. 171) и др.

7. Как утверждает автор, изменение условий труда – это изменение социальных и производственных факторов, при которых осуществляется труд, вызываемое изменением законодательства, коллективных договоров, соглашений, локальных актов, а также по решению нанимателя, требованию работника, соглашению сторон (с. 79). Изменение условий труда не является предметом договора с работником, поэтому они могут изменяться работодателем в одностороннем порядке (в том числе путем принятия локальных актов), но с соблюдением требований законодательства о труде (в частности, ст. 8, 72, 73 ТК РФ). Кроме того, условия труда могут изменяться в централизованном порядке (при изменении законодательства) и коллективно-договорном порядке; по соглашению сторон (но, как правило, в сторону улучшения положения работника) (с. 90-91). Однако в значительной своей части предложенная автором юридическая конструкция «изменения условий труда» пересекается с конструкцией «изменения трудового правоотношения». Возникают вопросы о разграничении этих видов изменений, а самое главное – о практической значимости введения в законодательство этих смежных (возможно, и совпадающих по содержанию) категорий. Аналогичные вопросы возникают и по соотношению изменений трудового договора и изменений условий труда. Следует отметить, что сам автор, перечисляя рассматриваемые понятия, зачастую называет их через запятую. Например, в разделе монографии 3.4 автор пишет об иных видах изменения трудового договора и условий труда, к которым относит изменение нанимателя в результате его реорганизации, служебную командировку, поручение работы в другом обособленном подразделении и др. (с. 155). А далее названные виды изменений он относит одновременно и к «изменениям трудового

договора, трудового правоотношения и (или) условий труда (с. 176-177)

Возвращаясь к заявленному автором тезису о создании новой концепции изменения условий трудового договора и условий труда, которая может быть реализована в трудовом законодательстве двух стран, мы можем констатировать, что автору удалось определить общие методологические подходы к пониманию изменения трудового договора. Однако, вероятно, преждевременно говорить о целостной и готовой к легальному закреплению концепции и юридической конструкции. Остается еще целый ряд вопросов правового регулирования изменения трудового договора, трудового правоотношения и условий труда (особенно в контексте их разграничения по содержанию и правовым последствиям), которые так и не решены. Одно несомненно: перед нами оригинальная исследовательская работа, которая вряд ли оставит равнодушными всех, кто интересуется проблемами теории и практики трудового договора.

Научное издание

Серия "Ярославская юридическая школа начала XXI века"

**Вестник трудового права
и права социального обеспечения**

*Основатели ярославской школы
трудового права
и права социального обеспечения:
портреты на фоне времени*

Выпуск 1

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 10.04.2006. Формат 60×84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 11,16. Уч. -изд. л. 9,5.
Тираж 200 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49

